
ОГОНЁК
№ 51 ДЕКАБРЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Подмосковье. Туристы-лыжники в походе.

Фото Ю. Транквиллицкого.

На первой странице обложки: Мыс Шмидта. Чукотские школьники Витя Миненко и Ира Чайвытваль.

Фото Я. Рюмкина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 51 (1436) 19 ДЕКАБРЯ 1954

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН.

ВЕЛИКИЙ ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ДЕЛА ЛЕНИНА

(К 75-летию со дня рождения И. В. Сталина)

Для революционера, для политического борца нет и не может быть награды большей, чем любовь и признание народа — творца истории, труженика и созидателя. Иосиф Виссарионович Сталин всей своей славной жизнью и деятельностью завоевал эту великую награду. Любовь и признание советских людей и трудящихся всего мира он снискал своей безграничной верностью делу гения пролетарской революции Владимира Ильича Ленина, верностью идеям марксизма-ленинизма.

* * *

Все, что достигнуто нашим народом за минувшее пятидесятилетие, что составляет сегодня предмет величайшей гордости советских людей, все это — результат героической борьбы трудящихся, руководимых Коммунистической партией. Это она, партия, обобщая исторический опыт и выражая жизненные интересы народа, опираясь на марксистско-ленинское учение о законах общественного развития, выработала конкретную боевую программу революционного преобразования общества. Партия вдохновила наш народ на борьбу и привела его к победе Великой Октябрьской социалистической революции, организовала диктатуру пролетариата, обеспечила построение социалистического общества и ныне возглавляет строительство коммунизма в нашей стране.

Эту партию создал и выковал Владимир Ильич Ленин. И. В. Сталин был достойным учеником и соратником Ленина, верным помощником его в строительстве партии нового типа, подлинно революционной марксистской партии — Коммунистической партии Советского Союза.

Первые ленинские труды, полные мудрой глубины и горячей революционной страсти, яркий свет ленинской «Искры» пробудили и сформировали сознание молодого Сталина. Выше самых высоких, вечно заснеженных кавказских хребтов перед мысленным взором его парил горный орел революции, смелый, не знающий страха в борьбе, зовущий и ведущий к победе Ленин.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции партия подняла массы на решение величественных задач, подобных которым не решал еще никто никогда в мировой истории. Эти задачи сформулировал В. И. Ленин: от разрушения старого, капиталистического строя — к творчеству нового, к строительству социалистического общества.

В суровые годы гражданской войны и борьбы с иностранной интервенцией Коммунистическая партия подняла весь народ на Отечественную войну в защиту великих завоеваний Октябрьской социалистической революции. Всем делом обороны Советского государства руководил Центральный Комитет партии во главе с В. И. Лениным. Ближайшими помощниками Ленина в организации и политическом просвещении Красной Армии, в осуществлении ленинского плана разгрома врагов были Сталин, Молотов, Калинин, Свердлов, Фрунзе, Ворошилов, Каганович, Орджоникидзе, Киров, Куйбышев, Микоян, Жданов, Дзержинский, Хрущев и другие выдающиеся деятели партии.

Ни с чем не сравнимую тяжкую потерю понесли партия и народ со смертью Владимира Ильича Ленина. И. В. Сталин и другие ученики Ленина возглавили борьбу Коммунистической партии за претворение ленинских заветов в жизнь. Как священный наказ своего основателя, учителя и вождя, как боевое руководство к действию приняла Коммунистическая партия разработанную В. И. Лениным программу превращения экономически отсталой России в передовую социалистическую державу.

Ленинская программа предусматривала социалистическую индустриализацию страны, всемерное развитие тяжелой промышленности, электрификацию всего народного хозяйства, проведение в жизнь кооперативного плана преобразования сельского хозяйства на социалистических началах.

Эту программу с великим единодушием приняли рабочий класс, трудовое крестьянство, весь советский народ. Против нее ополчились злейшие враги партии и народа — троцкисты, бухаринцы, буржуазные националисты. Благодаря стойкости и выдержке Коммунистической партии, ее Центрального Комитета во главе с И. В. Сталиным предатели и капитулянты были разгромлены. Партия и народ под ленинским знаменем уверенно, неудержимо пошли дальше, вперед по ленинскому пути — к социализму. Следуя указаниям В. И. Ленина, И. В. Сталин всегда превыше всего ставил задачу сохранения монолитной сплоченности партии, неутомимо боролся за единство партийных рядов.

Осуществляя программу социалистического строительства, Коммунистическая партия, руководствуясь ленинскими указаниями, развитыми дальше в трудах И. В. Сталина и в партийных решениях, организовала великую борьбу трудящихся СССР за индустриализацию страны, за коллективизацию сельского хозяйства, за построение социализма.

В эти годы партия с новой силой продемонстрировала свое умение, свою способность быть ведущей, руководящей и направляющей силой советского общества. Партия вновь продемонстрировала свою непоколебимую верность ленинизму. В исторически кратчайший срок наша Родина совершила в своем развитии гигантский скачок вперед, превратилась из отсталой аграрной страны в могучую индустриально-колхозную социалистическую державу.

В Великой Отечественной войне Коммунистическая партия выступила как вдохновитель и боевой руководитель советского народа и его Вооруженных Сил. Решением Центрального Комитета партии и Советского правительства во главе Вооруженных Сил Советского государства был поставлен И. В. Сталин.

Советский народ, ведомый Коммунистической партией, отстоял свободу, независимость и честь своей Отчизны, спас человечество от угрозы фашистской тирании.

Неотступную верность ленинизму, которой учил партию и народ И. В. Сталин, отражает вся внутренняя и внешняя политика Коммунистической партии и Советского правительства на нынешнем, новом этапе нашего движения вперед. Главные задачи этой политики состоят в том, чтобы построить коммунистическое общество путем постепенного перехода от социализма к коммунизму, непрерывно повышать материальный и культурный уровень общества. Политика Коммунистической партии и Советского правительства, направленная на дальнейший подъем экономики, повышение жизненного уровня народа, на укрепление могущества и безопасности нашей Родины, обеспечивает дальнейшее упрочение нерушимого союза рабочего класса и колхозного крестьянства, дружбы народов СССР. Политика Коммунистической партии и Советского правительства воспитывает членов общества в духе интернационализма и установления братских связей с трудящимися всех стран, всемерно укрепляет активную оборону Советской Родины от агрессивных действий ее врагов.

* * *

И. В. Сталин был выдающимся пропагандистом ленинизма. В своих трудах он раскрыл бесценное идейное богатство ленинского учения, являющегося величайшим достоянием нашей партии.

Обобщая богатейший опыт социалистического строительства в СССР и опыт международного освободительного движения, И. В. Сталин творчески развил марксистско-ленинскую теорию применительно к новым историческим условиям, обогатил учение В. И. Ленина рядом новых положений о марксистской партии нового типа, о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, о стратегии и тактике классовой борьбы пролетариев против своих угнетателей.

Основой основ Советского многонационального государства является дружба народов. В. И. Ленин разработал стройную теорию, программу и тактику партии по национальному вопросу. Ленинские программные положения по национальному вопросу получили свое дальнейшее развитие в произведениях И. В. Сталина, в решениях партии. Ленинско-сталинская национальная политика Коммунистической партии — решающий фактор, все более крепко цементирующий нерушимую братскую дружбу всех народов СССР.

Для осуществления новых задач, стоящих теперь перед нашей страной, большое значение имеет теоретическое наследие И. В. Сталина, в котором развиты и конкретизированы марксистско-ленинские положения о закономерностях развития социалистического общества, о путях постепенного перехода от социализма к коммунизму. Опираясь на исходные положения, данные в трудах Маркса, Энгельса, Ленина, Сталин сформулировал основной экономический закон социализма.

Партия и народ помнят, какое огромное значение И. В. Сталин придавал укреплению Советского государства, помнят его указания о том, что крепость и мощь социалистического государства являются важнейшим условием достижения новых успехов в борьбе за коммунизм.

И. В. Сталин развил ленинское учение об империализме, дал анализ общего кризиса капиталистической системы, сформулировал основной экономический закон современного капитализма.

Идеи Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина живут и побеждают, они освещают всем народам мира единственно правильный, проверенный историей путь к свободе и счастью.

Неуклонно осуществляя решения XIX съезда партии, укрепляя единство и боеспособность своих рядов, всемерно развивая внутрипартийную демократию, самокритику и в особенности критику снизу, партия последовательно руководствуется выработанными Лениным нормами партийной жизни и принципами партийного руководства. Коллективный опыт и коллективная мудрость Центрального Комитета, опирающиеся на научную основу теории Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина и широкую инициативу руководящих кадров, на творческую энергию и самодеятельность народных масс, ведут нашу Родину по пути построения коммунистического общества.

Коммунистическая партия — вождь советского народа. В единстве партии и народа — великая сила коммунизма. Под знаменем Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, под мудрым руководством Коммунистической партии советский народ уверенно идет к торжеству коммунизма.

НОВЫЕ ПРИМЕТЫ

И. РЯБОВ

Поедемте от московской заставы до заставы другого города — между ними лежит то пространство, что в нынешнее время называется периферией, а раньше звалось провинцией.

Много дорог ведет из столицы в разные направления. Изберем старейшую из этих дорог, она идет почти рядом с Октябрьской железной дорогой — прямой, строгой магистралью, связывающей два великих города.

Мы на Ленинградском шоссе.

Слово «застава» стало достоянием истории, слово «провинция» исчезает из обихода. Нет внешних примет, с которыми раньше связывалось представление о Тверской заставе, миновав которую путник погружался в огромный океан российской провинции с полосатыми верстовыми столбами, бездорожьем, звоном валдайского колокольчика, малолюдными уездными городишками, глядевшими на путника окошками присутственных зданий.

Наша советская Москва далеко шагнула вперед на все стороны света от своих прежних застав, и ныне ее окраиной на старом шоссе стал ансамбль порта на канале имени Москвы, и золотая звезда над зданием Речного вокзала долго видна нам на пути из столицы.

За каналом, воды которого то сжаты гранитом, то, разлившись, образуют широкие и глубокие озера с сосновыми рощами и густыми дубравами на берегах, собственно, и начинается периферия.

В любое время суток не умолкает жизнь на асфальтированной магистрали, и автомобильные гудки ее весело перекликаются с мощными голосами паровозов. В любое время суток на Ленинградском шоссе вам вряд ли придется испытать чувство путешественника, попавшего «во глубину России», выключившегося из кипучей, вдохновляющей атмосферы огромного города. Его дух, его энергия, его черты — в стиле окрестных городов и селений...

И мы думаем в дороге о характерном явлении нынешнего года — тысячи специалистов передвинуты или передвигаются из больших городов в села и деревни.

Большие города гостеприимно зовут людей. Уроженцы деревень и сел вдоль Ленинградского шоссе едут в Москву, в Калинин в качестве строителей, едут на заводы и фабрики, едут в техникумы и в академии. И большие города в обмен на эту могучую силу посылают людей, обладающих знаниями, организаторскими навыками и талантами.

Это перемещение вызвано социалистической эпохой, преобразованиями во всем укладе страны, великими работами, на которые подняла народ Коммунистическая партия.

Мы гордимся коренным отличием нашей жизни, отличием нашего города от того городка Российской империи, о котором писали Радищев и Пушкин, Герцен и Щедрин.

В книге «Письма о провинции» Щедрин писал о застое уездной жизни, о неподвижности населения российских захолустий. «Все, что ни видится на улицах, на площадях, в лавках, в присутственных местах, — все это *тутошное*, живущее здесь только потому, что постепенно нагуляло себе как бы естественные кандалы. Постороннему здесь нечего делать, а потому незачем и приезжать... Провинциальный город никогда ни для кого не служил целью, а только стоял на пути, на том бесконечном, постылом пути, который так, кажется, и перелетел бы, если б были крылья».

Уездный город Клин был типичным представителем провинции, хотя и стоял на первом и старом железнодорожном пути. В начале нашего столетия в нем было, пожалуй, не больше трех тысяч человек, кормившихся от заработков на железной дороге, на стекольном заводике, в кустарных артелях, в механической мастерской немца Чепеля да на лентоткацкой фабрике француза Буссена.

С Октября 1917 года жизнь в Клину перешла на новые рельсы. Тысяча девятьсот пятьдесят пятый год город встречает на правах большого промышленного центра: в сентябре 1954 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Клин был отнесен к категории городов областного подчинения. Это означает его переход в иной масштаб. Этому предшествовали бурная, энергичная жизнь города, его индустриальный прогресс, рост его населения. Такого количества жителей до революции не было даже в губернском городе.

Текстильщики, стекловары, металлисты, железнодорожники, печатники, трикотажницы... Велик перечень профессий, представленных в нынешнем Клину. Город строится. В этом году начато строительство завода железобетонных конструкций и Дворца культуры. Недавно Клин украсился новым зданием — недалеко от бревенчатого домика П. И. Чайковского выстроен большой комфортабельный дом для ветеранов труда.

Город расширяет влияние на деревню, передавая ей свою индустриальную и техническую культуру. В девяти километрах от Клина заканчивается строительство усадьбы Соголевской МТС — это как бы кусок Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, перенесенный в клинскую деревню. Город послал мелиораторов в поймы рек Сестры и Березовки. До семи тысяч гектаров пойм будет превращено в луговые угодья.

В этом году электропоезду проложен путь от Москвы до Клина. Он пройдет дальше в сторону Калинина, к берегам «Московского моря», которое в дополнение к своим транспортным функциям является местом отдыха, туризма, охоты, рыбной ловли. Море плещет сизыми волнами вдоль насыпи железнодорожного пути, оно встречается нам впервые на Ленинградском шоссе, там, где проходит граница областей Московской и Калининской. И уже старинное село Городня, вошедшее в знаменитую радищевскую книгу, оказалось как бы на морском берегу.

Следует сказать и об интереснейшем в этих местах предприятии или учреждении — затрудняемся, к какой номенклатуре отнести опытную станцию Всесоюзного научно-исследовательского института торфяной промышленности. Она построена в 1926 году. Ее база — «Галицкий мох» — массив торфа между Волгой и Октябрьской железной дорогой; ее назначение — совершенствовать отечественную технику, строить и испытывать машины, работающие в «кладовых солнца», которых так много на территории Московской, Калининской, Ленинградской областей. Мы знаем эту станцию с первых лет ее деятельности, когда в приволжском сосняке появились ее корпуса и когда загудели машины над торфяными болотами. Тогда журналисты в описаниях станции и работы конструкторов и мастеров употребляли выражение «Америка на болоте» — заокеанская держава представлялась страной, обладающей максимумом техники, страной, догнать которую было весьма заманчиво.

Сегодня творцы торфяных машин не испытывают трепета при слове «Америка». Семидесятилетний ученый М. Р. Степанов, автор 40 научных трудов, и директор станции В. В. Покаместов весело смеются, вспоминая «Америку на болоте» или «Данию под Москвой», как именовали в те же двадцатые годы подмосковную животноводческую ферму «Бутырский хутор».

В селе Городня большой, многоотраслевой колхоз «Рабочая Москва», руководит им И. Н. Цветков, агроном, коммунист, прибывший сюда из города Калинина. При Цветкове колхоз пошел в гору, и городнянские крестьяне уверены, что задачи, поставленные перед ними партией и правительством, будут выполнены. Колхозники хвалят нового председателя: «На хорошие дела нас поднимает, знающий человек, чуткий, ласковый до народа...» Они рассказывают: «К нам приезжают на жительство люди из других мест: Богомолов Григорий, Мунин Борис — у нас дела хватит».

Колхоз полностью рассчитался с государством по зерну, картофелю и овощам, сверх того продал 1 200 центнеров картофеля и 100 центнеров овощей, выдал колхозникам авансы в счет трудодней. Семья Петра Никулина получила белой муки 864 килограмма, пшеницы — 247 килограммов, картофеля и овощей — 2 716 килограммов. Кроме того, П. Никулин получил 1 235 рублей. Колхозники побывали на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке и кое-что уже перенесли оттуда в свою практику: переоборудуют свинарник, улучшают механизацию ферм, вводят в севооборот кукурузу, строят теплицу. Что касается культуры, то осенью установлен новый радиоузел и куплен для клуба телевизор.

...От Городни до Калинина двадцать километров. Вечереет. Зажигается электрический свет в деревнях. На горизонте возникают башни элеватора, дальше дымят трубы предприятий Ново-Промышленного района. Район этот вышел далеко за старую заставу города, где изменилось очень многое — от пейзажа до названия.

Областной центр встречает нас мощным дыханием своих новых индустриальных гигантов. Они встали справа от шоссе. Слева на большом пространстве раскинулся молодой яблоневый сад.

Клуб опытной станции близ села Городня.

Фото Г. Санько.

ЗА ДРУЖБУ МЕЖДУ НАРОДАМИ

Выступление В. М. Молотова.

10 декабря в Москве, в Колонном зале Дома союзов, состоялось собрание представителей советской общественности, посвященное знаменательной дате — десятилетию Договора о союзе и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Французской Республикой.

В Колонном зале собралось более двух тысяч человек — передовиков промышленности, ученых, писателей, студентов, мастеров искусств.

Горячими аплодисментами собравшиеся приветствовали появление в президиуме товарищей Н. А. Булганина, Г. М. Маленкова, А. И. Микояна, В. М. Молотова, Н. С. Хрущева, Н. М. Шверника.

На собрании присутствовали Чрезвычайный и Полномочный Посол Французской Республики в СССР Луи Жокс, сотрудники французского посольства, французские писатели Луи Арагон и Эльза Триоле.

С докладом «Десятилетие Договора о союзе и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Французской Республикой» выступил Председатель Совета Министров РСФСР А. М. Пузанов.

С речами выступили академик В. В. Виноградов, работница хлопчатобумажного комбината «Трехгорная мануфактура» Д. П. Смирнова, писатель И. Г. Эренбург, писательница А. А. Караваева, Первый Заместитель Председателя Совета Министров СССР и Министр Иностранных Дел СССР В. М. Молотов.

В зале собрания. Фото А. Гостева.

Выборы народных судов

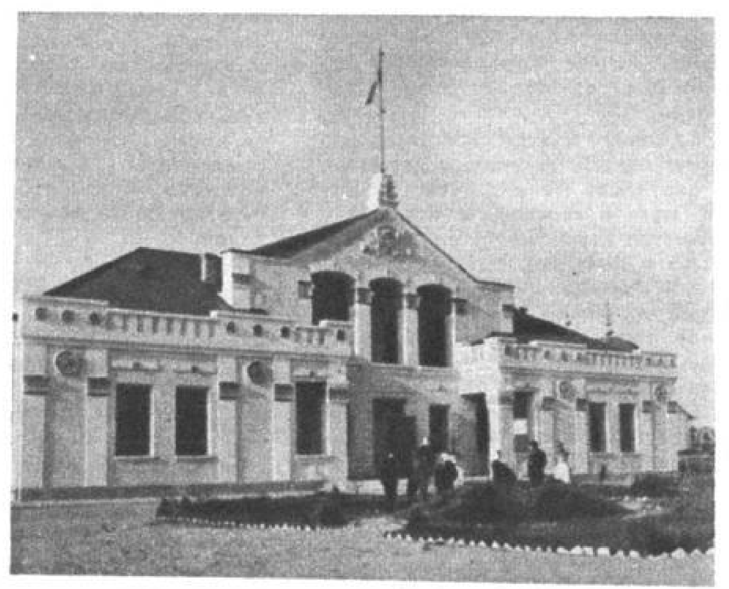

12 декабря в городах и селах Российской Федерации и ряда других союзных республик состоялись выборы народных судов. Повсеместно выборы прошли в обстановке высокой политической активности и единодушия трудящихся.

На снимке: на первом избирательном пункте Ленинградского района Москвы. Избиратели получают бюллетени.

Фото А. Гостева.

Колхозный Дворец культуры

Новый Дворец культуры в селе Бабчинцы.
Фото Н. Пирюовского.

Бабчинцы, Черневецкого района, Винницкой области,— большое украинское село. Достаточно сказать, что в селе семь школ, где преподают семьдесят педагогов.

Недавно в Бабчинцах открылся колхозный Дворец культуры, построенный членами сельскохозяйственной артели «Путь к коммунизму». Красивое двухэтажное здание отделано с большим вкусом. Зрительный зал рассчитан на 550 мест. Есть библиотека, читальный и лекционный залы, фойе, комнаты для кружковой работы, киноустановка.

На сцене нового Дворца культуры уже выступают колхозные артисты, танцоры, музыканты. В репертуаре драматического кружка, которым руководит участковый механик Бабчинецкой МТС М. П. Белый, классические украинские пьесы «Безталанна» Карпенко-Карого, «Лимеривна» Панаса Мирного и другие.

В. ШУМОВ

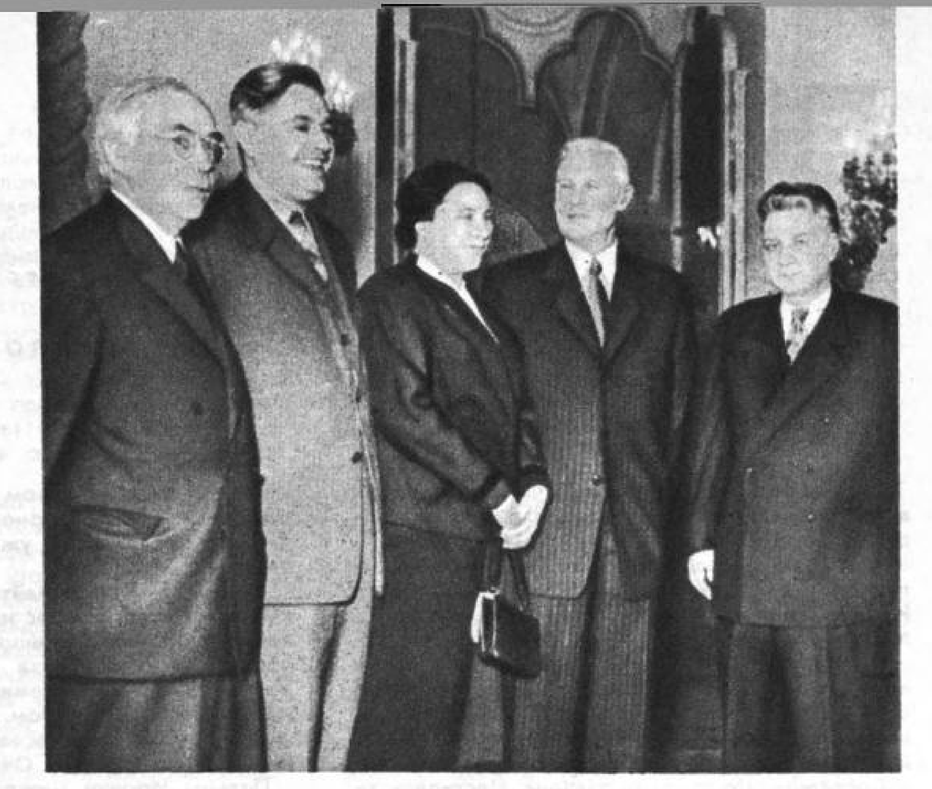
ОТКРЫЛСЯ ВТОРОЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

15 декабря в Кремле открылся Второй Всесоюзный съезд советских писателей.

Четыре часа дня. Зал заполнен до отказа. В правительственных ложах появляются руководители Коммунистической партии и Советского правительства: Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, В. М. Молотов, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, П. Н. Поспелов, М. А. Суслов и Н. Н. Шаталин. Делегаты и гости встречают их продолжительной овацией.

Секретарь ЦК КПСС тов. П. Н. Поспелов огласил текст приветствия Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Второму Всесоюзному съезду советских писателей.

Фото Е. Тиханова и Я. Рюмкина.

В Большом Кремлевском дворце. Слева направо: Л. Никулин, Л. Дмитерко, А. Барто, А. Фадеев, Н. Погодин.

Писателей Белоруссии встречали на вокзале московские писатели. Слева направо: П. Бровка, Я. Колас и А. Твардовский.

Л. Леонов заполняет анкету делегата съезда.

На первом заседании съезда: Маршалы Советского Союза А. М. Василевский, Г. К. Жуков и писатель С. Муканов.

Гости съезда: писатели Джек Линдсей (Англия) и Тойн де Фриз (Голландия).

Б. Полевой (справа) беседует с гостями съезда — албанскими писателями Димитром Шутеричи (слева) и Фатмиром Гьята.

Старейшая советская писательница Ольга Форш направляется на заседание съезда.

ПИСЬМО ИЗ ФРАНКФУРТА

Рассказ

Борис ПОЛЕВОЙ

Рисунок О. Верейского.

Под вечер, когда косые лучи солнца били в потолочные окна цеха уже с западной стороны, а пробы начали показывать Михаилу Купцову, что сталь поспевает, на мартены заглянула секретарша главного металлурга Ирочка, бойкая девица в легком цветастом платье, известная пагубным пристрастием совать свой хорошенький вздернутый носик абсолютно во все заводские дела. Ирочку в цехах любили. Не только молодые подручные, но и сталевары, вроде Купцова, люди солидные, положительные, не прочь были с ней позубоскалить. Но сталь поспевала. Наступали те трудные минуты, когда сталевар обычно весь превращается во внимание, старается мысленно проникнуть в раскаленную утробу печи, где белый, точно манная каша, кипит, пузырясь, металл. Поэтому Михаил Купцов, следивший в эту минуту за кипением стали через темные очки, даже и не заметил, что возле него, нетерпеливо переступая с ноги на ногу и источая аромат духов «Белая сирень», стоит хорошенькая девушка и сердито, исподлобья посматривает на него.

— Михаил Федорович, вы сегодня на редкость невежливы,— сказала наконец Ирочка с той медью в голосе, от которой обычно холодели молодые инженеры, частенько по поводу и без повода заглядывавшие в приемную главного металлурга.

Но сталевар не оценил даже и этих угрожающих ноток. Только на миг он сбил на затылок кепку, к козырьку которой были прикреплены темные очки, бросил на девушку невидящий взгляд и пробормотал:

— Да-да, конечно.

Он думал о чем-то своем и, должно быть, даже и не разглядел, кто возле него стоит. Такого вопиющего невнимания Ирочка допустить уже не могла, тем более, что все это видел работавший на соседней печи молодой сталевар Понедельник, симпатичный парень, хороший конькобежец, с которым приятно было иной раз вечером скользить по льду под звуки старинного вальса.

Ирочка приняла строго-официальный вид.

— Товарищ Купцов, я к вам не на свидание, я по делу пришла. Главный металлург просил передать вам письмо, случайно попавшее в нашу почту.

— Что, письмо? — не сразу понял Купцов.— Ах, письмо, положи вон там, на скамейку.

Нет, это было уже возмутительно, тем более, что Понедельник, который только что кончил заправку печи и у которого было достаточно времени, во все глаза, улыбаясь, смотрел на Ирочку и, кажется, даже начал знаками выражать ей свое сочувствие.

Что там греха таить, Ирочке не хотелось так просто завершать свою миссию. На письме, адресованном Купцову, были иностранные марки, и ей не терпелось узнать, кто, а главное, что написали из-за границы знаменитому сталевару. Заграничные письма не часто попадались в почте главного металлурга.

— Это письмо из Германии,— сказала Ирочка, и в голосе ее прозвучала теперь такая обида, что сталевар уже не мог этого не заметить.

— Эх, Иришка, ну чего ты мне под руку жужжишь? — добродушно проворчал он, снимая рукавицы.— Где письмо, из какой там Германии?

— Из демократической! Вот на конверте город Франкфурт. Франкфурт н/О. На Одере. Это в ГДР.

Увидев на разгоряченном, потном лице сталевара удивление, Ирочка, сразу же потеряв свою подтянутую официальность, которую она старательно напускала на себя с тех пор, как воцарилась в приемной главного металлурга, и вдруг точно бы разом превратившись в бойкую девчонку с северного поселка, какой старый Купцов знал ее уже семнадцать лет, защастила:

— Дядя Миша, давайте вскроем, а? Давайте сейчас, может, это вас на какой конгресс? Или приглашают читать лекцию о плавках с кислородом.— Синие глаза девушки, опушенные длиннейшими ресницами, сверкали отчаянным, мальчишеским азартом.— Голову на отсечение — приглашают насчет ваших кислородных дел. Узнали и зовут. Очень просто!

Пальцы Ирочки между тем уже вскрывали конверт, доставали сложенные листки, развертывали их.

— Вот видите: «Либер фрейнд!» Это значит «Дорогой друг». Если бы «товарищ», было бы «геноссе»,— начала Ирочка, впиваясь глазами в строки, но ее познания немецкого языка на этом кончились.

Старый сталевар стоял возле, нахмурив седые, клочковатые брови, за которые его по почину рабкора и поэта, все того же Васи Понедельника, в цехе звали Вием.

Письмо его явно озадачило. «Дорогой друг!» Он никогда не был за границей. Правда, иностранные гости, приезжавшие сюда, в исторический город на Волге, иногда заходили и на завод. Были китайцы, венгры, корейцы, даже вьетнамцы, даже чилиец раз был, а вот немцы — ни разу. Может быть, это все-таки ошибка. и девушка по легкомыслию своему не туда занесла письмо? Нет, на конверте четко выписано на машинке: «СССР»,— и город назван, и завод, и четко отпечатано: «Купцову Михаилу Федоровичу». «Дорогой друг!» Кто же это написал?

Но тут старик вспомнил, что плавка-то вот-вот поспеет.

— Брысь отсюда, отцу пожалуюсь! — сердито сказал он Ирочке и сделал вид, что хочет дать ей подшлепник.

Но, конечно, только сделал вид, отошел к печи и стал сквозь стекло смотреть на синеватое мерцание пламени, метавшегося над кипящей сталью. Плавка с кислородом требовала не только четкости и знаний, а и неослабного внимания и мастерства, доведенного до степени искусства.

Между тем Ирочка мучительно решала новый вопрос: как она должна ответить на выходку старого сталевара? Ей, которую главный металлург зовет Ириной Николаевной, этот Вий сказал «брысь!», точно котенку. Правда, Вася Понедельник в эту минуту возился у приборов и за ревом форсунок слышать этого не мог. Но этот жест, точно она маленькая девчонка...

Вий, конечно, крестный, друг отца. С тех пор как Михаил Федорович лишился семьи, он все воскресные вечера проводит у них, пьет чай, играет в «козла» по маленькой. Все это так. Но при всем том не может же девушка, занимающая столь ответственный пост, спускать подобные вольности. Не уронит ли она свой престиж, не ответив достойным образом? И еще очень важно было бы узнать, не видал ли этого Вася Понедельник, который, может быть, только сделал вид, что колдует у своих приборов. Но как приступишься с объяснениями к этому Вию, который весь сейчас поглощен своей печью и, должно быть, ничего не видит и не слышит?

Словом, Ирочка решила, что она случившегося не заметит и просто уйдет, не простившись, дав этим старому сталевару понять всю глубину его бестактности.

Уйдет! А письмо? Письмо из Германии. Оно лежало, небрежно брошенное на табуретку, хотя, может быть, содержало потрясающие новости, о которых очень интересно будет потом рассказывать. И все же Ирочка нашла в себе силы уйти, не простившись, а письмо из Франкфурта осталось лежать, топорщась концами сложенных листков. Они слегка пошевеливались от теплого воздуха, которым тянуло от печи.

Только когда сталь была выдана, Купцов, сдав смену, вдруг вспомнил о письме.

— Ребята, где Понедельник? Он ведь знает немецкий! — спросил сталевар товарищей.

Но Понедельник ушел, должно быть, в душевую. Кое-кто из молодых сталеваров попробовал прочесть, но дальше «Дорогого друга» никто не продвинулся.

Купцов сунул письмо в карман и уже пошел было в душевую, как вдруг на дороге его перехватила Ирочка. Она была в меховом жакете, вязаной шапочке, чудом державшейся где-то на самом затылке. Стуча каблучками о бетонный пол, она тащила молодого инженера, смущенно семенившего за нею.

— Вот он прочтет,— победно заявила она, останавливаясь перед Купцовым и все еще не выпуская рукав своей жертвы.

— Да, я, конечно, с удовольствием. Ирина Николаевна мне сказала, что вы, Михаил Федорович, получили из Франкфурта приглашение на конференцию или конгресс,— бормотал инженер.

— Вы все выдумываете,— строго остановила его Ирочка, и в голосе ее опять зазвенела медь.— Просто вы всегда хвастаете, что хорошо говорите по-немецки, вот я и нашла для вас возможность проявить свои познания.

— Я, конечно, с удовольствием, если, конечно, товарищ Купцов разрешит.

Инженер взял письмо, пробежал начало, потом взглянул на старого сталевара. На лице чтеца, таком еще молодом, румяном, появилось удивленное выражение, а глаза жадно забегали по строчкам.

— Читайте вслух,— строго сказала Ирочка.

— Сейчас, сейчас. Ну, тут обращение «Либер фрейнд», то есть «Дорогой друг».

— Это мы давно прочли. Дальше.

— А дальше, Ирина Николаевна, текст. Текст, прямо сказать, необыкновенный.

— Читайте.

— Читаю: «Дорогой друг. Вам, наверное, будет удивительно, а может быть, и неприятно получить это письмо на чужом языке, пришедшее из страны, с которой у вас связаны такие трагические воспоминания. Может быть, вас...» Мм... ну, тут это можно перевести, пожалуй, как «покоробит»... «вас покоробит то, что я обращаюсь к вам, называя вас другом, но прошу, глубокоуважаемый Михаил Купцов, дочитайте, пожалуйста, это письмо до конца, и вы, может быть, поймете... поймете...» Вот тут что-то очень неразборчиво... «И вы поймете, что я имею на это право... право...» Должно быть, он волновался, этот немец, что ли, почерк в общем-то у него четкий, но местами ни черта не разберешь.

— И это знание немецкого языка! Надо было мне позвать Владимира Сергеевича или Георгия Федоровича,— безжалостно отрезала Ирочка.

Старый сталевар удивленно взглянул на нее. Вот силу девчонка взяла! И когда только успела стать такой смазливой? Ведь, кажется, с моей младшей в школу побежала?

Воспоминания о младшей дочери, о жене, о всей семье, утонувшей вот здесь, недалеко, на волжской переправе, когда фашистский самолет зажег на середине реки баржу, битком набитую беженцами, точно ножом по сердцу резанули старого сталевара. До этого письмо его не очень интересовало. Мало ли он получал писем после того, как его опыт скоростного сталеварения с кислородом был опубликован в газетах. Теперь он почувство-

вал вдруг, что это письмо имеет какое-то отношение к войне, к его личной трагедии, к одиночеству, в каком жил теперь он, некогда отец большой, дружной семьи.

— Читайте, пожалуйста, — сказал он тихо.

— Да-да, я уже разобрал. Видите, тут он пишет... Нет уж, я буду читать подряд. «Глубокоуважаемый Михаил Купцов, вы, может быть, меня уже забыли, но мне вас не забыть, как не забыть тонувшему человеку того, кто зимой в одежде, рискуя жизнью, бросился за ним в воду... Так вы когда-то поступили со мной, дорогой друг».

— Ну, это он врет определенно. Никого я из воды не вытаскивал, я и плавать-то не умею,— смущенно пробормотал старый сталевар, но Ирочка, давно и хорошо его знавшая, по тому, как нервно теребил и пощипывал он свои лохматые брови, уже поняла, что старик догадался, кто ему пишет, что он взволнован и ворчит только для того, чтобы скрыть свое волнение.

— Ну, кто он, кто?

— Отстань, слушай!

А инженер между тем читал:

— «Вспомните, дорогой друг, как осенью сорок третьего года, когда цех ваш еще как следует не был и восстановлен, к вам приводили на работу военнопленных немцев. Они подносили к печам чугун, скрап, известь и помогали рабочим составлять шихту. Может быть, вы вспомните, что среди них был высокий, костлявый рыжий человек, с лысиной. Это был я. Как примету могу сообщить, что на лбу у меня шрам — след русской пули, полученной мной при одном из бесконечных штурмов вашего города».

— Шрам... Это же долговязый Курт. Он у меня подручным стоял, — пробормотал Купцов, оживая. — Ишь, чертушка, отыскался, вспомнил!

— Вот это новость! — воскликнула Ирочка, и все ее хорошенькое личико — и вздернутый носик и пухлые, детские губы — как бы вытянулось в сторону этого сенсационного письма.

— Ребята, письмо от долговязого Курта! Кто, может, его помнит? — крикнул Купцов, приложив ко рту рупором сложенные руки, и все, кому позволяла работа, столпились вокруг инженера.

— Ну как же, как же!..

— Вот дело-то!..

— «Я помню, как в первый день мы, военнопленные, боялись идти к вам на завод. Ведь мы понимали, что должны были чувствовать вы, жители этого разрушенного нами города, при виде нас, его разрушителей. Да-да, и я помню, как все мы умоляли администрацию лагеря отправить нас куда-нибудь подальше от этих страшных руин, но нас, пленных, которые до войны работали на заводах, все-таки повели в ваши цеха, и нам было жутко тогда появиться перед вами, увидеть ваши лица. Я хорошо помню, как все мы были поражены, когда у печи нас запросто встретил инженер, хорошо говоривший по-немецки».

— Это, наверное, Владимир Сергеевич! — вставил кто-то из слушавших.

— Ну вот, Владимир Сергеевич! Владимир Сергеевич в те дни воевал. Это Георгий Федорович их встречал.

— Да хватит спорить, не все ли равно! Читайте.

— «...инженер, говоривший по-немецки, как он за руку поздоровался с каждым из нас и деловито, как обыкновенным рабочим, стал объяснять нам, что надо делать... Удивило — неправильно: это поразило. Ведь мы еще были тогда одурманены заклинаниями доктора Геббельса и, что там скрывать, в первые дни плена даже ждали смерти. А когда инженер сказал нам, что мы будем получать здесь такой же паек, как и вы, русские рабочие, что заработок за вычетом содержания нам будут класть на текущий счет в банк, мы решили: это пропаганда. И не поверили ни одному слову.

Да, не поверили, но все время думали: «Неужели они действительно так поступают с пленными?!» Больше всего нас поразило, что никто не чурался нас, что с нами обращались по-товарищески. Ведь человеческие-то чувства не могли быть пропагандой.

Дорогой друг! Я никогда не забуду, как однажды пришел к печам высокий человек, у которого пустой рукав гимнастерки был заткнут за пояс, партийный функционер вашего завода, как мы потом узнали. И как он при нас дал строгий выговор тем мальчикам-ученикам из технической школы за то, что они называли нас «фрицами». Мой бог, мы не обижались. Нет! Разве мы, пришедшие с оружием в руках сюда, в сердце вашей страны, разрушившие ваше жилье, ваш завод, лишившие вас крова и имущества, имели право на что-нибудь? Да ничего обидного в этом названии и не было. Но человек без руки так сердился, что эти маленькие рабочие в черных куртках с металлическими пуговицами не знали, куда деваться».

— Это Королев Матвей Федотович ремесленников гонял. Было такое дело, — довольно сказал старый сталевар, пощипывая свои брови. — Васька Понедельник — он тогда еще в фезеошном картузе бегал — и сейчас, поди, краснеет. Васька, ты здесь?

— Здесь, Михаил Федорович!

— Помнишь?

— Ну как же, Михаил Федорович, не помнить. Такую стружку согнал!

— «Мы как-то сразу ожили у вас в цехе, — продолжал читать инженер. — Не все, не сразу, конечно, но постепенно начали мы понимать, как хорошо вы все политически воспитаны, как велико у вас чувство пролетарской солидарности, и мы содрогались от омерзения, вспоминая все выдумки доктора Геббельса о вашей стране... Здесь обращались с нами по-товарищески, и только вы, дорогой друг, никогда не подходили к нам, не пытались с нами заговаривать и даже, как это я заметил, никогда не смотрели в нашу сторону. А ведь у вас было такое доброе лицо и вас так ува-

жали ваши товарищи! Тогда один из этих рабочих-учеников, что носили черные униформы, тот, что говорил хорошо по-немецки, потихоньку пояснил нам, что на фронте у вас убит старший сын, а две дочери вместе с матерью сгорели или утонули на судне, подожженном нашей, нет, не нашей, а гитлеровской авиацией. Узнав об этой страшной трагедии, мы старались не попадаться вам на глаза, ведь ваши чувства были так понятны...

Теперь о главном. Вы, может быть, вспомните, как зимой заболела женщина, работавшая вашей подручной. Инженер, говоривший по-немецки, сказал мне: «Вы — металлург и должны ее заменить». Дорогой друг! Я солдат, я никогда не трусил в самом страшном бою, но признаюсь вам, что в это утро мне было страшно, да, страшно подойти к вам, встать рядом с вами у печи. Я шел на работу, как на расстрел. Когда инженер подвел меня к вам, Михаил Купцов, вы только молча взглянули на меня и не подали руки».

— И такое дело было, — хмуро вздохнул старый сталевар.

— Ну, дальше, дальше,— заторопила Ирочка, которая в эту минуту жалела, что затеяла публичное чтение письма, боялась глянуть на Купцова и хотела уже только одного, чтобы скорее все это кончилось.

Люди, столпившиеся вокруг чтеца, слушали молча. Отходили к своим печам и приборам, делали, что нужно, и так же тихо возвращались. Лица у всех были серьезные.

— «Так продолжалось несколько дней. Мальчику, знавшему по-немецки и приставленному к нам, нечего было делать. За всю смену вы не говорили мне и двух слов и даже, как мне казалось, не поднимали на меня глаз. Мне было очень тяжело. Я старался предупреждать ваши приказания, делать все, что нужно. Как это было трудно! Дома, на Рейне, где я работал до войны, я считался квалифицированным сталеваром. А тут мне приходилось переучиваться, потому что в вашей работе было что-то такое, что мне трудно было даже схватить. Надеюсь, вы понимаете, что я говорю не о точности и не о культуре труда. Этого у нас, немцев, хватает, и в этом мы ни от кого не отстаем. Я говорю о той особой одухотворенности, увлеченности, о вашей вере в свои силы, такой вере, которая давала вам смелость вести печь на предельной температуре и выдавать плавки в сроки, у нас тогда даже и неслыханные. Признаюсь, я восхищался вами, но выразить это не смел, чувствуя, что для вас я лишь один из тех, кто лишил вас всего самого дорогого.

В вашей бригаде я неплохо зарабатывал, но как мне было тяжело! А тут еще рецидив цынги, явившейся следствием голодания, которое все мы пережили в дни боев с защитниками вашего города и в дни окружения. По утрам рот был полон крови, ноги опухали. Однажды я вынул изо рта качавшийся зуб и бросил его на пол, а вы, не посмотрев на меня, ударом ноги откинули этот зуб подальше от печи. Потом вы подозвали мальчика и сказали: «Пусть идет в больницу». Это была первая фраза, сказанная мне. Я ответил, что у нас в лагере хорошая медпомощь, но что эту болезнь быстро не вылечишь. На следующий день, когда мы встретились у печи, вы, проходя мимо и опять не глядя на меня, сунули мне в руку мешочек. В нем что-то шуршало. Это был чеснок. Я стал благодарить вас, но вы сделали вид, что не слышите, и обругали мальчика, который обязательно хотел вам перевести слова моей признательности...»

— Ишь, разошелся, не письмо, а прямо протокол милицейский, — пробормотал старый сталевар и добавил: — Чеснок, он самое верное средство.

— Еще сосновая хвоя помогает, настой из нее. Только пить противно, — вставил кто-то.

— Ладно, вы, медики! Читайте, читайте, что там дальше.

— «А потом вы ко мне привыкли, а я полюбил вас, хотя многое в вас было непонятно и удивительно. Не понимал я, зачем вы как-то отдали месячный заработок на строительство самолета, а потом весь месяц занимали деньги у товарищей. Не понимал я, и теперь со стыдом признаюсь в этом, зачем это вы все время так фанатично старались повышать выработку и почему ваши товарищи не сердились на вас за это. Ведь им все время приходилось тянуться за вами, а нормы возрастали. Мне тогда казалось, что вы идете против своих друзей, рабочих, и я никак не мог понять, почему они за это не сердятся, а уважают вас... Помните, однажды случилась беда. Повредился свод печи, потребовался срочный ремонт. Вы, не дождавшись, пока печь окончательно остынет, окатили из ведра свою рабочую одежду и, обмотавшись мокрым брезентом, полезли в печь. Я испугался: вы пожилой человек, а там такая жара. Когда мы вытащили вас оттуда в первый раз и вы сели передохнуть, тяжело дышащий, еле живой, я не выдержал и спросил, как вы можете это делать, зачем, пусть печь остынет, тогда обычные печники и механики все починят. Вы пили воду. Стакан за стаканом. Когда вам мальчик перевел мои слова, вы с удивлением посмотрели на меня. «Ведь нужно же отремонтировать как можно скорее». «А вам какая забота, пусть об этом думает дирекция», — сказал я. «Это мне, Михаилу Купцову, нужно», — сердито ответили вы. И еще вспомните, что вы тогда сказали...»

Инженер оторвался от письма. Он и все окружающие его вопросительно смотрели на сталевара.

— Не помню, убей бог, не помню.

Инженер усмехнулся и прочел:

— «Вы сказали мне, что дирекция тут ни при чем, что сталь нужна вам, Михаилу Купцову, лично, для того, чтобы поскорее свернуть шею Гитлеру и освободить ваш народ».

— А верно, так я сказал. Ишь, все запомнил! А потом вы, ребята, знаете, что он сделал? Он сам голову в ведро окунул, водой окатился и вместо меня в печь полез... Ей-ей! Так мы по очереди и лазили, парились: то я, то он. Должно быть, здорово я его самолюбие Гитлером-то колупнул!

— Он об этом ничего не пишет, он пишет дальше: «Этот ваш урок мне очень много дал. После него я сразу многое понял, и если я сейчас считаюсь одним из лучших сталеваров на нашем новом народном предприятии, если я сейчас член Социалистической единой партии Германии, я за это благодарю вас, моего друга и учителя Михаила Купцова. Моя бригада уже год держит вымпел профсоюза, и вчера мы снова получили его. Для нас это — большое счастье, и все мы очень этим горды. И вот, когда мы снова получали этот вымпел, мне очень захотелось написать вам и поставить вас в известность, что тут, на Одере, идут нам на пользу уроки, которые вы дали мне когда-то там, у себя, на русской реке. Используя ваши методы, я варю теперь сталь не хуже вас. Да, не хуже. Спасибо вам, дорогой друг, именно друг, потому что я раньше сомневался, могу ли я вас так называть, а теперь вот чувствую, что могу и что вас это не покоробит. Примите привет от всей нашей смены сталеваров, которым я иногда рассказываю о вас, и передайте привет от длинного Курта тем, кто у вас в цехе еще меня помнит...»

— Слышите, ребята, долговязый Курт передает вам привет! — крикнул старый сталевар, да так громко, что эхо, живущее в мартеновских цехах по темным углам за печами и редко высовывающееся оттуда из-за вечного гула форсунок, отозвалось сразу со всех концов.

— Спасибо...

— Ишь, помнит...

— Подходящий парень, — отозвались со всех сторон.

— Ну, а дальше, дальше читайте, — заторопил Вася Понедельник, ибо этот плечистый красивый парень и был тот самый мальчишка, которого когда-то начальник цеха приставил в качестве переводчика для общения старого сталевара со своим иностранным подручным.

— Дальше ничего нет. Дальше подпись: Курт такой-то, а вот фамилии не разберу.

— Фамилия не важна. Долговязый Курт, помним.

— А кому же отвечать-то я буду, ребята, так и писать: «Долговязому Курту»? — озадаченно спросил Михаил Купцов и, сдвинув на нос кепку, почесал затылок.

Все молчали и не расходились. И даже Ирочка, изрядно вспотевшая в своей шубке, раскрасневшаяся от жара печей, стояла, задумавшись, не торопясь, по своему обыкновению, разнести по заводу такую интересную, потрясающую новость.

Портретная живопись РЕМБРАНДТА

Тридцатые годы в жизни Рембрандта Харменса ван Рейна (1606—1669) — годы славы и счастья. Пользуясь громкой известностью блестящего живописца, он переезжает из Лейдена в Амстердам. Со всех сторон он получает заказы, становится модным художником. Вместе со славой приходит богатство. Рембрандт собирает великолепную коллекцию картин и гравюр.

В 1633 году он женится на Саскии ван Эйленбурх, девушке из богатой амстердамской семьи. Рембрандт влюблен в свою молодую жену, он без конца пишет ее портреты.

К таким портретам относится и «Флора». Богиня весны, цветов, юная и прекрасная Флора с венком на голове и с волшебным жезлом в руках — стоит им прикоснуться к чему-нибудь, и все расцветает вокруг. Так изображает Рембрандт Саскию. Роскошный, причудливый костюм, драгоценные ткани...

Три остальных портрета, печатаемые в «Огоньке», написаны спустя двадцать лет. Как много изменилось в жизни и творчестве гениального художника!

Окончательно разошлись к этому времени пути Рембрандта—художника-реалиста, гуманиста — и официальных кругов голландского искусства. Глубокий психологизм и реализм в творчестве Рембрандта, сочувствие простому народу оттолкнули от живописца богатых заказчиков, которые смотрели на искусство только как на украшение жизни.

Жизнь перестала улыбаться художнику. Давно умерла Саския. В живых остался один сын Титус. С молотка проданы чудесные коллекции художника, его дом, имущество, пришла нищета... Да и сам он уже не тот блестящий, нарядный и улыбающийся Рембрандт, оптимист и весельчак.

Богатый дом свой он сменил на скромное жилище в беднейшем квартале Амстердама. Заказов давно нет. Гендрикье Стоффельс, бывшая служанка и верный друг художника, носит продавать его офорты.

В это время Рембрандт создает лучшие свои произведения, в том числе и гениальные портреты. Пестрый и яркий колорит ранних вещей сменяется теплым, золотисто-коричневым, краски подчиняются одному тону. Все становится проще, но в то же время значительнее.

Рембрандт пишет портреты людей, которые его окружают, таких же бедняков, как и он сам.

В своих поздних портретах Рембрандт как бы подводит итог прожитой жизни, раскрывает мысли и чувства, которые наложили неизгладимую печать на весь облик человека. Недаром эти произведения называют портреты-биографии.

Одна из лучших поздних работ Рембрандта — портрет жены брата художника (1654 год). Старая женщина сидит, слегка склонив голову набок, зябко спрятав руки в рукава одежды. Освещена только голова ее, обрамленная красным платком. И свет как бы идет от этого доброго, бесконечно усталого лица, озаряя его изнутри.

Рембрандт первый сумел показать особую, одухотворенную красоту старого лица — внутреннее благородство, мудрость, приобретенную опытом.

Человеческое достоинство, большая внутренняя сила переданы Рембрандтом и в портрете брата и в «Старике в красном».

Творчество художника-гуманиста наполнено безграничной любовью и уважением к простым, обездоленным людям, прошедшим тяжелый трудовой жизненный путь, горестный и печальный.

А. АБРАМОВА

Рембрандт (1606—1669). ФЛОРА. 1634 год.

Государственный Эрмитаж.

«Огонек». 1954.

Рембрандт. ПОРТРЕТ БРАТА ХУДОЖНИКА. 1654 год.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

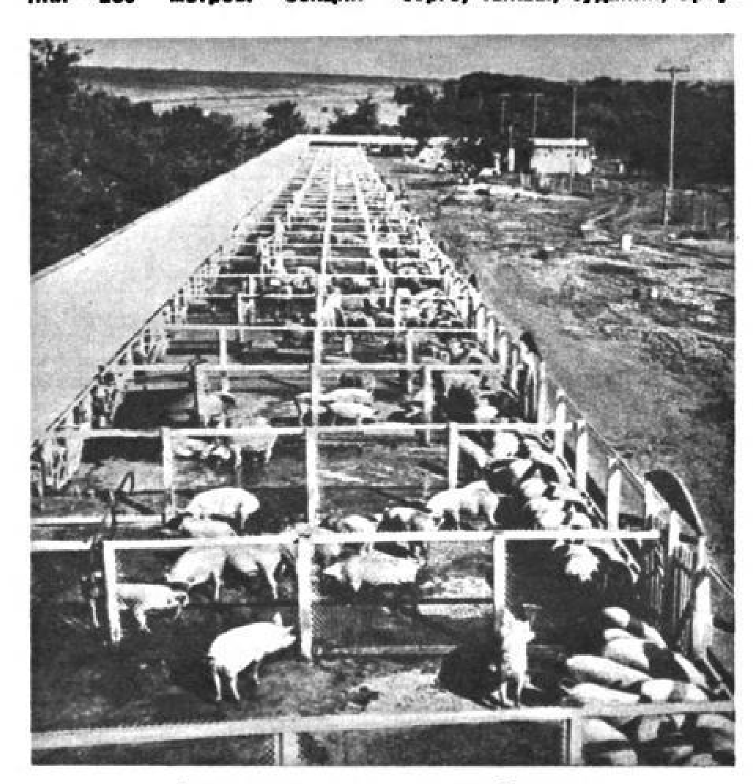
Фабрика мяса

Стогометатель медленно поднимал нас вверх, и плавно, словно на экране, развертывалась панорама свинарника. В сущности, этот свинарник — мощная фабрика, производящая мясо.

Пройдем на фабрику, официально именуемую откормочным лагерем в колхозе имени Сталина станицы Григориполисской, Ставропольского края.

Перед входом вас попросят вытереть ноги об опилки, пропитанные антисептиком. На фабрике содержат 1 200—1 500 свиней, и занести сюда инфекцию — значит причинить тяжелый ущерб хозяйству.

Выполнив первое из многих обязательных правил внутреннего распорядка, мы пошли вдоль выгульных двориков. Длина всего сооружения — 280 метров. Секции

Свинарник колхоза имени Сталина.

окаймлены столбиками, которые обтянуты проволочными сетками. Полы цементированы. Повсюду автопоилки, и свиньи, забавно тыча «пятачками» в чаши, пьют. Для полного «комфорта» имеются души.

На фабрике есть оборудованные по всем правилам современной техники две кухни — летняя и зимняя, где, согласно меню, составляемому зоотехником, под наблюдением ветеринарного врача повара готовят разнообразные «блюда». Свиньи получают четырехразовое питание с витаминами, белками, углеводами. Кормят их строго по графику.

Приближался час очередного кормления. Свинарки уже наполнили кормушки. Старший свинарь Иван Пименович Белогуров ударил в гонг. И вот множество животных, флегматично отлеживавшихся под навесом или безмятежно баловавшихся под струями воды, услышав привычный сигнал, дружно ринулись к корытам.

Проектировал и строил фабрику колхозный механизатор Сергей Дмитриевич Шебалков. Мы застали его у машины, которая с неимоверной быстротой превращала тыкву в пасту.

— Где колхоз раздобыл эту диковинную машину?

Шебалков ответил:

— Сами придумали...

— Где находятся «фабричные» свиньи зимою?

— Здесь же, под навесом,— ответил Шебалков.— Если холодно, опускаются щиты, и этого вполне достаточно, чтобы под навесом укрыть животных от морозов.

...Осенью 1950 года восемь артелей, едва сводивших концы с концами, слились в единое хозяйство, оставив преемнику незавидное наследство: 1,9 миллиона рублей общего валового дохода, 3 миллиона рублей банковских долгов.

Григориполисские колхозники единодушно избрали председателем Николая Фаддеевича Лыскина — зоотехника с высшим образованием, много лет работавшего в совхозах. Под его руководством в колхозе имени Сталина развернулась борьба за продуктивное животноводство.

Теперь колхоз может позволить себе любой хозяйственный маневр: в гигантских силосных траншеях полно кукурузы, подсолнуха, сорго, тыквы, суданки, арбузов, кабачков. В стогах и под навесами накоплено впрок люцерновое и другое сено. В амбарах запасено фуражное зерно.

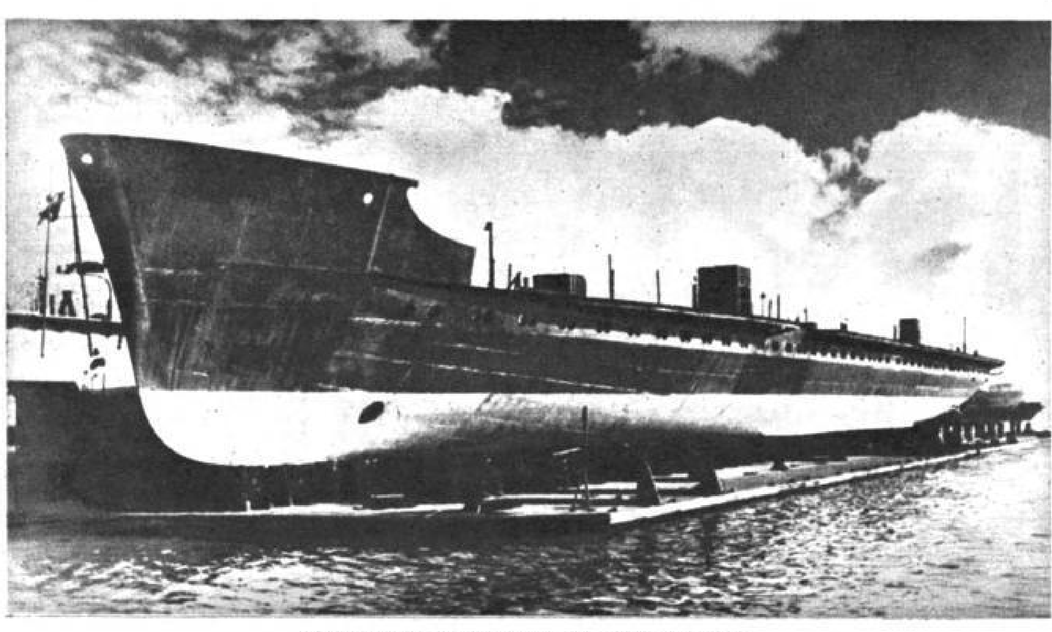
— Мы решительно отказались от многолетних трав,— рассказывает Лыскин,— которые в южностепных условиях отнимают почти без пользы пашню, время, труд. Заняв тысячи гектаров черных паров, мы засеваем эту «гулявшую» прежде землю кабачками, тыквой, суданкой и другими кормовыми культурами. Наконец мы убедились, что на юге можно брать по два урожая в один сезон. Например, убрал озимую пшеницу и посеял суданку на силос или на зеленую массу. Вот откуда колхоз и берет столько кормов, что может развивать животноводство по научным нормам планирования.

Согласно этим нормам, для полного удовлетворения потребностей населения в мясе и мясных продуктах, как говорил на Пленуме ЦК КПСС в сентябре 1953 года товарищ Н. С. Хрущев, «нужно усиленно развивать свиноводство и получать на каждые 100 га пашни не менее 30 центнеров свинины».

Пашни в колхозе имени Сталина занимают 18 тысяч гектаров. Значит, колхоз должен получать ежегодно 5 400 центнеров свинины. В 1950 году колхоз получал всего 1,4 центнера свинины на 100 гектаров. В 1954 году колхозники почти достигли научных норм и скоро оставят их позади.

С. КАНЕВСКИЙ

Речные дизель-электроходы

Корпус одного из дизель-электроходов.

Горьковский завод «Красное Сормово» имени А. А. Жданова осваивает сейчас производство судов нового типа — речных дизель-электроходов.

Корреспондент «Огонька» обратился к директору завода Николаю Николаевичу Смелякову с просьбой рассказать об этих судах.

— Проектируя речное судно, конструкторы до сего времени исходили из того, что оно будет курсировать по обычной речной трассе,— сказал Н. Н. Смеляков.— Правда, на реках тоже бывают бури, но речная волна не страшна пароходам. Совершенно иные требования предъявляются к судам, плавающим в морских водах.

Когда завершатся работы по реконструкции Большой Волги, на карте нашей страны появятся новые голубые пятна. Это будут моря-водохранилища. Опыт плавания по Рыбинскому и Цимлянскому водохранилищам показал, что они недаром называются морями: условия плавания в них очень близки к настоящим морским.

Все это заставило подумать о таких пассажирских судах, которые не боялись бы штормовой волны, имели прочный корпус, хорошую маневренность и быстрый ход, могли предоставить пассажирам все удобства, необходимые в длительном плавании.

Наши конструкторы спроектировали такое судно с учетом новых требований. Сейчас сормовские кораблестроители сооружают первые два дизель-электрохода.

Стальной корпус судна отличается повышенной прочностью. Три больших — диаметром 1,68 метра — гребных винта будут приводиться в действие электричеством от трех главных двигателей — дизель-генераторов. Кроме того, имеется еще два вспомогательных двигателя. Управление судном электрифицировано. На капитанском мостике предусмотрена телевизионная установка, так что при маневре капитан сможет одновременно видеть и нос и корму.

Дизель-электроход оборудован двумя так называемыми подруливающими устройствами водореактивного действия, установленными на корме и на носу. Эти устройства намного повышают маневренность судна при швартовке.

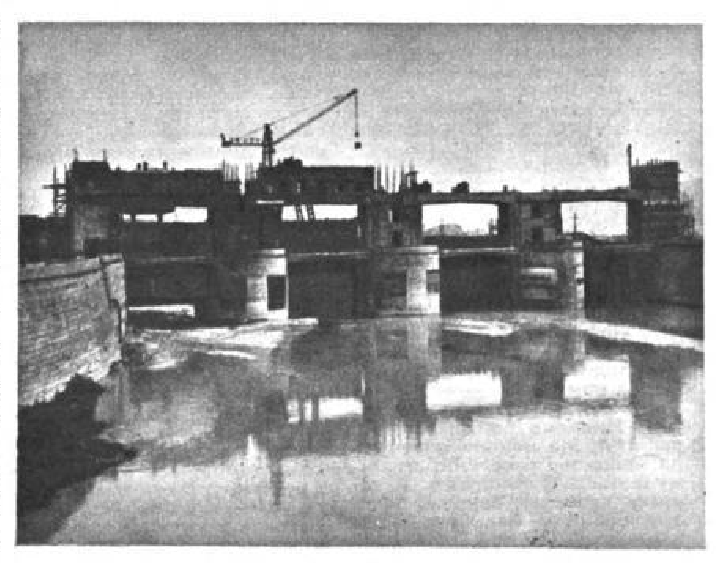
Несколько цифр дадут читателю представление о размерах дизель-электрохода. Длина корпуса составляет 121½ метра, ширина — 16 метров, высота от киля до верхней точки палубных надстроек — 15 метров (приблизительно высота четырехэтажного здания). Водоизмещение судна — 2 235 тонн. Скорость — 25 километров в час.

Дизель-электроход рассчитан на 468 пассажиров. Все места мягкие, спальные. В числе кают 26 одноместных и 46 двухместных. Освещение на судне люминесцентное.

Судно имеет две климатические станции, оборудованные установками для кондиционирования воздуха. В жаркое время внутри помещений можно поддерживать температуру на пять градусов ниже наружной.

Все каюты радиофицированы, во всех установлены телефоны. При стоянке в порту пассажиры могут включиться в городскую сеть и заказать междугородный разговор.

Ортачальская ГЭС

Общий вид на строительство Ортачальской ГЭС.

Фото Я. Аврутина.

На реке Куре в Тбилиси энергетики возвели уникальное по своему инженерному замыслу сооружение — Ортачальскую ГЭС. С одного из мостов открывается вид на стройку и широкую пойму реки. Это старый деревянный мост Трехсот Арагвинцев, названный так в память о событиях XVIII века, когда отважные сыны Грузии, защищая Тбилиси, совершили ратный подвиг в неравном бою с персидским ханом.

Над рекой возвышаются три мощных быка.

На ГЭС установлены оригинальные прямоточные турбины с поворотными лопастями. Один из агрегатов уже пущен во временную эксплуатацию.

Плотина поднимет уровень реки у гидростанции на несколько метров. Кура в центральной части города станет судоходной. В Тбилиси появится новый вид транспорта: речные трамваи и такси.

Восемь мостов перекинуто в этом районе через быстро текущую реку. За одним, самым древним, до сих пор сохранилось его старое название — Ишачий... Недолго осталось служить этому мосту. За последние годы в Тбилиси реконструировали и построили заново четыре моста. Тот, кто помнит старую, «азиатскую» часть Тбилиси, вскоре вряд ли узнает ее. Сюда протянется из центра благоустроенная набережная, мосты поднимутся и расширятся, сменят своих отживших предшественников.

И. МЕСХИ

Дневник ОГОНЬКА

Встреча тех, кто не забыл

Войцех ЖУКРОВСКИЙ

Марш борцов Сопротивления по улицам Вены.

Это была встреча партизан, сражавшихся против гитлеровских оккупантов, встреча антифашистов, бывших узников гитлеровских концлагерей. На конгресс борцов Сопротивления прибыли в Вену делегаты девятнадцати стран. Они съехались в ответственные дни: наперекор воле миллионов европейцев, которые сражались против фашизма, томились и гибли в его застенках, реакционные силы западных государств пытаются снова вооружить ненавистные всему миру агрессивные силы милитаризма в Западной Германии.

...Мы идем сомкнутыми рядами по улицам Вены, давние товарищи по общей борьбе: французы — рядом с немцами, русские — с итальянцами, бельгийцы — с норвежцами. Мы несем венки, овеянные запахом лесов, в которых некогда укрывались партизаны. Мы несем эти венки туда, где жители Вены дотла сожгли ненавистное здание гестапо. Теперь здесь возвышается памятник жертвам фашистского террора.

Делегации в глубоком молчании возлагают венки. К группе подростков, стоящих на краю тротуара и глазеющих на церемонию, приближается безногий человек; его протезы глухо стучат по тротуару. Он говорит:

— Ребята, снимите шапки!

— Перед кем? — спрашивает один из подростков. — Перед вами?

— Нет. Посмотрите вон туда! — Инвалид показывает на выбитую на цоколе памятника надпись: «Австрийцам, замученным фашистами за защиту свободы, закона, человеколюбия».— Ведь это были ваши отцы...

Подростки поспешно обнажили головы и так простояли до конца траурного митинга.

Я говорю вполголоса инвалиду, бывшему австрийскому партизану:

— Не обижайтесь на этих ребят: они еще очень молоды, они ведь подросли только после войны и ничего не помнят...

— Кто прошел через это, не может забыть,— сказал безногий.— Но многие предпочитают не помнить.— Он иронически подчеркнул эти слова.

...Шла демонстрация польского фильма «Последний этап». Объяснения давала бывшая узница Освенцима Ванда Якубовская. На экране появляется героиня фильма, молодая француженка, которую палачи гестапо тащат в газовую камеру. Избиваемая палачами, она не перестает петь «Марсельезу». Весь зал поднялся, как один человек. И вот уже песню подхватил мощный хор зрителей, стоявших с непокрытыми головами...

Во время конгресса открылась выставка картин, книг, скульптур, темы которых были навеяны героическими делами движения Сопротивления.

...В работах конгресса приняли участие многие патриоты Франции—деголлевцы, католики, радикалы, коммунисты. Бурными аплодисментами было встречено заявление представителя совета департамента Сена:

— Мы будем бороться против ратификации соглашений о перевооружении Западной Германии! Я говорю это от имени Парижа, от имени Франции, ибо представляю здесь общественное мнение семи миллионов наших граждан, живущих в самом центре моей страны. Мы можем сыграть и сыграем свою роль в вопросе о ратификации!.. И мы не допустим вооружения тех, кто душил Францию!

Каждый, кто верен своей родине, должен подписаться под словами декларации, принятой на конгрессе:

«На каждую попытку вооружения Германии Движение Сопротивления в нынешней обстановке говорит: «Нет!..»

Движение Сопротивления добивается права людей жить в мире, труде и братстве».

ОТВЕТЫ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА БИРМЫ У НУ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

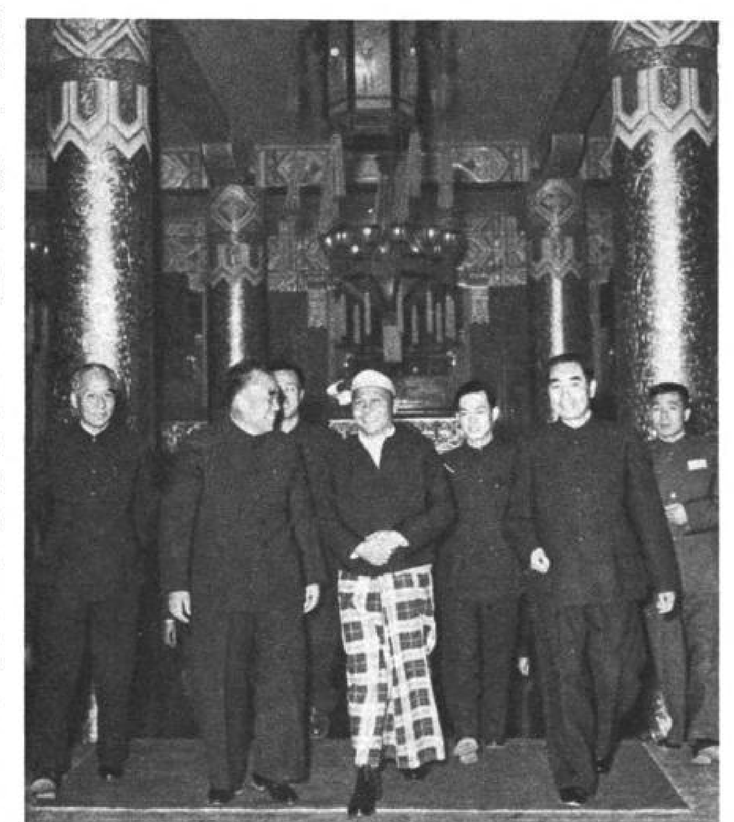
Пекинские газеты уделяют большое внимание пребыванию премьер-министра У Ну в Китайской Народной Республике.

Прилетев в Пекин, У Ну заявил:

— Мне трудно найти слова, чтобы выразить радость в связи с этим визитом. Посетить великое китайское государство меня побудило желание лично встретиться с китайскими руководителями, увидеть усилия китайского народа, строящего новое общество.

— Я прибыл сюда, чтобы установить прочную основу для восстановления дружественных отношений между Бирманским союзом и Китайской Народной Республикой.

За время своего двухнедельного пребывания премьер-министр Бирмы У Ну и сопровождающие его лица посетили некоторые китайские города и села, побывали на заводах и фабриках, в институтах, ознакомились с одним из госхозов. Они осмотрели также советскую выставку в Пекине. В книге отзывов советской выставки премьер-министр Бирмы оставил такую запись: «Посещение выставки советской России приносит вдохновение и радость. Для Бирманского союза на этой выставке могут быть получены ценные уроки. Выставка является блестящим свидетельством советско-китайской дружбы. Я молюсь за ваше здоровье и счастье».

Слева направо: Лю Шао-ци, Чжу Дэ, У Ну, Чжоу Энь-лай.

Накануне своего отъезда из Пекина премьер-министр У Ну принял специального корреспондента журнала «Огонек», находящегося в Пекине, и ответил на его вопросы.

— Как вы оцениваете встречи, которые у вас были в Китае?

— В Пекине мне приходится спать мало,— сказал с улыбкой У Ну.— Очень много встреч и впечатлений... Я увидел в Китае много такого, что характерно для взаимоотношений между Китаем и Советским Союзом. Скажу откровенно, до поездки я не знал, что дружба между Советским Союзом и Китаем имеет такие глубокие корни...

Премьер-министр Бирмы отметил, что государственные деятели некоторых стран, в том числе видные деятели, полагают, что если найти верную тактическую линию, с их точки зрения верную, то можно Китай оторвать от Советского Союза.

— Сейчас, когда я провел в Китае некоторое время,— продолжал господин У Ну,— я убежден в обратном, я думаю совсем по-другому. После моих бесед с китайскими руководителями, после знакомства с тем, что сейчас происходит в Китае, я убедился, что никакая сила не может нарушить искренней и прочной дружбы, которая связывает китайский и советский народы.

— Я обнаружил, что чувства китайских людей к Советскому Союзу — это чувства людей дружбы и уважения, и эти чувства являются искренними, чрезвычайно искренними.

Господин У Ну встречался в Китае с людьми различных профессий и разного общественного положения.

— Они все говорили мне,— продолжал У Ну,— что без Советского Союза, без его помощи невозможно было бы осуществить то огромное строительство, которое сейчас развернулось в Китайской Народной Республике. Китайские друзья говорили о Советском Союзе, о его помощи от чистого сердца и от всей души. Это помогло мне понять, что действительно благодаря помощи Советского Союза Китай может строить новое общество.

Касаясь бирманско-китайских экономических и культурных отношений, господин У Ну сказал:

— Перспективы очень хорошие. Мы заинтересованы в расширении торговых связей с Китайской Народной Республикой. До войны Бирма экспортировала на мировой рынок около трех миллионов тонн риса. В связи с тем, что в последние годы рис стали производить многие другие страны, для Бирманского союза очень важно, что мы имеем в лице Китая серьезного покупателя. Китай может закупить у нас большое количество риса. Мы можем продавать и многое другое. А в Китае мы можем покупать машины и многие другие товары, которые мы видели здесь во время нашего путешествия и которые необходимы нам для индустриализации Бирмы. Что касается культурных отношений, то мы также заинтересованы в их расширении.

Премьер-министр Бирмы с удовлетворением отметил, что за последнее время Китай посетило несколько различных бирманских делегаций. По его мнению, количество делегаций, которыми обмениваются Китай и Бирма, в ближайшее время будет увеличено. Есть все возможности для этого, сказал господин У Ну.

Во время своего пребывания в Пекине господин У Ну присутствовал на спектакле «Лебединое озеро» в постановке гастролирующего сейчас в Китае московского театра имени Станиславского и Немировича-Данченко.

— Мне очень понравился спектакль,— сказал господин У Ну.— Я никогда ничего подобного не видел. Один из членов нашей делегации, господин У Мин Тьен, настойчиво предлагает мне создать в Рангуне балетную школу.

Наступил час отъезда. Премьер-министр согласился сфотографироваться.

— Вы еще сможете снять меня и в Москве,— сказал на прощанье господин У Ну.

Затем он пригласил нас проводить его.

Ясным солнечным утром вереница машин приближалась к пекинскому аэродрому. Здесь уже был выстроен почетный караул и собралось большое количество провожающих, в том числе весь дипломатический корпус.

Поблагодарив премьера государственного совета КНР Чжоу Энь-лая и в его лице весь китайский народ за теплое и радушное гостеприимство, У Ну поднялся на китайский самолет, который через несколько минут взял курс на Шанхай.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Газета — пропагандист передового опыта

Десять лет назад на страницах газеты «Красный курган» впервые появилась статья, подписанная «Т. Мальцев». С тех пор выдающийся новатор колхозного земледелия стал активным корреспондентом газеты. В десятках статей, напечатанных в «Красном кургане», Терентий Семенович Мальцев рассказывал о своем методе возделывания почвы. Газета поддержала новатора, стала трибуной передового опыта.

Активный пропагандист новых приемов обработки почвы, газета «Красный курган» стала участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Недавно Центральный Дом журналиста устроил выставку, посвященную курганской областной газете. На выставке экспонируется авторская карточка Т. С. Мальцева, в которой зарегистрированы все его статьи, присланные в редакцию. Вначале они были посвящены таким темам, как борьба с сорняками, подготовка семян к севу. В дальнейшем автор поднимал вопросы принципиального изменения метода обработки почвы. По этой карточке видно, как из колхозного опытника вырос ученый-исследователь.

Н. ДРАЧИНСКИЙ

Енисей — голубая дорога

Е. РЯБЧИКОВ
Специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

VII

«Мы из Игарки»

Игарка — один из самых необычайных городов.

Деревянные дома. Деревянные улицы. Деревянные тротуары. Широкими плахами устланы дворы, мостовые, площади, набережные. Под деревом — вечно мерзлая, прочная, как ледяная глыба, земля тундры.

В самом центре города, пожалуй, тундры и не увидишь: она «зашита» и «забрана» досками, брусьями, горбылем, засыпана опилками и стружками. Но пройдешь на окраину, туда, где строят новые жилые дома, прокладывают проспекты, — и там откроется тусклозеленая, с каким-то серым налетом, замшелая тундра. Шаг в сторону — провалишься в болото.

Игарка выросла на вечной мерзлоте, на гиблых топях. В этом году ей исполнилось двадцать пять лет. За четверть века полярный город разросся, возмужал, и теперь нужно несколько дней, чтобы обойти его — побывать в морском порту, на судоремонтной верфи, в цехах, на биржах лесообрабатывающего комбината, в краеведческом музее и в старейшем заполярном театре, в педагогическом училище народов Севера и в школах. Клубы, редакция городской газеты, больницы, амбулатории — все это есть в Игарке.

Колоссальные плоты — деревянные острова с домами, столовыми, радиостанциями и клубами — прибывают в Игарскую протоку с Ангары и верховьев Енисея. Мощные электрические лебедки забирают расшлагованные плоты, бревнотаски несут сосновые и лиственничные бревна на берег, здесь их укладывают в штабели.

Лесообрабатывающий комбинат Игарки стоит, как город в городе. У него свои улицы, площади, свои набережные, переулки, тупики. Кварталы комбината образованы тщательно выложенными штабелями миллионов досок, балок и брусьев. Автопогрузчики, поджав под себя кипы досок, носятся по «улицам», как на гонках. Финиш у них — причалы.

В Игарской протоке собрались океанские лесовозы едва ли не со всех стран Европы. Бросив якоря, стоят английские, немецкие, греческие, итальянские, польские, финские теплоходы. Белые, желтые, красные, с полосатыми трубами, причудливыми названиями, ждут они, когда их загрузят русским лесом.

Этот лес пользуется большим спросом на мировом рынке. За первосортной древесиной плывут издалека, иной раз с «другой стороны» планеты.

Слышится протяжный, басовитый гудок — отходит досрочно груженный английский лесовоз. Брусья и доски заполнили не только его трюмы, но и всю верхнюю палубу — штурманская рубка едва выглядывает из-за штабелей.

На деревянной башне порта, увешанной судоходными сигналами, укреплена во всю ее высоту карта-схема водной дороги от Игарского порта до океана. Корабль, прощающийся с Игаркой, пройдет более семисот километров по Енисею до Карского моря, затем, миновав Диксон, отправится Северным морским путем за Новую Землю, обогнет Скандинавию и выйдет в Атлантику.

С гордостью вспоминают ветераны строительства Игарки, как высаживались они на пустынный берег, как отвоевывали метр за метром у тундры площадки для первых цехов, кострами прогревали вечно мерзлую землю, корчевали на болотах скрученные бурями деревца.

— Мы из Игарки! — говорят местные жители.

Эти крылатые слова стали названием большой книги. Произошло это так. Юные пионеры только что рожденного города решили на первом своем слете написать книгу «Мы из Игарки». Приступив к работе, они обратились за советом к Алексею Максимовичу Горькому и Ромэну Роллану. Отвечая пионерам, Горький писал:

«...Большие, изумительные радости ждут вас, ребята! Через несколько лет, когда, воспитанные суровой природой, вы, железные комсомольцы, пойдете на работу строительства и на дальнейшую учебу, перед вами развернутся разнообразнейшие красоты великой нашей страны...»

В Дудинском порту.

«...И во тьме полярной ночи ярко горит солнце человеческого разума» — эти горьковские слова памятны игарцам.

Ромэн Роллан писал пионерам:

«...Работайте хорошенько и никогда не падайте духом перед трудностями. Трудности созданы для того, чтобы их превозмогать и чтобы, превозмогая их, стать более сильными».

«Железные комсомольцы» превозмогли трудности и познали большие, изумительные радости.

Отступление тундр

Чем дальше плывешь по Енисею, тем полнее раскрывается жизнь советского Заполярья. Далеко за Полярный круг простираются новые города, возникают новые порты.

Енисейск, Туруханск, Курейка, Игарка — вереницей прошли перед нами новые города и селения. Но это не все! На правом берегу, в полосе мрачных тундр, показывается крупнейший в стра-

---

Окончание. См. «Огонек» №№ 40, 41, 42, 44, 47 и 49.

Игарка. Улица М. Горького. (Снято в сентябре в 12 часов ночи.)

не речной порт, Дудинка. Штабели ангарского леса, бесконечные склады, мастерские, железнодорожные пути, портальные краны, транспортерные линии, элеваторы... Какая пестрая картина!

Дудинка — центр Таймырского национального округа. Ее улицы, отвоеванные, как и в Игарке, у тундры, мощены камнем и залиты асфальтом. На оживленных городских магистралях чувствуешь неповторимую прелесть полярного города: покуривая трубки, идут в зеленых куртках озабоченные морские капитаны; шумной толпой входят в универмаг рыбаки и матросы; оленевод, одетый в расшитую парку, стоит на углу и, щурясь, смотрит на корабли. Из дверей двухэтажного здания полярной школы колхозных кадров бегут на волейбольную площадку сыны северных народов — эвенки, саха, ненцы, якуты,— будущие председатели и бухгалтеры колхозов Таймыра. И когда мяч взлетает над сеткой, посмотреть на соревнования идут «болельщики» — летчики и оленеводы, плотогоны и трактористы.

В уличном потоке увидишь тех, кто приплыл сюда из Мурманска и Ленинграда, кто прилетел с Диксона, кто вчера был на Северном полюсе. Но самое удивительное, что здесь встретишь и железнодорожников. От Дудинки до транссибирской рельсовой магистрали тысячи километров, но в полярном городе гудят паровозы, лязгают буфера, и тяжелые составы бегут из порта в гору — на станцию.

Городской автобус идет на окраину Дудинки — к железнодорожному узлу. Мелькают старые и новые кварталы, школы, магазины, и вот самая северная железнодорожная станция. Маневровые паровозы занимаются будничным делом, будто и не забирались за Полярный круг, — формируют эшелоны, подают порожняк на причалы в порт, ставят на запасные пути готовые составы с машинами. На бесчисленных ящиках и обшитых досками трансформаторах, бурильных станках, электровозах видишь один адрес — Норильск.

В Норильск, в глубину Таймыра, за сто километров от Дудинки, направляются все эти поезда. Для Норильска доставлены морем и по Енисею грузы. Что же это за город, который, как магнит, привлекает к себе грузовые потоки?

Чудо Таймыра

К дудинскому вокзалу подан пассажирский поезд. Цельнометаллический мягкий вагон, такой же, как на линиях Москва — Ленинград или Москва — Пекин, гостеприимно поблескивает зеркальными стеклами и никелированной отделкой. Места в купе занимают инженеры и артисты Норильского драматического театра, студенты и агрономы, врачи и художники. Путешествие по всхолмленной тундре в комфортабельном вагоне полно незабываемых впечатлений. Достаточно открыть окно — и вот она, таймырская тундра, то зеленая, то черная, то изумрудная, то пепельная, с блюдцами стылых озер и серыми валунами...

Железнодорожный вокзал в Норильске.

Удивительна история железной дороги за Полярным кругом. Ее прокладывали с двух сторон — из Дудинки и не существовавшего тогда Норильска. Корабли доставили рельсы, вагоны и паровозы морем в устье реки Пясины. У берегов океана машины, взрывчатку, локомотивы, платформы и тракторы перегрузили с кораблей на плоскодонки, и флотилия утлых судов двинулась по тундровой реке в озеро Пясино. Когда оно замерзло, по льду и сугробам тронулись тракторные поезда; они тащили на гигантских санях паровозы и вагоны. Трактористов обжигали морозы, но сквозь пургу двигались они в будущий Норильск.

С огромными усилиями настилали рельсы, укладывали шпалы, строили мосты. Битва с природой длилась месяцы, годы. В зимнюю пору летчики пролетали над трассой, чтобы сбросить мешки с хлебом и мясом отрядам рабочих, попавшим в снежные заносы. Летом разливались озера, кипели тундровые реки, и тогда расползались насыпи, исчезали в пучине болот рельсы и шпалы; дикие паводки сбрасывали мосты, разрушали все, что создавалось мужеством и волей.

Дорога была построена, но... половину года бездействовала. То черная пурга, то горы снега, то паводки останавливали поезда. Сколько раз грузовые составы исчезали в толще тундровых сугробов, сколько раз поезда валились вверх колесами, сброшенные неистовыми бурями! Но вот инженерная мысль нашла способы борьбы с пургой и заносами — вдоль путей стоят теперь высокие деревянные заборы с щелевыми отверстиями, заставляющими самый ветер расчищать пути, сдувать с них сугробы. Самый северный рельсовый путь действует без перебоев.

После станции Тундра видны плоские, словно срезанные сверху горы Путораны. На фоне бледно-серого неба рисуется Зуб-гора, а напротив нее — лобастая, голая, с каким-то медным отливом Шмидтиха. Гуще стальные пути, и вот у подножия безлесых гор, раскинувшись по тундре камнем, асфальтом и железобетоном, открывается большой город. Трубы, трубы, трубы...

— Норильск! — объявляет проводник.

Да, это чудо Таймыра — и белокаменный красивый вокзал, которому позавидуют Красноярск и Омск, и широкий асфальтированный проспект, украшенный серебристыми, высоко бьющими фонтанами, и парадный въезд в город с домами, увенчанными башнями, и просторная полукруглая Гвардейская площадь. Норильск воплотил в себе многое, чем может гордиться советский человек, переделывающий природу, покоряющий Арктику.

Секретарь Норильского городского комитета КПСС Леонид Васильевич Антонов и председатель исполкома горсовета Анатолий Сергеевич Бурмакин знакомят нас с городом.

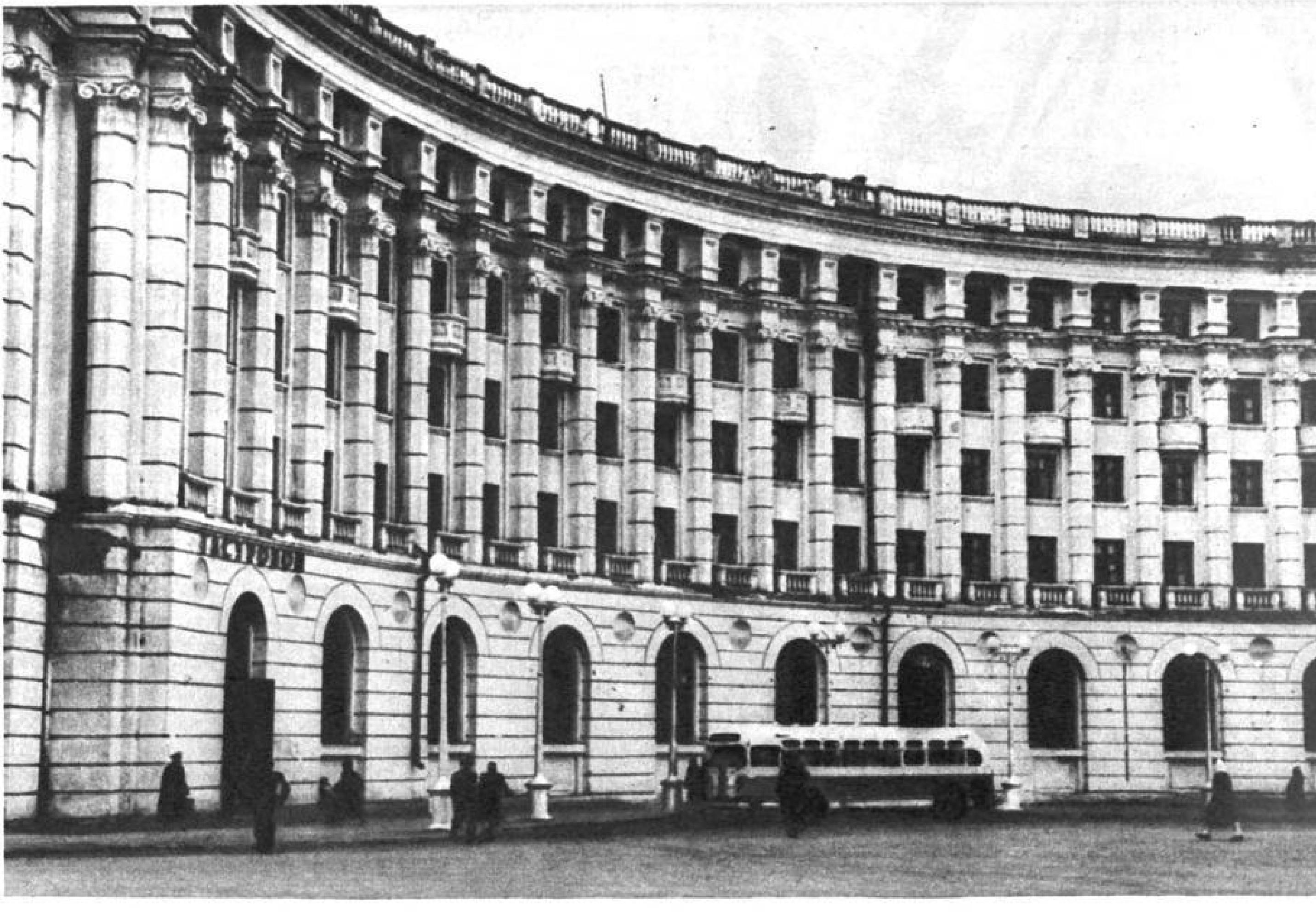
«Вот наше «метро», — говорят они, и мы садимся в электрический поезд и едем. «Вот наш музей», — и мы входим в светлый особняк, в котором любовно воссоздана героическая история города. «Вот наши оранжереи и теплицы», — и мы видим на се-

Норильск. Въезд в новый город.

Норильский техникум.

Гвардейская площадь в Норильске.

мидесятой параллели северной широты, в норильском совхозе, благоухающие цветы, а в открытом грунте — картофель и капусту. «Вот наши стройки»,— и мы осматриваем сооружаемые на вечной мерзлоте многоэтажные каменные дома. «Вот наши театры»,— и мы, не веря глазам своим, останавливаемся перед великолепными зданиями трех театров. «Вот наш стадион»,— это спортивный комбинат с футбольным полем, теннисными кортами, волейбольными площадками, а рядом малый, или, как говорят здесь, старый, спортивный зал. Напротив него — похожий на эллинг для дирижаблей большой спортивный зал. А невдалеке от этого зала, в будущем парке, видим котлованы и фундаменты нового спортивного комбината с большим плавательным бассейном.

— С помощью всей страны вырос на Таймыре большой, хорошо благоустроенный город Норильск,— говорит Л. В. Антонов.— Партия и правительство постоянно проявляют исключительную заботу о полярниках. Норильчане обеспечены всем необходимым; даже фильмы они смотрят одновременно с москвичами. Мы надежно связаны с Большой землей самолетами и радио и никогда не чувствуем себя оторванными от страны.

В только что отстроенный семиэтажный дом въезжают новоселы. Во всех квартирах горячая и холодная вода, ванны, мусоропроводы, электрические печи и батареи центрального отопления. Рядом с этим большим домом строятся целые кварталы таких же жилых зданий.

— Полярная ночь начинается у нас в ноябре и кончается в середине января,— продолжает Л. В. Антонов, — все это время город, предприятия, как и весь Таймыр, погружены в темень. С океана летят морозные ветры, с неба валит густой снег. Миллионы электрических ламп освещают в такую пору улицы, площади, цехи, школы и катки. Снегоочистительные машины убирают проспекты, автобусы и такси продолжают свой бег.

Брат океана

Как чудесное видение, остается в тундре Норильск. Возвращаемся в Дудинку, чтобы на попутном корабле отправиться дальше — к устью Енисея.

Мимо низких обомшелых берегов широко и привольно несет свои воды великая река Сибири. Глубины на ней становятся, как в море, и суда, груженные лесом, пушниной, свободно и смело идут в низовья.

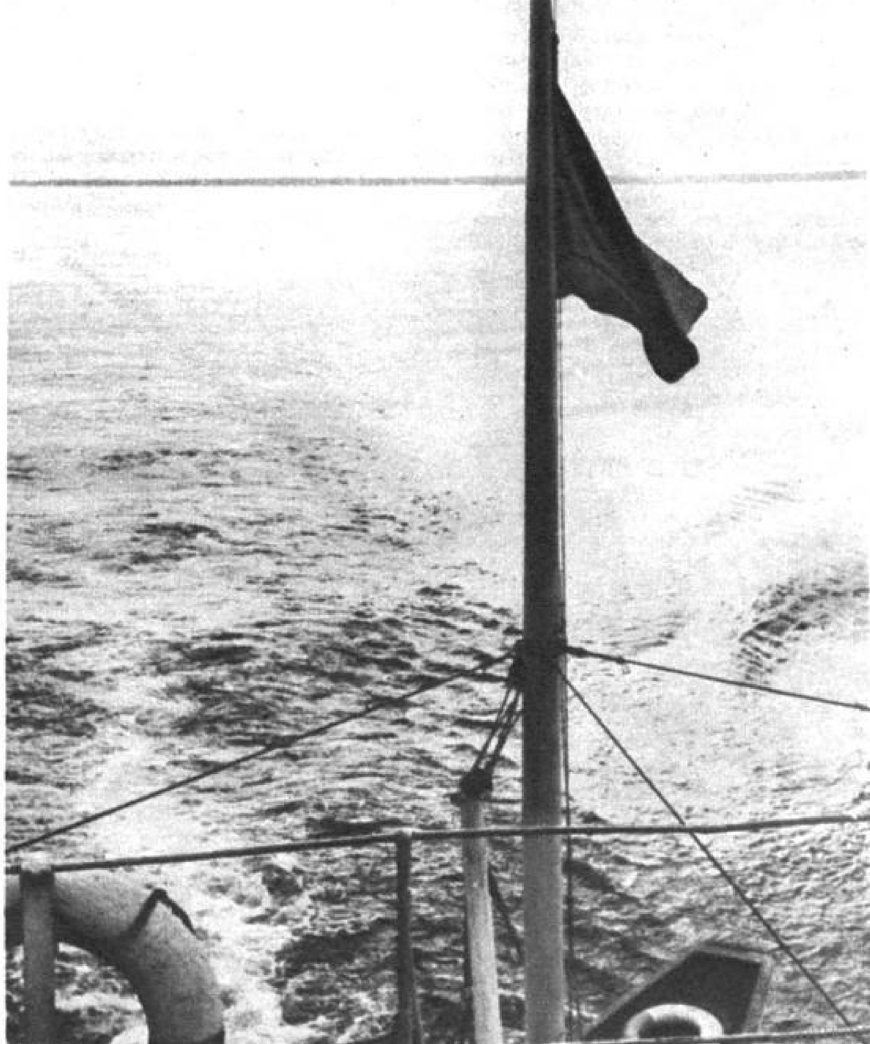
Все чаще видны снежные языки в тундре. Холодные тучи летят с севера. Кутаясь в плащ, стоит на мостике лоцман и ведет океанское судно мимо Усть-Порта, Караула, Гольчихи, мимо рыбных заводов, колхозов, маяков все дальше и дальше по Енисею. Наконец наступает та минута, когда уже не замечаешь берегов, они исчезают: ширина Енисея доходит здесь в полую воду до 25 километров. Невольно думаешь: да тот ли это ручеек, что юркнул с гор из голубого и тихого озера на Тодже?..

Корабль проходит мимо каменистого бара Сопочная Карга и выплывает в зеленовато-синий Енисейский залив. «Брат океана» — так поется в песнях сибиряков о Енисее — встречается с Карским морем. Вот и гористый Диксон — последняя точка на карте Енисея.

Окидываешь теперь мысленным взором весь путь от истоков до устья Енисея. Река скорби стала рекой созидания. Разбужен мертвый край. Сколько было встреч с умными и сильными, простыми и душевными сибиряками! Здесь особенно ощущаешь могучую силу народа, силу Коммунистической партии, которая покоряет тайгу и топи, сдвигает горы, несет жизнь и счастье на просторы полярных тундр.

Все дальше уходят в океан корабли. И как память о голубой дороге, протянувшейся по меридиану через всю Сибирь, о великом Енисее, уносят они его дары в далекие плавания по студеным морям.

Кончается Енисей — начинается океан.

КОЛХОЗНЫЕ НОВОСЕЛЫ

Заместитель председателя колхоза имени Суворова А. Воробьев.

С. МОРОЗОВ

Фото М. САВИНА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

На утренней зорьке, когда огоненные по-осеннему сучья берез серебрятся инеем первых заморозков, любят сибиряки посидеть с ружьем на опушке. Того и гляди выпорхнет из чащи косач-тетерев, за ним другой, третий. Перелетят птицы на сжатое пшеничное поле и начнут разгуливать по стерне, высматривая редкие зерна, оставшиеся после уборки урожая. Тут уж не зевай, охотник, бери дичь на мушку.

Семен Спиридонович Замараев и не зевает. Вскинув двустволку, он единым выстрелом укладывает сразу двух косачей. Вслед за раскатистым громом дробовика сухо щелкает малокалиберная винтовка Тельмана Иванова, и третий тетерев, едва успев вспорхнуть над полем, камнем валится в кусты.

— Однако ты, паря, молодец! — одобрительно говорит Семен Спиридонович своему юному спутнику.

— А то как же, дедушка Семен! Второй год в сибиряках состою.

Развесив на сучьях еще теплые тетеревиные тушки, оба охотника, старый и молодой, задумчиво смотрят вдаль, туда, где холодно сверкает речной плес. В просветах зеленой хвои едва проглядывают десятки крыш деревенских изб.

Там, в деревне Хлоптуново, потомственный сибирский крестьянин Семен Спиридонович Замараев живет восемь десятков лет. А девятнадцатилетний Тельман Иванов переселился из далекой Чувашии в колхоз имени Суворова, Сухобузимского района, Красноярского края, лишь год с небольшим назад. Старый с молодым недавно стали односельчанами, но крепко подружились. Едва выпадет час — другой свободный, вместе пропадают они то в тайге — за косачами, то на рыбалке с неводом.

И частенько на охотничьем привале заводят они беседу про богатые местные земли, леса и реки. Много интересного о прошлом может рассказать восьмидесятилетний Замараев.

Слушая его, невольно представляешь себе те давние времена, когда в Сибирь, «на вольные места», толпами устремлялись обездоленные бедняки из малоземельных губерний царской России. Но еще большей нуждой и горькими лишениями встречала в ту пору русского крестьянина каторжная глухомань. Недаром накануне первой мировой войны Владимир Ильич Ленин указывал на «отчаянные бедствия, разорение и нищету крестьян, которые распродали все дома, чтобы уйти в Сибирь, а теперь вынуждены идти назад из Сибири окончательно разоренными и обнищавшими».

Совсем по-иному встречает советская Сибирь переселенцев-колхозников, едущих сюда поднимать целинные земли.

Каждая семья, переселяясь, получает денежное пособие. Прибывшим на место новоселам колхозы предоставляют продовольственные ссуды, государство отпускает кредит на строительство новых домов. Может быть отпущен кредит и на покупку коровы.

На срок от двух до пяти лет переселенцы освобождаются от сельскохозяйственных налогов и обязательных поставок сельхозпродуктов.

...На улицах небольшой деревни Хлоптуново рядом со старыми,

Новые дома для переселенцев в колхозе «Путь к коммунизму», Сухобузимского района, Красноярского края.

потемневшими от времени избами встретишь немало строений, выделяющихся свежей желтизной недавно распиленной древесины.

— Сами строим,— рассказывает Александр Васильевич Воробьев, поглаживая крепко сбитый сруб собственного дома,— лес тут отличный, что лиственница, что сосна — мачтовые, как на подбор.

Переселившись в Красноярский край из Чувашии весной прошлого года и вступив в колхоз имени Суворова, Воробьев, бывалый сельский плотник, сразу же возглавил строительную бригаду. Через год его избрали бригадиром полеводческой бригады, потом выдвинули в правление. Теперь уже не первый месяц Александр Васильевич замещает заболевшего председателя колхоза. Большая это честь для новосела, большое доверие ему со стороны старожилов-сибиряков.

Мы познакомились с А. В. Воробьевым, когда подъезжали к деревне. Он возвращался в правление после объезда бригад. Усталая лошадь медленно тащила бричку, облепленную жирным черноземом.

— Третий день в дороге,— говорил он, показывая рукой на дальние перелески, за которыми по склонам холмов виднелись уходящие к горизонту темные пятна паров и побуревшие под дождями сжатые поля.— Громадные в Сибири расстояния!.. И земли много, и почва хороша. Прошлый год подняли целину, а нынче уже собрали отличный урожай пшеницы, хотя и трудно было во время уборки из-за дождей.

Около трех десятков семей переселилось в Хлоптуново и вступило в колхоз имени Суворова за последние три года. Содружество новоселов со старожилами ощутимо сказывается и на увеличении общественного богатства колхоза и на личном благосостоянии людей.

За околицей деревни, где недавно еще был пустырь, поднялись теперь новые строения: просторный, крытый тесом свинарник, высокая, под шифером зерносушилка, электростанция. Протянулись на столбах провода к избам, к дому правления, к колхозному клубу.

В зерносушилке за сортировкой семенного зерна встретили мы колхозницу-переселенку Евдокию Максимовну Иванову. С удовольствием перебирала она зерна спелой пшеницы, увязывала плотно набитые мешки. Добрые всходы даст на будущий год этот чистосортный альбидум на свежевспаханной целине!

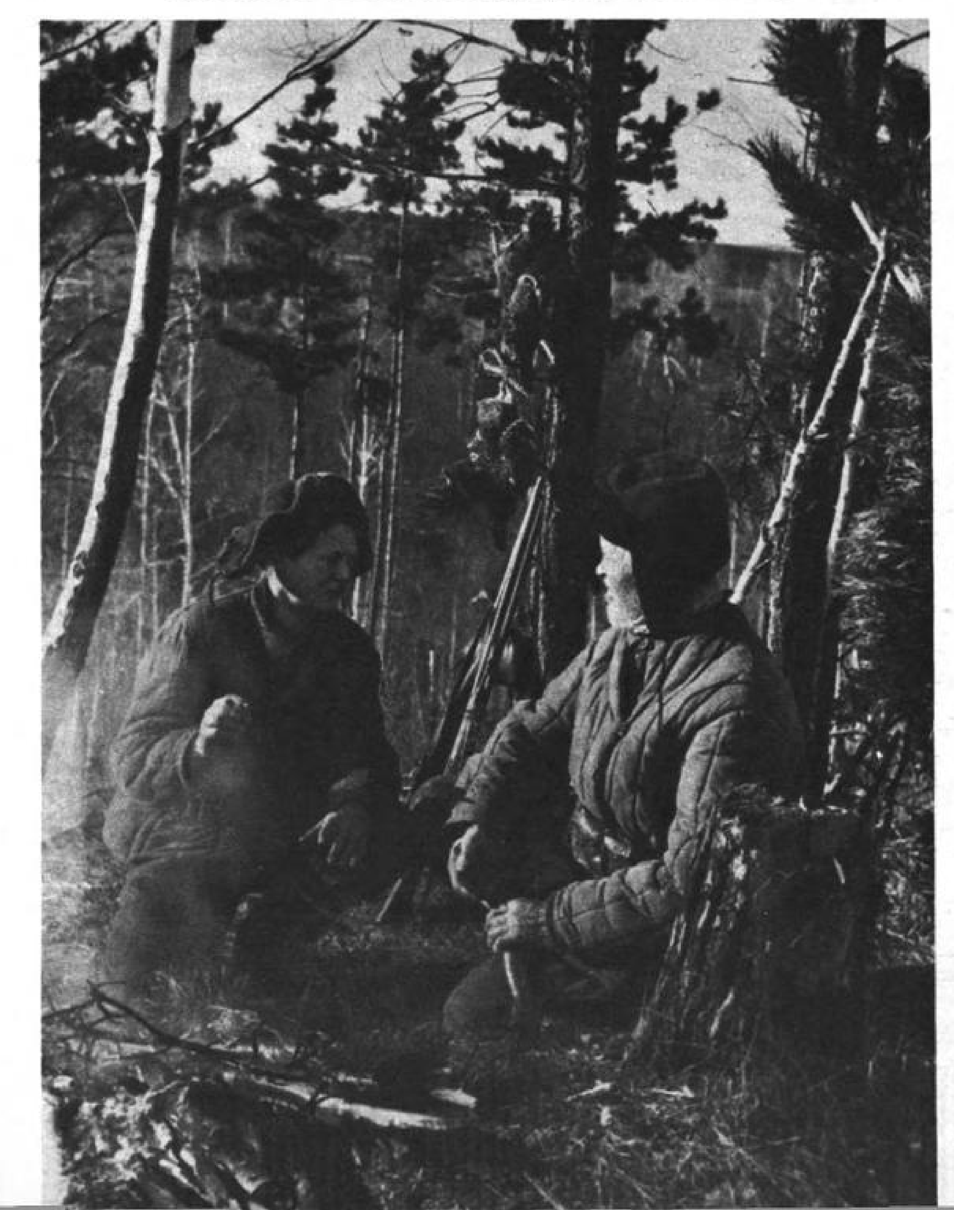
Заботливо растят колхозное стадо переселенцы Шурковы. Отец Александр Иванович и сын Михаил — пастухи, дочери Ульяна и Лиза — доярки. Когда Шурковы, переехав в Сибирь, обзаводились хозяйством, им выдали ссуду на приобретение коровы, а потом, спустя год, в виде дополнительной оплаты премировали телкой. Сейчас в личной собственности семьи Шурковых две коровы.

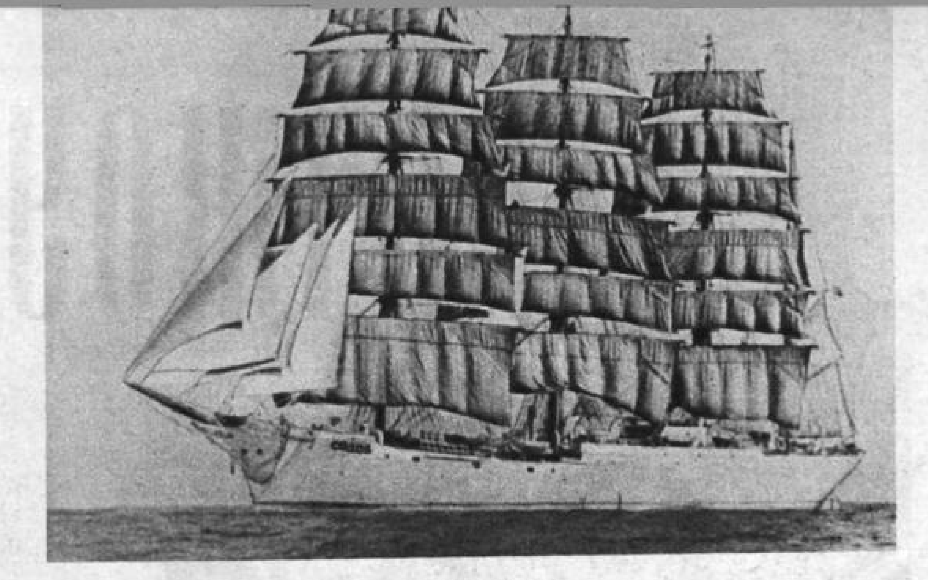
Неподалеку от Хлоптунова, в деревне Ковригино, выросла целая улица новых домов. Так колхозники артели «Путь к коммунизму» встречают переселенцев из Чувашии.

Крепко дружит колхозная молодежь — переселенцы и исконные сибиряки. Часто по вечерам собираются парни и девушки вокруг гармониста, поют веселые песни.

Прочно, надолго устраиваются новоселы в колхозах Красноярского края.

Сибирский старожил С. Замараев (справа) и его односельчанин молодой переселенец Т. Иванов на привале во время охоты.

Паруса над Атлантикой

Тот, кто бывал в Ленинграде или Кронштадте, не мог не обратить внимание на учебно-парусное судно «Седов». Это стальной, четырехмачтовый барк, имеющий в дополнение к парусам механический двигатель. Среди кораблей подобного типа «Седов» — крупнейший в мире. Длина его — 117,5, ширина — 14,6 метра, площадь 32 парусов превышает 4 тысячи квадратных метров. Встретить в море такой парусник — большая редкость.

— Корабль к походу готов! — докладывает старший помощник командира.

— Все наверх! С якоря сниматься, паруса ставить! — звучит команда вахтенного офицера.

Матросы ловко поднимаются на мачты и расходятся по реям. Через несколько минут парусник, легко скользя по воде, покидает рейд.

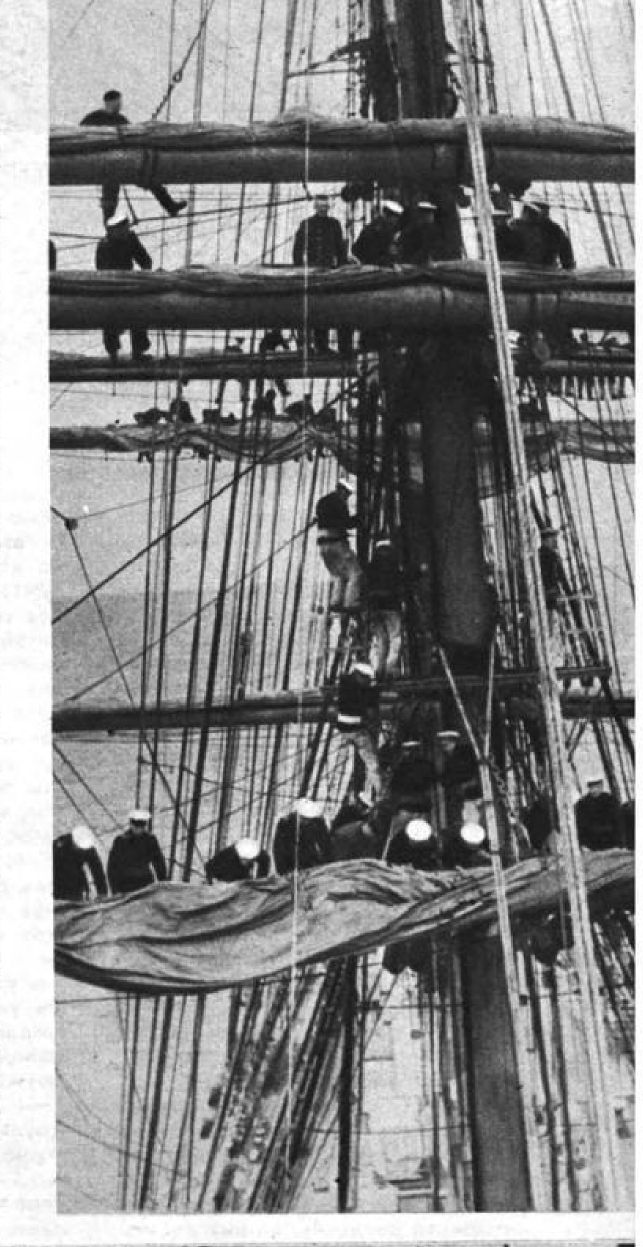
«Седову» предстояло совершить двухмесячное плавание в океан с курсантами и слушателями военно-морских учебных заведений. Такого похода еще ни разу не совершал советский военный парусник.

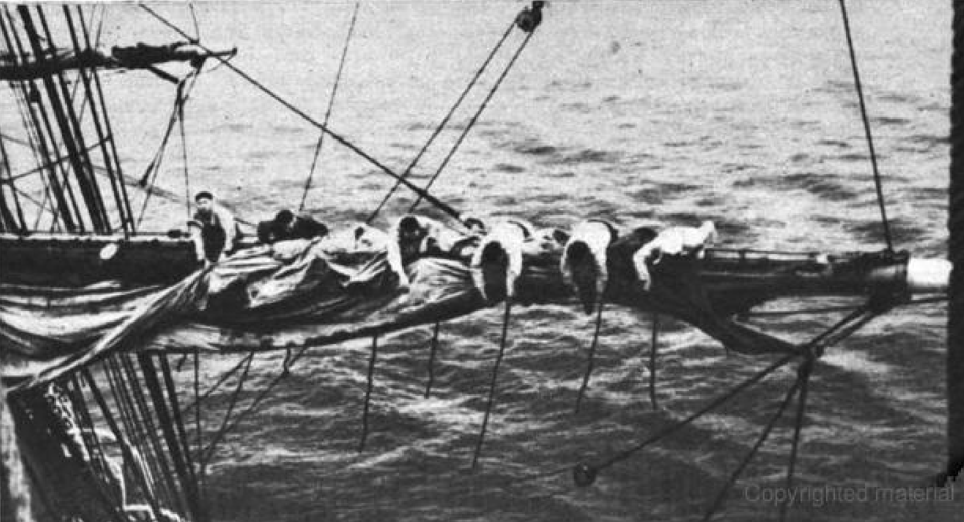
За время плавания мы встречали много иностранных торговых судов. По международному обычаю, они первыми салютовали нам — военному кораблю, приспуская кормовые флаги. Но дело этим, как правило, не ограничивалось. Матросы и пассажиры махали платками, шапками, всячески стараясь выразить свои симпатии экипажу советского парусника.

...Десятибалльный шторм налетел неожиданно. Огромные волны с бахромой пенящихся гребней неслись навстречу кораблю. Временами поднимался шквал, и тогда скорость ветра достигала 25—28 метров в секунду. Возникла угроза потерять часть парусов, и вахтенный офицер дал команду убрать их. Марсовые быстро поднялись на мачты и приступили к работе. Казалось, разъяренный ветер сбросит моряков с рей. На высоте 35 метров, упершись ногами в перты, прижавшись животом и грудью к реям, курсанты и матросы подбирали и крепили вздутую ветром неподатливую парусину. Было это близ берегов Исландии.

Свыше 5 тысяч миль прошел «Седов» по Балтийскому, Северному и Норвежскому морям и северной части Атлантического океана. Плавание это явилось отличной практикой для будущих морских офицеров.

П. МИТРОФАНОВ,
капитан II ранга,
командир «Седова».

ЛАНЬЧЖОУ — АЛМА-АТА

ПИСЬМА С ДОРОГИ

Г. БОРОВИК **Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

II

На перевал

Ровно в шесть часов по местному времени в городе Ланьчжоу прокричали петухи. Прокричали дружно, голосисто, как петухи всего мира. Минутой позже машинист Ян Ба-хуа привычным движением потянул вниз проволочный треугольник, и петушиные трели заглушил сиплый паровозный гудок.

Небольшой состав, груженный шпалами, рельсами, костылями, машинами в брезентовых чехлах, медленно поплыл вдоль Восточного вокзала. В городе, правда, пока еще нет ни западного, ни южного, ни северного вокзалов, да и Восточный только строится. Но по плану в Ланьчжоу будет пять вокзалов. Читатель, возможно, спросит: зачем их столько городу, в котором, по географическим справочникам, двести пятьдесят тысяч жителей и нет мало-мальски развитой промышленности? Жители Ланьчжоу ответят, что справочники успели устареть: во-первых, двести пятьдесят было до освобождения, а сейчас четыреста двадцать, из них десять тысяч — железнодорожники; во-вторых, в городе ведутся работы по строительству семи промышленных предприятий из числа ста сорока одного, сооружаемого в Китае с помощью СССР. Ланьчжоу скоро станет крупнейшим индустриальным центром китайского Северо-Запада и большим железнодорожным узлом: здесь скрестятся дороги на Алма-Ату, на Сиань, на Нинься...

Поезд шел по уже построенному участку великого железнодорожного пути, который стальной осью свяжет Восточный Китай с богатейшим, но не разведанным до конца Северо-Западом и еще одной крепкой нитью соединит две великие братские державы — Китай и Советский Союз. Мы проезжали эти места через несколько дней после подписания Советско-Китайского коммюнике о строительстве дороги Ланьчжоу — Алма-Ата. Проводники, машинисты, чернорабочие, инженеры, топографы, укладчики — все, кто имел какое-либо отношение к дороге, считали эти дни праздником. Нам рассказали, что на строительстве одного из бесчисленных мостов в день, когда пришли газеты с радостным известием, рабочие уложили семь плит, хотя раньше укладывали по две, как и полагалось по норме. Вечером они доложили в рапорте: «Это в честь дружбы!»

— Знаете, что такое наша дружба? — сказал нам один железнодорожник Ланьчжоу. — Это... это... — он не нашел подходящих слов и показал руками, соединив пальцы, как в вагонном сцеплении. — Это вот! Не разорвешь!

...Покинув пределы города, уже в этот ранний час полного строительного шума, паровоз потянул состав вдоль реки Хуанхэ. Высокий берег здесь поднимается из воды вертикальной шестиметровой стеной. В реке стоят огромные деревянные колеса, похожие на мельничные; они вертятся под напором воды, набирают ее в длинные деревянные ковши, поднимают наверх и выплескивают в специальные желоба, по которым вода стекает на аккуратные квадратики рисовых полей. Эти колеса — местное древнее изобретение. На одной из площадей Ланьчжоу стоит обелиск в честь изобретателя, давшего воду крутым, обрывистым берегам Хуанхэ. Недавно, когда здесь развернулось строительство железной дороги, колеса применили в качестве двигателей для мелких ремонтных мастерских.

Железная дорога здесь уже прочно вошла в быт. Из глиняных домиков неторопливо выходят навстречу поезду толстые чумазые ребятишки и без особого восторга, а так, для порядка, машут вслед проходящему составу. И уже сказывается неписаный железнодорожный закон: на маленьких станциях торгуют жареными цыплятами, крутыми яйцами, всякой другой снедью, хотя пассажиров пока еще нет (ходят только товарные поезда).

Поезд, давая редкие гудки, идет дальше, вверх по течению. Река становится все уже, стремительней. Паровоз осторожно въезжает на деревянный 248-метровый мост через Хуанхэ. Это временный мост, он был построен за три месяца морозной зимы 1952—1953 года, когда температура, бывало, падала до тридцати градусов ниже нуля. Но метрах в пятидесяти отсюда уже вбиваются сваи для постоянного моста. По доскам, переброшенным с будущего быка на берег, ловко бегают рабочие в ватниках, поверх которых надеты светлые пробковые курточки — на случай падения в воду.

Мостостроителям не приходится жаловаться на отсутствие опыта. На каждом километре уже готовой трассы они сооружали не меньше двух мостов. Всего же мостов построено шестьсот тридцать, если считать от города Тяньшуй.

Сразу за рекой дорога резко поднимается в гору, к знаменитому перевалу Усяолин, находящемуся на высоте двух тысяч девятисот метров над уровнем моря.

От моста до перевала всего сто пятьдесят километров. Но для строителей это был, пожалуй, самый тяжелый участок. Надо было взрывать горы, бурить скалы, пришлось засыпать пятьдесят семь ущелий метров до сорока глубиной. На самом перевале, где морозы бывали особенно жестоки, рабочие жгли навоз, покрывали землю мешками, соломой, непрерывно, круглые сутки перекапывали ее, чтобы она не смерзлась. Иногда приходилось работать по колено в холодной воде, в промерзшей слякоти. Спасала гаоляновая водка, ею строители каждый час растирали ноги.

Сейчас на перевале тихо. Не слышно пулеметного стука пневматических молотков и скрежета бульдозеров. Кругом бело, спокойно, и только две черные ниточки рельсов напоминают о тяжелой войне с горами, окончившейся победой строителей.

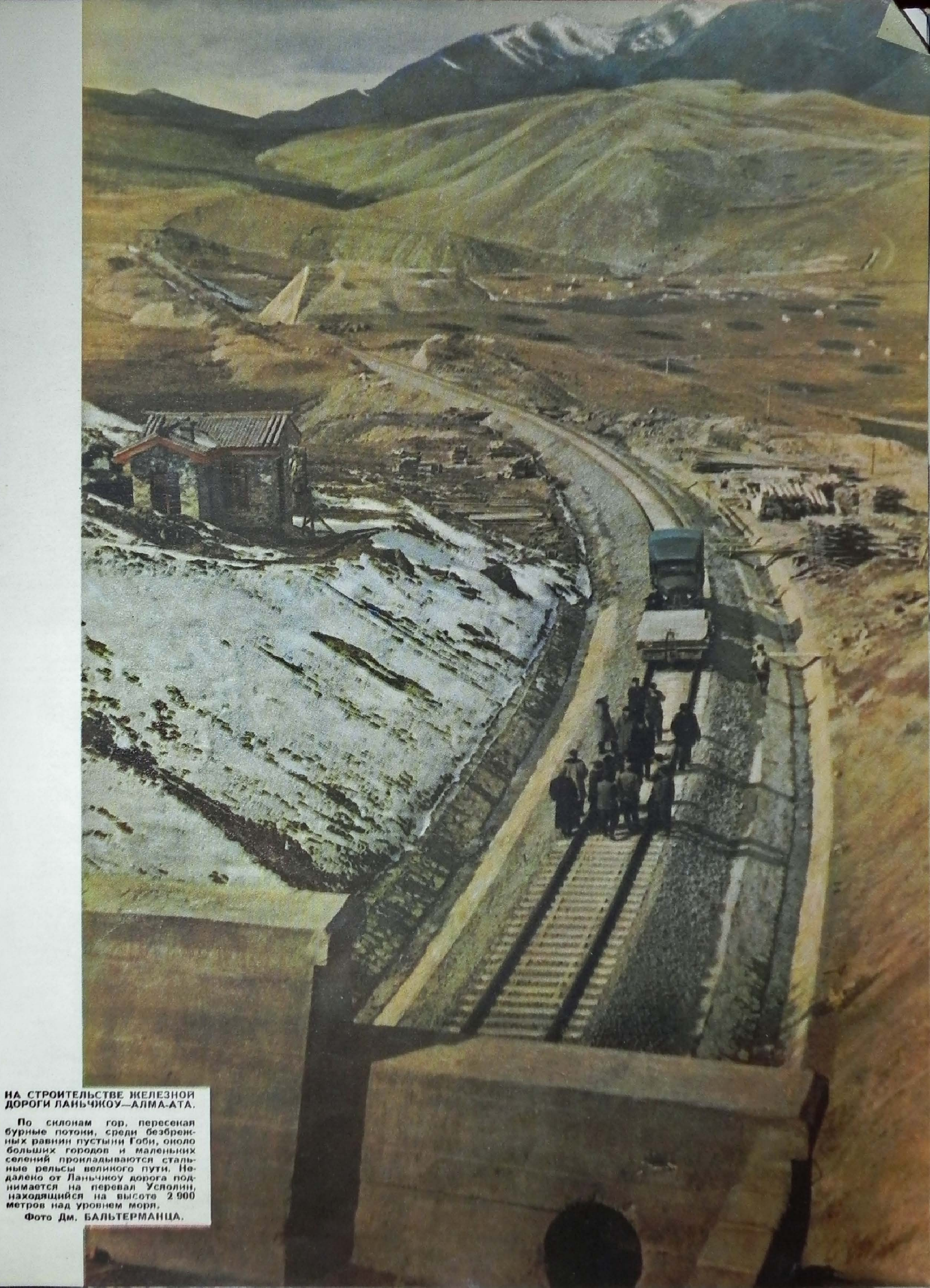
— Жалко, строительство уже не снимешь,— вздохнул мой спутник и укоризненно посмотрел на свой фотоаппарат, будто тот был в чем-то повинен. — Ничего не поделаешь, аппарат — не вечная ручка: ни прошлого, ни будущего им не запечатлеешь...

— Насчет прошлого не знаю, — возразил сидевший рядом с нами китайский журналист.— Что же касается будущего, я с вами не согласен. Хотите, я расскажу одну историю, она доказывает обратное...

Рассказ журналиста

Это было года три назад. На строительство дороги Тяньшуй — Ланьчжоу приехала с мужем двадцатилетняя Ху Ю-мэй. Муж ее работал бульдозеристом. Ху Ю-мэй было скучно в палатке, она то и дело бегала туда, где работал муж, забиралась к нему на бульдозер. Он гнал ее домой вначале в шутку, потом всерьез — она не уходила. Она твердо сказала мужу, что желает научиться его профессии. И вот произошло следующее: однажды, когда она сидела на машине, а муж куда-то

См. «Огонек» № 50.

НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ЛАНЬЧЖОУ—АЛМА-АТА.

По склонам гор, пересекая бурные потоки, среди безбрежных равнин пустыни Гоби, около больших городов и маленьких селений прокладываются стальные рельсы великого пути. Недалеко от Ланьчжоу дорога поднимается на перевал Усполин, находящийся на высоте 2 900 метров над уровнем моря.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Подъемный кран укладывает плиты моста через речку около города Кулан. Тысячи крестьян из ближних и дальних селений пришли посмотреть на необычное зрелище.

— Ишак — тоже машина, послушная в управлении. Обменяемся?— предлагает водителю самосвала Ин Сюэ-цаю крестьянин Ли Кай-сюань.

Товарищ Чжао Шу-шин, з
ститель начальника высоко
ной железнодорожной стан
Усяолин, с проводниками то
ного состава.

аме-
гор-
ции
вар-

Для того, чтобы проложить рельсы, пришлось не раз «буравить» горы. От города Тяньшуй на трассе построено 138 туннелей общей длиною в 22 920 метров.

ушел по своим делам, перед ней появился человек с фотоаппаратом в руках. Увидев ее, он остолбенел: «Вы бульдозерист?» Ху Ю-мэй понравилось, как человек с фотоаппаратом удивился, и она со смехом ответила: «Да». «Женщина-бульдозерист!» — закричал фотокорреспондент восхищенно. Он сделал несколько снимков, записал ее фамилию и исчез. Месяца через полтора Ху Ю-мэй принесли большой иллюстрированный журнал, где во всю страницу был помещен ее цветной портрет, а внизу стояла подпись: «Первая женщина-бульдозерист на строительстве железной дороги Тяньшуй — Ланьчжоу».

Вначале она перепугалась. Потом отнесла журнал мужу и говорит: «Придется мне учиться твоему делу, а то засмеют: портрет есть, имя есть, бульдозер есть, а водителя нет».

Муж долго сердился, потом решил, что делать нечего. Пошли оба к начальнику строительства. Тот с сомнением поглядел на маленькую Ху Ю-мэй, но, услышав о случае с фотографией, рассмеялся.

— Ну, что ж, езжайте вместе с мужем на строительство моста, там поучитесь.

Состав шел до места назначения несколько дней. Стоял страшный холод, вагоны не отапливались. Три раза муж и вся бригада требовали, чтобы Ху сошла с поезда, села на встречный и возвращалась домой. Три раза Ху вылезала на полустанках, делала вид, что остается, а потом незаметно взбиралась в задний вагон.

На мосту ее определили в группу механиков — смазывать машины маслом. Насосом она вбирала масло из специального бака, потом лезла под машину и делала «впрыскивание». Когда в баке масла оставалось на донышке, ей из-за невысокого роста приходилось ложиться животом на край бака. Рабочие смеялись: «Почему это руководство решило готовить такие невысокие кадры?»

Для ее маленьких рук не подходили стандартные рукавицы. Руки опухали на морозе, лицо покрылось трещинками. У нее был только один ватный костюм. Спереди на животе он был весь промаслен, в дырках из-за частого лазания под машины. Из дырок лезла белая вата. Вид был, прямо надо сказать, не очень женственный. Женщины в палатках от нее отодвигались: «Зачем ей такая работа? Видно, муж не кормит».

Может быть, Ху Ю-мэй и не выдержала бы, ушла с работы, если бы не союз молодежи, в котором ее часто подбадривали шуткой, ласковым словом. Поддерживало ее и руководство стройки.

Через месяц Ху Ю-мэй подписала с мужем договор об обучении ее вождению бульдозера: такой-то срок, такая-то квалификация, обязательства сторон и все такое прочее, как полагается по форме. Муж частенько принимался ругать ее, если она не сразу усваивала названия деталей бульдозера. Но она не обижалась: он ведь учитель!

Через некоторое время она впервые самостоятельно повела бульдозер.

Об остальном очень коротко. Постепенно она обогнала многих мужчин, стала передовиком труда, имеет уже женщин-учениц. Не все шло гладко: например, на новых советских машинах, которые недавно получены, она не достает ногами до педалей — опять рост подвел! Но она что-то приспособила, и теперь все в порядке. Ездила в составе делегации китайского народа в Корею. Ну, что еще вам сказать? Сейчас учится в Ланьчжоу на курсах политучебы, а муж работает около Увэя — на передовой линии строительства.

Вот, пожалуй, и вся история. А вы говорите, что фотография не может отражать будущее!

Журналист умолк и достал сигарету.

— Скажите, она потом не встречалась с тем фотокорреспондентом? — спросили мы.

Журналист улыбнулся:

— Не знаю, может быть, и встречалась.

Он поднес руки к лицу, закрывая от ветра зажженную спичку. Его куртка распахнулась, и нам показалось, что там блеснул объектив фотоаппарата. Возможно, впрочем, что это только показалось.

О чем говорят в Кулане

Первая станция за перевалом Усяолин носит то же название. Роль вокзала пока что выполняет прямоугольная палатка. Но войдите внутрь, и вы увидите все, что бывает в приличном станционном помещении: множество часов, телефонов разных конструкций, прокопченный железнодорожный чайник на раскаленной печурке, у которой рассаживаются греться проводники. И, главное, за столом сидит дежурный, ведающий самой высокой над уровнем моря железнодорожной станцией в Китае. Как полагается каждому дежурному, он до хрипоты кричит в телефон, требуя кого-то срочно пропустить, кого-то задержать, кого-то поскорее разгрузить.

Построенная дорога уже успела внести перемены в экономику этих мест. Наши друзья-железнодорожники рассказывают, что в угольном бассейне южнее Ланьчжоу после пуска линии Тяньшуй — Ланьчжоу добыча выросла на сто процентов — по железной дороге доставляется все больше механизмов.

— Хотите узнать, что означает новая дорога для крестьян и вообще для мест, где она проходит и пройдет? — обратился к нам начальник товарного поезда. — Советую вам сесть в машину и ехать к городку Кулан. Туда вчера дошли рельсы. Увидите и услышите много интересного.

На станции Лангоу, что у подножия перевала с северной стороны, мы пересаживаемся в пропыленный «газик». Он мчит нас по шоссе, которое идет по дну глубокого ущелья; рядом шумит злая речка Кулан.

— Вот здесь над трассой висела скала, — показывают нам наши спутники-железнодорожники.— Потребовалось три тонны взрывчатки. Самые крупные взрывные работы в истории строительства наших железных дорог.

Вокруг валяются красные камни, далеко отброшенные взрывом. Часть обломков образовала естественную плотину, и Кулан здесь широк и величав. Справа от дороги мы замечаем особенно большой белый камень, зарывшийся основанием в землю. Это не от взрыва, объясняют нам. Это остаток огромного метеорита, упавшего здесь несколько десятилетий тому назад. Белая громада в двенадцать обхватов вся выщерблена: куски камня здесь толкут на порошки, которые, по слухам, помогают «от всех болезней». Тем же свойством якобы обладают два углубления в камне: посидишь в них — и хворь, вызванная злым духом, исчезает. Однако, говорят наши спутники, в последнее время сюда ходят меньше, в медицинском пункте надежнее. А для тех, кто еще сомневается в этом, на камне крупная надпись: «Земляк, не верь в эту штуку! Если заболел, иди к врачу».

...Все население Кулана, оставив на время свои дела, собралось на желтых склонах гор, поднимающихся вдоль высокой железнодорожной насыпи. На ней стоял подъемный кран, который должен был уложить на быки железобетонные плиты моста. В этих местах люди уже привыкли к технике. Когда года два назад сюда пришли первые топографы, куланцы увидели теодолит; когда велись земляные работы, познакомились с бульдозерами, самосвалами, самоходными подъемными кранами. Но рельсы сюда подошли впервые, и большинство собравшихся впервые увидело, как по рельсам подползла толкаемая маленьким паровозиком огромная стальная махина, осторожно подняла в воздух железобетонную плиту и бережно уложила ее на быки моста. Потом она проделала то же со второй плитой.

Зрители, подняв головы, внимательно следили за всем происходящим. Здесь были не только куланцы — по тропинкам с гор все спускались и спускались на ишачках крестьяне. Зрелище захватило всех. В толпе не прекращались возбужденные разговоры:

— Смотрите, а внизу, под мостом, сетки натянуты. Это чтобы людям не свалиться, наверное.

— Еще бы, с такой высоты кому хочется!

— Да если и хотел бы, все равно не выйдет: вон они все ремнями перепоясаны.

— А сколько она весит, такая штука?

— Я думаю, очень много. Мне говорили, что шестьдесят этих... ну, как их... тонн. Только я не знаю, что такое тонна.

— Шестьдесят тонн — это сто двадцать тысяч цзинь!

— Сто двадцать тысяч? Этого не может быть, потому что... я никогда в жизни не думал, что может быть столько.

— А вы откуда?

— Кто? Я? Из Хуцзяпен. Еще до рассвета оттуда выехал. Надел новый халат, который в этом году сшил, и выехал.

— А мне уже семьдесят три, и ни разу в жизни не слышал, как эта машина гудит. Нехорошо.

— Дед, так ведь ты глуховат.

— Я? Ничего, услышу. Она, говорят, громко...

В другом месте пожилой крестьянин, опершись на шею осла, рассказывает молодым парням:

— Вот они теперь совсем рядом идут, а совсем разные дороги, разные у них истории. — Он указал на железнодорожную насыпь, а потом на шоссе, построенное при гоминдановцах. — Гоминдановцы согнали нас сюда в жестокий мороз. Никаких рукавиц, ватников тогда, конечно, не было, сразу поотморозили ноги, руки... Попробуешь бежать,— поймают и на дереве головой вниз повесят. Один гоминдановец — наши его звали «адским начальником» — на ночь приказывал обувь отбирать. Один, я помню, все-таки убежал. Вон видите на пригорке старика — это Цзя Чжу-нен из моей деревни. Так вот его сын и убежал ночью босиком по снегу. В темноте попал в полынью, еле выбрался, добрался до дому, заболел и умер. А сколько поумирало на самом строительстве... Тогда дорога тоже была диковинкой. Но сюда и близко боялись подходить: тут же завербуют на строительство. Прокляли мы ту дорогу!

Начался общий разговор. Крестьяне рассказывают, что сейчас за все: за подвоз щебня, песка,

Машинист подъемного крана Сюн Чжен-чи.

за земляные работы — им аккуратно платят. И наем только добровольный. А в жаркую пору, когда много полевых работ, рабочие-железнодорожники сами приходят помогать крестьянам в поле.

— Нет, это — совсем другое дело, это совсем другая дорога! — горячо говорит один из стариков и от волнения принимается заплетать седую бородку в тоненькую косичку. Кругом смеются. — Я дело говорю! — продолжает крестьянин, сердито оглядывая окружающих. — Вот пойдут поезда, мы и шерсти больше продавать сможем, и хлопка, и пшеницы. И лекарственные травы больше жечь не будем — все вывозить будем.

— Правильно, будем делать экспорт, — важно сказал из-за его спины мальчишка в пионерском галстуке.

...Мы уехали в сумерки, когда плиты между быками были уложены и на них уже укладывали рельсы. Это было ровно на двести сорок пятом километре от Ланьчжоу.

СЕЛЬДЬ

Рассказ

Халлдор ЛАКСНЕСС

Рисунки П. Караченцова.

I

Пошла сельдь.

Она не появлялась в этих краях семнадцать лет; с 1909 года ее здесь почти не видели, но нынешним летом она пришла — точно щедрое солнце засияло над местечком. Да, от этих удивительно капризных созданий, ютящихся на большой глубине, как раз и зависит судьба человека.

Сельдь по своей прихоти может сделать людей богатыми и бедными. Захочет — и это рыбачье местечко будет развиваться и процветать ко всеобщему благополучию. Она привлекает сюда иностранных купцов, которые приезжают, селятся здесь и загребают денежки. Сельдь позволяет им строить в долине роскошные дома для своих семей. Благодаря ей становятся нарядными торговые здания, выкрашенные в красный, синий, зеленый цвета. На их дверях горделиво красуются хвастливые вывески. И у населения с приходом сельди работы бывает предостаточно. В горячее время спать приходится не больше часа в сутки: ведь за работу платят по часам и на премии не скупятся. А все это значит, что зимой можно будет послать мальчишек в Рейкьявик, в школу, а девушкам купить новые платья. Жители покупают толь для крыш, могут даже купить краски — и тогда лачуги, разбросанные на морском берегу, не уступают по расцветке домам богачей. И купец, встречая рыбаков на площади, перебрасывается с ними приветливым словом, шуткой.

Проходит несколько лет — и сельдь исчезает. Рыбаки, как обычно, забрасывают неводы и вытаскивают их пустыми. Неводы забрасывают изо дня в день, но, кроме мелкой рыбешки и медуз, ничего в них не попадает. Так оно идет из года в год, и фиорд теперь напоминает пустой кошелек. Если когда и слышно про сельдь, то эти новости приходят с другого конца страны. Длинной вереницей тянутся голодные годы, словно процессия скелетов, бесшумно двигающихся в водорослях.

Рабочий поселок с каждым годом становится все более унылым и печальным. Куртки на купцах изнашиваются, галстуки и брюки хороших времен обтрепываются; встречаясь с рыбаками на площади, купцы уже не шутят с ними. Магазины закрываются, потому что никто не платит долгов. Одни купцы обанкротились, другие прозябают по милости банков, в надежде на то, что будущее подскажет им какой-нибудь выход. Никто уже не заботится о внешнем виде домов, безжалостно попорченных непогодой: штукатурка потрескалась, краски слиняли, толь покоробился, а железо на крыше заржавело. Дома, прежде сиявшие всеми цветами радуги, теперь стоят друг против друга, подобно плешивым старым клячам, а некоторые совсем обветшали. Погода с ними обращается, как ей вздумается. Ветер треплет оторвавшийся толь, лестницы подгнивают, и ходить по ним уже становится опасно. Навес над крыльцом совсем разрушается, и дождь хлещет теперь прямо в дверь. Никто уже по воскресеньям не надевает праздничных костюмов, а если молодежи вздумается поплясать, то оказывается, что и гармонь испорчена.

Норвежский купец, который всего несколько лет назад слыл Крезом этого поселка, теперь открыл маленькую лавчонку у самого фиорда и сам отпускает замерзшими руками жевательный табак и солодовые леденцы. Кто мог уехать, покинул это место, а оставшиеся вынуждены строить дороги летом или наниматься на уборочные работы. Дети и женщины собирают сено, и его едва хватает на прокорм коровы, которую содержат пополам с кемлибо из соседей.

Наступает зима... Женщины и мужчины при свете керосиновой лампы, окруженные чумазыми детьми, едят черный хлеб и кашу на воде; они по нескольку раз в день выходят на причал узнать, какова погода. Их пронизывает холод, голые, давно не работавшие руки обдувает зимний ветер. Среди них часто появляется местный чиновник: он донимает их упреками в лени и тупости. Теперь, когда у них так много досуга, говорит он, следовало бы им читать книги, совершенствоваться и развиваться вместо того, чтобы бить баклуши дома или без дела стоять на площади и мерзнуть. Когда покровители искусства из Рейкьявика приезжают в рыбацкий поселок и объявляют бесплатные доклады о спиритизме, гигиене или политике, то, к их великому удивлению, кроме пастора, местного судьи и врача, никто не является их слушать. Им непонятно, почему эти рыбаки, всю свою жизнь боровшиеся с долгами и голодом, не поклоняются музам и совершенно не настроены выслушивать длинные скучные речи о великолепии потустороннего мира. Но что рыбакам до религии, если сельдь не показывалась прошлым летом? А ведь почти в каждом доме рождается маленький Йонни, и рыбаку нет дела ни до гигиены, ни до политики, если он не уверен, что ему удастся получить в кредит горсточку муки у купца.

Да и воспитанию своих детей они уделяют очень мало внимания, а, казалось бы, можно ли равнодушно относиться к детям? Они попросту обзаводятся одним ребенком в год, и не из большой любви к детям, а совершенно по другим причинам.

Итак, ребята вырастают, бегая по берегу, огороду, перекресткам дорог, и, прежде чем

они научатся говорить, они уже умеют сквернословить, и, прежде чем они научатся скрывать свои нечестные поступки, они умеют уже воровать. Местный чиновник и пастор с надрывом в голосе твердят о пороках. Но эти добродетельные люди не замечают, что ребята, достигнув десяти лет, перестают сквернословить, а когда время приближается к конфирмации, мало уже кто из них ругается больше, чем взрослые.

II

Но этим летом из фиорда днем и ночью выходили лодки, тяжело нагруженные сельдью. В рыбацком поселке, затерянном среди утесов, вновь не признают разницы между днем и ночью. На протяжении всей ночи шум моторов с фиорда сливается с гомоном людей, которые бодрствуют, которые зарабатывают деньги...

Внизу на причалах собрались женщины — самые различные по возрасту и по внешности. Они одеты в кофты и куртки немыслимого фасона и покроя, ибо каждая такая кофта шилась не по законам моды и красоты, а была создана только необходимостью будничной жизни. То же самое можно сказать о многообразных шляпах и платках. В поселке нет ни единой женщины, которая бы не вышла из четырех стен своего святилища и не приняла бы участия в этой великолепной суете. Матери оставляют своих младенцев в люльках и спешат разделывать рыбу; девицы на выданье бросают шитье приданого, в которое они вкладывали все свои девичьи мечты; старые девы вскакивают в середине разговора, не досказав до конца занятную историю, не допив кофе. Сельдь, которую ждали долго, как любовницу, выгружают на берег, защищенный от волн большими брусьями. Здесь ее поджидают с черпаками и лопатками, чтобы окунуть их в эту благодать. Взволнованные, покрытые рыбьей чешуей, люди лопатами наполняют ящики этими сверкающими чудо-рыбами. Женщины уже стоят наготове с ножами. Сколько радости, сколько суеты вокруг! После семнадцатилетнего отсутствия бог вновь осчастливил этот поселок своим посещением.

Все в городке думают только об одном; у всех на устах только одно слово, вернее, вокруг этого слова вращаются все остальные слова, все остальные мысли. Сельдь в фиорде равносильна золоту в Клондайке. В каждой кухне, на каждом огороде говорится об этой благословенной твари. Говорится о ней и у ручья, и на перекрестках дорог, и на берегу. Даже у пастора, врача и местного чиновника говорят только о последнем событии — появлении сельди. Всего лишь две недели тому назад над этим маленьким местечком тяготело проклятие, оно тяготело над ним уже семнадцать лет, а теперь, говорят в банке, в несколько недель из пасти моря вырвано богатство в миллион крон. Еще две недели назад рыбак, стоя на своем маленьком выгоне, после каждого порыва ветра все больше и больше склонялся к мысли, что ему придется перейти на иждивение прихода, потому что на пастбище голо и пусто; он подозревал, что сена уже не хватит на прокорм коровы, которую он содержал вместе со своим шурином. Сейчас сельдь изменила это бедственное существование. Фиорд стал неисчерпаемой сокровищницей. Заработков рыбака теперь хватит, чтобы расплатиться с долгами, он даже, пожалуй, купит на рождество водку, если, конечно, расчеты на улов оправдаются. В течение короткого времени произошло так много событий, что соберись кто-нибудь описать все это, даже самый незначительный случай мог бы дать повод для большого рассказа.

Бедняки превращаются в зажиточных людей, но их благоденствие кратковременно, как всякое опьянение. Банкроты взлетают на воздух так же внезапно, как пробки из детских пугачей.

Здоровые парни работают так усердно, что в совершенном изнеможении падают на селедочные кучи, лишаются языка и умирают без предупреждения. Спокойные и почетные граждане этого поселка, лишаясь ума от бессонницы и переутомления, ходят с воспаленными глазами, суетятся, бьют стекла, богохульствуют и набрасываются на людей. Люди, находящиеся при смерти, вскакивают с постели, бросая в лицо врачу все лекарства, и спешат занять место у невода. Были случаи, когда у женщин появлялись родовые схватки во время чистки рыбы, и только силой удавалось увести их домой, но спустя некоторое время они вновь приходили чистить рыбу как ни в чем не бывало. В это время коровы тоскливо бродят по огородам, требуя, чтобы их освободили от тяжести молока, и с ожесточением топчутся по картофельной ботве до тех пор, пока с причала не прибежит какой-нибудь парнишка и не прогонит их, подстегивая огромной селедкой.

III

Из всех спин, сгибающихся и разгибающихся над ящиками сельди, одна была более согбенной, чем другие. И казалось совершенным чудом, что она давным-давно не сломалась. Это была спина старой женщины, которую звали старая Ката. Она была одета в мужскую обтрепанную куртку, моряцкую шапку и в юбку из мешковины, которая когда-то была новой, но теперь по цвету напоминала старый мешок с отбросами рыбы, пролежавшей долгое время на берегу. На шее у нее была повязана коричневая тряпка. На костлявые ноги были натянуты какие-то пузыри, и никто ни за что не поверил бы, что это ботинки. Доведись кому-нибудь взглянуть на нее поближе, он увидел бы сморщенное старушечье лицо с одним большим зубом во рту, воспаленные глаза и торчащие редкие волосы на подбородке. Руки у нее были худые, бессильные, узловатые, как две старые тряпки. И казалось совершенно невероятным, что эти руки могут удержать нож. А эти старые руки с шести часов утра чистили рыбу. Старуха, а ей было уже девяносто лет, встала в шесть часов утра и весь долгий божий день работала. И за весь этот день она не проронила ни одного слова, не смотрела по сторонам; все же ей удалось очистить только лишь три бочки. Всего-навсего на две кроны двадцать пять эре. Бедняга, она заслужила премию, если не за работу, то хотя бы за возраст, но — увы! — она ее не получит.

Ей, старой селедочнице, случалось очищать на этом фиорде до сорока бочек в день. Тогда ей выдавали премии. А сегодня подрядчик, проверяя рыбу, вспомнил старую песенку, которая передавалась раньше из уст в уста по всему поселку:

Скоро ли ты встанешь,
Наша единственная Ката,
Ты можешь начистить рыбы
Больше, чем мы умеем сосчитать.

Когда-то эту песню можно было слышать каждое воскресенье по всему местечку, но сейчас никто уже больше не помнит тех времен, когда старая Ката получала премии, когда она работала на промыслах компании «Кит». Ката так усердно трудилась в этом «Ките», как будто соревновалась с пророком Ионой; да она и положила его на обе лопатки — ведь он-то пребывал в чреве кита всего три дня и три ночи.

Когда-то у нее был полон дом детей. Впрочем, все рыбаки плодовиты, плодовиты, как рыбы, с которыми они имеют дело. Старость свою она коротала в семье одного из своих сыновей, самого бедного рыбака на фиорде. Многие годы она ждала селедку, как набожная женщина ждет спасителя в его благословенном доме. Но теперь сельдь пришла.

В течение многих лет Ката видела, как у нее рождаются внуки, чтобы умереть. Дети появляются, как маленькие белые облачка, сами по себе возникающие в небе, затем рассеивающиеся дождем. У нее была подруга, жившая на иждивении прихода в Йокульдале. Когда-то они вместе работали на китобойне, ходили друг к другу в гости, пили жидкий кофе и разговаривали о китах. Затем они превратились в нищенок и ходили по дворам. Старая женщина из Йокульдаля ежегодно посылала ей маленький моток шерсти, а старая Ката, сидя в своей развалившейся хижине, вязала варежки, которые продавала рыбакам за несколько эре. Эти эре она вкладывала в хозяйство сына, и если кто-нибудь уезжал в Йокульдаль, то Ката просила отвезти немного кофе, завязанного в тряпочку, знакомой старухе. Сейчас этой старухи нет в живых, она умерла в Йокульдале.

Скоро ли ты встанешь,
Ката моя единственная...

Сейчас Ката стоит, склонившись над ящиком с сельдями, как в те старые времена, и вся ее долгая жизнь проходит перед ее глазами. Она вновь переживает в этот дождливый день все бесконечные дождливые дни своей жизни. Кроме пастора, никто уже не помнит, где и когда она родилась или кто были ее родители. События ее жизни прошли так же бесшумно, как сельдь проходила через ее руки. Она даже не помнила увлечений своей молодости, она лишь смутно помнила, что жила со своим мужем на китобойных промыслах в восточной части страны. У них был домик на самом фиорде. У нее рождались дети, много детей, с которыми ей было трудно справиться. Все, что она помнила о своих детях, — это то, что они появлялись и уходили, куда, это ее не интересовало.

...Ты можешь начистить рыбы
Больше, чем мы умеем сосчитать.

Это был странный припев к истории ее долгого и незначительного существования.

В сущности, за все девяносто лет жизни у нее не было веселых воспоминаний. Но она утешалась тем, что и не ждала радостных минут, по крайней мере для себя. Она вообще никогда не представляла себе, что существуют радостные минуты. Она благодарила своего создателя за китов, если они появлялись в этих водах, за сельдь, если она приходила. Киты перевелись, теперь все жизненные блага заключались в сельди. Но и сельдь ушла. И Ката перестала благодарить своего создателя. В хорошие дни она иногда позволяла себе выпить чашку кофе, хотя молоко к нему было редкостью. И никогда не жилось им так привольно, чтобы не приходилось экономить на сахаре.

В хорошие времена мужчины покупали себе водку и часто бывали под хмельком, конечно, когда это позволяли бог и киты. Но Ката никогда не могла привыкнуть к водке, она только вытирала блевотину за мужчинами.

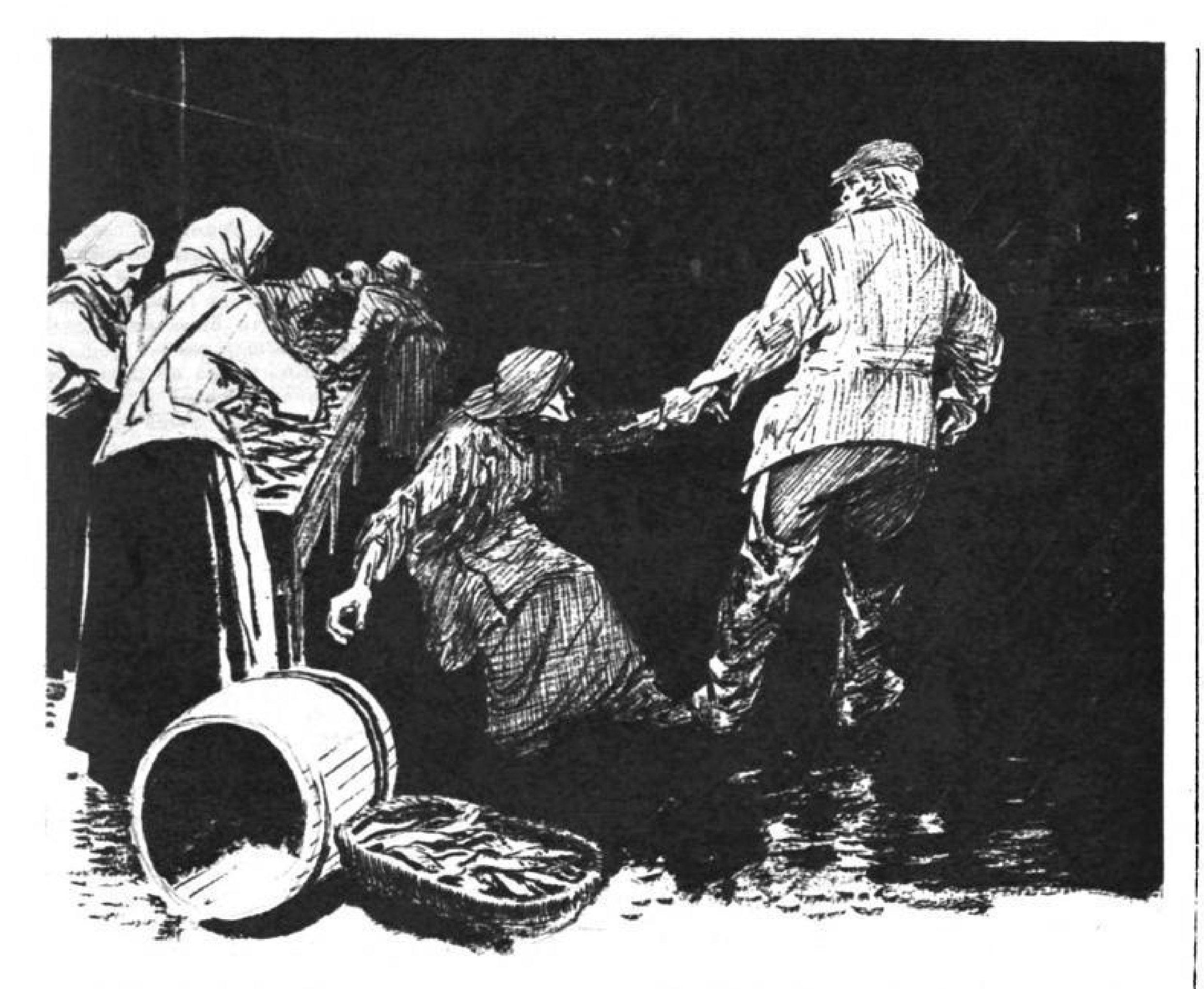
Нельзя сказать, чтобы все воспоминания ее долгой серой жизни были тяжелыми или горестными. То, что поэты называют печалью, ей никогда не приходилось испытывать. Вся ее жизнь состояла из непрерывной цепи дрязг, бессмысленной, непонятной брани. Бранились все, мужчины, женщины, а хуже всего было слушать ужасную брань браковщиков и подрядчиков. Бранились купец, пастор и староста прихода. Сейчас она, по крайней мере, благодарна богу за то, что стала почти глуха и не может уже слышать брани. Вся ее жизнь была не чем иным, как сплошной бранью. Одни ее сыновья плавали в море, другие работали на суше, а некоторые неведомо куда девались. Да и дочери тоже. Ее муж без всякого предупреждения отправился на тот свет пятьдесят лет тому назад. Никто особенно его не оплакивал. Похоронили его по всем правилам; пастор получил все, что ему причиталось, да и купец также. Ката знала, что расплатилась со всеми. Сегодня утром, прослышав о том, что появилась сельдь, она поднялась и отправилась, как другие, зарабатывать деньги. Но она твердо знала, что никому ничего не должна.

IV

Стемнело, и на пристани зажегся свет. Волна, образуемая сгибанием и разгибанием женских спин над ящиками сверкающей сельди, попрежнему отливала всеми цветами радуги. Освещенная электрическим светом, блестела сельдь, великолепная, как золото в Клондайке. На все это роскошное изобилие падал дождь.

К причалу подошли последние лодки. До рассвета больше никто не отправится в море. Но женщины безумствовали, продолжая работать, чтобы к следующему привозу покончить с этим уловом. А работы им хватит на всю ночь.

Бородатый мужчина, только что вернувшийся с моря, спускается с причала, останавливается около старухи и, затянувшись понюшкой, говорит:

— Мать, пошли домой.

Но старая женщина не слышит. И пока он вновь заговорил с ней, она успевает отправить на тот свет несколько сельдей.

— Мать, идем домой. Эй, старуха, ведь скоро, черт возьми, полночь, и ты совсем свалишься с ног!

Но старая женщина была выше всякой брани в этом мире. Она продолжала чистить сельдь.

— Неужто старуха мне не ответит? — сказал про себя мужчина и заорал: — Хватит этой проклятой никчемной возни! Перестань, пока еще держишься на ногах!

Но убедившись, что она не хочет слышать ни его увещаний, ни его приказаний, он выходит из себя и хватает жалкие старые руки матери, отнимает у нее нож. Тогда старуха поворачивается к нему, хотя ей это очень трудно, и, поглядев на него блуждающим взглядом, как бы удивленная грубостью «мальчишки», наконец строго произносит:

— Отдай нож, Сигги!

— Черт возьми, что это тебе пришло в голову, мать? — говорит он и пытается стащить ее с места.

Но старуха сопротивляется, стараясь ухватиться за края бочки. Бочка опрокидывается и катится вниз.

— Отправляйся домой и ложись в постель, пока еще жива! Эх ты, развалина! Ведь тебе уж девяносто лет! Встать с постели — и то для тебя труд. Обопрись на меня.

Но мать все еще сопротивляется и бормочет:

— Вот я тебе задам взбучку, Сигурион! Проклятое озорство! Если ты не отдашь мне сейчас же нож, я тебя вздую! Слышишь?

Но сын продолжал тянуть мать к причалу. Она упиралась до тех пор, пока не иссякли силы, а затем уже умоляюще сказала ему:

— Подожди немного, Сигги... Послушай меня, сынок, не отнимай у меня нож, ведь сегодня нельзя терять ни одной минуты, пришла сельдь...

Ей каким-то образом удалось вырваться из рук сына, но она сильно закашлялась, и ей пришлось усесться на бревно, чтобы откашляться. Этот кашель походил на грохот телеги, сорвавшейся с откоса, или на лязг лебедок, подававших груз на большой пароход.

— Ты совсем выбилась из сил, старуха, — ласково сказал сын. — Обопрись на меня, я тебе помогу.

Но упрямство старых людей можно сравнить только с упрямством овец. Она поднялась и направилась к пристани, где стояли ящики. Она бы дошла до своего места, не прегради ей сын дорогу, как преграждают путь упрямой овце, идущей к реке.

— Черт тебя побери, Сигурион! — проворчала она, поняв наконец, что потерпела поражение.

Но сын уже ничего не ответил ей. Он гнал ее впереди себя к дому. Сгорбившись, она семенила по набережной; шапка сползла у нее с головы, она что-то бормотала себе под нос. Ее горькое всхлипывание смешивалось с хрипом, поднимавшимся из глубины груди, и вскоре старуха разразилась плачем. Она еще раз остановилась, повернулась к сыну и, захлебываясь слезами, сказала:

— Бог тебе никогда не простит этого, Сигурион!

И в этом стоне безутешного отчаяния, вырвавшемся из груди бедной девяностолетней старухи, как бы выразилась вся земная скорбь.

Но сын не обратил никакого внимания на ее стоны, и старуха с громким плачем брела среди ночи, под дождем через город. Ведь старые люди плачут так же громко и жалостно, как дети.

Перевод с исландского В. МОРОЗОВОЙ.

Счастье творчества

Многолюдно в скульптурной мастерской Московского художественного института имени В. И. Сурикова. Защищает диплом Татьяна Рыжова. Скульптурная группа, которую она представила к защите, называется «Материнство».

Много задушевной простоты и сердечного тепла в скульптуре, изображающей юную мать с ребенком на руках.

Самой жизнью подсказаны неловкий жест малыша, перелистывающего книжку, смешной, слегка вытянутый от напряженного внимания рот, выражение его по-детски сосредоточенного и забавно серьезного лица. Ласково, сдерживая улыбку, смотрит на своего первенца молодая мать. Простое и милое ее лицо светится счастьем.

Успех работы Рыжовой не случаен. В Суриковский институт она пришла, не имея сколько-нибудь систематической художественной подготовки. Она рассказывала мне, что еще девочкой любила лепить из пластилина маленькие замысловатые фигурки. А во время войны, когда пластилин было трудно найти, она варила его сама из свечек, олифы, сала и зубного порошка. В своих небольших композициях Татьяна старалась запечатлеть все, что останавливало ее внимание.

Татьяна Рыжова хотя и рвалась всем своим существом к творчеству, но не решилась после средней школы подать заявление в художественный институт. Она поступила в Московский университет на искусствоведческое отделение исторического факультета.

Лекции по скульптуре были особенно дороги ей. Когда Т. Рыжова видела в репродукциях, слепках, в подлинниках произведения величайших скульпторов прошлого, когда, посещая выставки, смотрела работы советских мастеров, она чувствовала, что детское увлечение лепкой превращается в призвание, цель и смысл всей ее жизни. Нет, не только критически оценивать работы скульпторов, а лепить самой, воплощать в своей работе мысли и чаяния...

Т. Рыжова в мастерской.
Фото Г. Санько.

В 1948 году искусствовед-консультант Всекохудожника Т. Рыжова, более года проработавшая здесь после успешного окончания университета, поступает в Художественный институт имени В. И. Сурикова.

Уже с первого курса проявились незаурядные способности Т. Рыжовой. Жанровые композиции молодой художницы отличались жизненной наблюдательностью, пластической выразительностью, поэтичностью.

На первом курсе девушка обратилась к светлой теме материнства. Она воплощала ее в небольших жанровых композициях, а затем ярко и образно решила эту тему в дипломной работе.

Я вспоминаю первый успех Татьяны Рыжовой среди многочисленных зрителей на выставке студенческих работ в Парке культуры и отдыха имени Горького. В скульптуре, которая изображала колхозницу-доярку, ей удалось создать обаятельный образ женщины-труженицы.

На последнем курсе института Т. Рыжова с успехом участвовала в конкурсе скульптурно-производственного комбината. «Малыши-юннаты» и «Алтайские дети» — две ее композиции — получили признание жюри конкурса.

После окончания института молодой ваятель создала фигуры танцующих узбека и узбечки. Они будут украшать сады и парки.

Скульптор Д. ШВАРЦ

АРИСТОФАН

В этом году народы, борющиеся за мир, отмечают 2 400 лет со дня рождения Аристофана.

Подлинный поэт-гражданин, он был сыном своего народа и своего государства.

Афины эпохи Перикла были самым богатым и самым могущественным городом древней Эллады и самым передовым по своему политическому устройству. Под давлением широких народных масс — афинских ремесленников и земледельцев — в начале V века до нашей эры в Афинах была установлена демократия. В эту эпоху и выдвинулись такие титаны искусства, как Фидий и Поликлет, как Эсхил, Софокл, Эврипид и Аристофан.

Аристофан — последний великий драматург афинской демократии. Для так называемой «древней» аттической комедии он сделал то же, что для греческой трагедии сделал его старший современник Софокл: придал ей высокохудожественную и классически законченную форму. До нас дошло 11 комедий Аристофана: «Ахарняне», «Всадники», «Облака», «Осы», «Мир», «Птицы», «Лисистрата», «Женщины на празднестве Фесмофорий», «Лягушки», «Законодательницы» и «Богатство».

В одной из своих комедий («Лягушки»), отвечая на вопрос, за что любит и ценит народ своих поэтов, Аристофан говорит: «...за правдивые речи, за добрый совет и за то, что разумней и лучше они делают граждан родимой земли». Проблемы «искусства для искусства» для Аристофана не существовало, как не существовало ее и для великих греческих трагиков.

Основным художественным материалом для Аристофана были народная песня и сказка. Фантастика народной сказки, ее образы, сравнения, краски органически вплетаются в сюжеты его комедий и придают им очень своеобразную, ни с чем не сравнимую красоту.

Однако народность комедии Аристофана отнюдь не ограничивается одним лишь использованием фольклорных образов и мотивов. Он был гениальным драматургом и великим художником прежде всего потому, что стремился к правдивому изображению современной ему общественной действительности.

Аристофан — реалист, но его реализм имеет свои специфические особенности.

Драматурги демократических Афин — Аристофан, Эсхил и Софокл — определяют человека так же, как Аристотель: «человек — животное политическое». Это в значительной мере определяет специфические черты реализма античной драмы. Ни у Эсхила, ни у Софокла, ни у Аристофана бытовые подробности не играют решающей роли в методе типизации характера. Драматурги афинской демократии сосредоточивали свое внимание не на сценах частной жизни, а на судьбах народа и государства. «В своих героях, — говорил Белинский,— греческие трагики олицетворяли общие силы и стихии народной и общественной жизни».

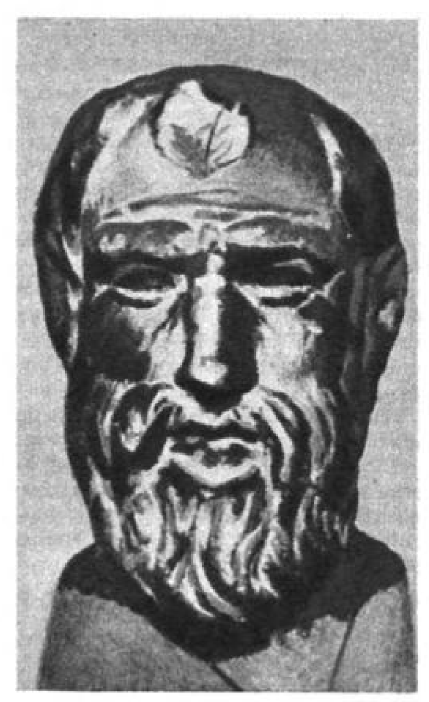
То же самое характерно и для комедий Аристофана. Он смело ставит актуальные политические вопросы, волновавшие его современников, и пытается дать им такое разрешение, которое, как ему кажется, соответствует интересам и стремлениям большинства афинских граждан. В центре комедии Аристофана всегда «человек политический». Главный герой «Ахернян» так и зовется: Дикеополь (справедливый гражданин).

Основу политической комедии Аристофана составляет сатира, которая возникает в его творчестве как отражение глубоких внутренних и внешних противоречий, обострившихся в конце века до степени общего кризиса всей системы афинской демократии.

Основное противоречие последней как античного рабовладельческого государства состояло в том, что все материальное благосостояние общины свободных граждан покоилось на труде рабов. На этой почве возникали и все время разрастались политические и экономические противоречия как внутри афинской демократии, так и между Афинами и другими рабовладельческими государствами древней Греции. К концу V века до нашей эры вся Эллада оказывается разбитой на два враждебных друг другу лагеря: во главе одного стоят демократические Афины, другой возглавляет олигархическая Спарта. Военный конфликт между ними был неизбежен, и он начался в 431 году до нашей эры вторжением спартанского войска в пределы афинского государства.

Юность и зрелость Аристофана совпали с суровыми годами этой — Пелопоннесской — войны. Когда спартанская армия впервые вторглась в пределы Аттики, ему было около 13 лет. Война ворвалась в жизнь Аристофана и оставила неизгладимый след на всем его творчестве.

Он рано начал писать. Уже ранняя его комедия — «Вавилоняне» (426 год до нашей эры) — была комедией политической и сатирической. Аристофан критиковал в ней внешнюю политику афинян и зло высмеивал вождя афинской военной партии Клеона. Тот обиделся и попытался привлечь молодого поэта к суду «за оскорбление афинского народа». Тем не менее в следующем году Аристофан поставил еще более острую политическую комедию — «Ахарняне». В ней он публично опроверг обвинения Клеона, «будто город поносит он в драмах своих, над народом бесстыдно смеется». Аристофан считал, что, критикуя недостатки внешней и внутренней политики Афин, он выполняет гражданский долг поэта перед народом и государством. Это придавало ему силу и уверенность. Молодой поэт бросал смелый вызов всесильному Клеону:

Подымайся ж, Клеон, на борьбу
выходи,
Строй мне козни свои, клеветою
грози!
Справедливость и правда —
союзники мне.
С ними в бой я иду, и не
скажет никто,
Что родному народу, как ты, я
служу,
Трус, подлец, негодяй и
бесстыдник!

Клеон не был трусом, но от борьбы с Аристофаном он все-таки отказался, ибо в этом споре на сторону поэта встал народ.

Прошел год, и неугомонный драматург поставил комедию «Всадники» — одну из самых смелых сатирических комедий во всей мировой литературе. Аристофан изобразил в ней Клеона в образе наглого бахвала Кожевника, который беззастенчиво льстит своему добродушному, но слабовольному и доверчивому хозяину — старику Демосу (афинскому народу), обманывает его и, играя на его чревоугодии, захватывает всю власть над домом (то есть над афинским государством).

Аристофан был беспощаден в своей сатире. Но в то же время он решительно протестовал против превращения комедии в пасквиль. Создавая образ Кожевника, Аристофан придал ему некоторые черты реального Клеона, но не спустился при этом до вульгарной карикатуры. Кожевник — сатирический тип, тип демагога и политического карьериста, очень характерный для афинской действительности эпохи Пелопоннесской войны. Именно в эти годы появились политиканы-авантюристы, которые, используя бедственное положение народа, обещая ему груды золота и прикрываясь демократическими фразами, во имя своих личных интересов толкали афинян на различные военные и политические авантюры. Так действовал Гипербол, так действовали аристократ Алкивиад, корчивший из себя, пока это ему было выгодно, друга народа, и переметнувшийся к олигархии «демократ» Лисандр.

В комедии «Осы» Мстиклеон, объясняя своему отцу Клеонославу, олицетворяющему в этой комедии афинский демос, почему нищенствует тот самый народ, которому принадлежит верховная власть, говорит:

Все могли бы вы быть богачами,
Если б эти молодчики «я за
народ», не дурачили вас, как
попало.
И тебе, господину стольких
городов, властелину от Сард и
до Понта,
Ничего не давали. Щепотку
одну, да и ту по крупинке
бросают,
Словно капают маслом на
шерсти клочок, чтобы только
не помер ты вовсе.
Им на пользу, на радость твоя
нищета.
Почему? Объясню тебе тотчас:
Чтобы хлыст укротителя ты
признавал, чтоб по первому
крику и зову:
«Эй, куси их, куси!», словно
бешеный пес на врагов
господина кидался.

Аристофан не только заклеймил демагогию как общественное и политическое зло: он показал также, на какой почве это зло возникает. Тип демагога у Аристофана раскрыт и показан в типических обстоятельствах. Правда, эти обстоятельства, как и сам тип, очень гиперболизированы и сатирически заострены.

Салтыков-Щедрин говорил, что «единственно плодотворная почва для сатиры есть почва народная, ибо ее только и можно назвать общественной в истинном и действительном значении этого слова». Аристофан прочно стоял на этой почве. Положительные идеалы его политической сатиры, те идеалы, с высоты которых он критиковал и высмеивал недостатки современной ему общественной действительности, — это идеалы афинского демоса и прежде всего разорившихся мелких земледельцев. Главный положительный ге-

рой политической комедии Аристофана — крестьянин: Дикеополь («Ахарняне»), Тригей («Мир»), Стрепсиад («Облака»), Хремил («Богатство»). Именно его глазами смотрел драматург на афинскую демократию и оценивал ее с точки зрения его интересов.

Выражая идеи и идеалы афинской демократии, поэт вместе с тем отражает в своем творчестве и все ее противоречия. Он, например, оправдывает эксплуатацию не только рабов, но и так называемых «союзников» (зависимых от Афин государств).

Идеалы Аристофана обращены к прошлому. Они принадлежат цветущей «эпохе Перикла», когда афинская демократия опиралась в основном на свободный труд ремесленников и земледельцев. Аристофан ценил свободный труд и считал его главным источником создания не только материальных, но и духовных ценностей. Не понимая исторических причин обнищания ремесленников и мелких земледельцев и в то же время воспринимая пауперизацию афинского демоса как большое общественное зло, Аристофан мечтал о возвращении вспять.

Аристофан умел ненавидеть. И ничто на свете он не ненавидел так сильно и так страстно, как войну. С болью и гневом писал он о слезах жен и матерей, о разоренных виноградниках, о тупом самодовольстве хвастливых, но трусоватых солдафонов.

«Идея утверждения мира,— писал Генрих Гейне о комедиях Аристофана,— вырастает из них как фантастическое дерево, украшенное цветущими мыслями и гнездами поющих соловьев». Аристофан не пацифист. Он прославляет воинскую доблесть и мужество, проявленные греческим народом в национально-освободительной борьбе против персидской деспотии, но он гневно клеймит Пелопоннесскую войну, ибо считает ее войной междоусобной и несправедливой. Об этом говорит в «Ахарнянах» «справедливый гражданин» Дикеополь.

Дикеополь, отчаявшись провести мирный договор через афинское народное собрание, самолично заключает мир со Спартой. За это его как изменника и предателя преследуют афинские крестьяне-ахарняне. Оправдываясь перед ними, Дикеополь говорит, что он так же, как и они, ненавидит спартанцев за разрушенные усадьбы и потоптанные виноградники, но он не считает, что в войне виноваты одни спартанцы. В конце концов ахарняне соглашаются с ним, и все вместе поют песню, в которой славят мир и проклинают войну:

Нет, уж больше двери дома не
открою я Войне...
Только в дом ее пусти,
В дом обильный и счастливый,
все вверх дном перевернет.
Крыши рубит, стены губит,
колет, режет, валит, бьет.
Подойдешь к ней с добрым
словом, скажешь ласково:
«Уймись,
С нами ляг, вина отведай,
чашей мирной усладись!»
Где там! — Вдвое лишь бушует,
наши нивы жжет огнем,
Наши грозди выжимает, топчет,
давит виноград.

В комедии, которую Аристофан так и назвал «Мир», он в художественно смелой и очень яркой форме развивает чрезвычайно прогрессивную — и не только для своего времени — мысль. Главный герой комедии, афинский виноградарь Тригей, обращается к измученным войной народам всех государств Греции с призывом соединить свои усилия и, вырвав мир — прекрасную Тишину — из цепей братоубийственного раздора, вернуть его на землю:

Теперь настало время, братья
эллины,
Оставив распри, позабыв
усобицы,
На волю вывесть Тишину
любимую...
Эй, пахари, торговцы, люд
ремесленный!
Эй, рукоделы, поселенцы,
пришлые,
И вы, островитяне, весь народ
сходись!

Комедия кончается грандиозным празднеством. Народ во главе с Тригеем ликует, поет и пляшет: мир вернулся на землю, люди могут вернуться к труду. Недовольны только политиканы и оружейники. Но с ними никто не считается. Тригей весело предлагает оружейникам продавать шлемы в качестве... ночных горшков.

Такой же идеей объединения всех сил народа для достижения мира пронизана комедия «Лисистрата». Главные противники войны здесь — женщины Эллады. Героиня комедии Лисистрата говорит:

Знай, для женщин война — это
слезы вдвойне!
Для того ль сыновей мы
рожаем,
Чтоб на бой и на смерть
провожать сыновей?

Написанная в духе фарса, «Лисистрата» содержит очень глубокие, серьезные и подлинно вечные гуманистические мысли о мире и о том горе и страдании, которые несет человечеству война. Не случайно известный современный борец за мир, общественная деятельница Бельгии Изабелла Блюм, выступая на торжественном акте вручения ей международной Сталинской премии, процитировала монолог Лисистраты:

Если пряжа затянется в узел
у нас и комками собьется на
прялке,
Подхвативши ее, мы распутаем
нить, потянув и сюда и отсюда,
И войну точно так же распутаем
мы, если вы нам распутать дадите,
Заключим договор,
полномочных послов мы пошлем
и сюда и отсюда.

Когда читаешь и перечитываешь Аристофана, иногда начинает казаться, что перед тобой современный поэт. Около 385 года до нашей эры умер Аристофан — сын Филиппа из дема Кидафиней, но Аристофан — гуманист, демократ, великий художник — живет до сих пор. Он бессмертен, как бессмертен народ, давший ему великую творческую силу.

Р. ХЛОДОВСКИЙ

Тонкие оболочки

В. ПЕКЕЛИС

Скорый поезд Москва — Ереван шел по узкому длинному мосту, переброшенному через глубокое ущелье. Внизу оглушительно ревел бурный, пенистый Памбак. Удивительно легкий, изящный мост, стальной мост, перекинутый между скалами, гудел под колесами поезда.

— Посмотреть, не мост, а перышко,— заметил мой сосед,— хотя выдерживает громадные нагрузки.

— Молодцы строители! — ответил я.

— Строители-то молодцы,— согласился собеседник,— но славу нужно воздать и ученым: математикам и механикам. Они тысячи «мостов» построили из формул и уравнений, чтобы этот, настоящий, не рухнул.

Вот, посмотрите, обыкновенная полоска трехслойной фанерки.— Он взял и положил полоску на две спичечные коробки.— Это мост без математики — гнется под небольшим усилием. А теперь построим мост с математикой.

Мой спутник расщепил ножом полоску на три слоя, приклеил каждый из них к коробкам, собрав подобие фермы, похожей на этажерку из трех полочек.

Новый мостик гораздо туже поддавался прогибу.

Дело в том, что перед нами теперь конструкция моста особого рода — это так называемая тонкая коробчатая оболочка. В такой конструкции по известному закону сопротивления материалов каждый из трех слоев ведет себя по-разному. Средний — прогибается так же, как в старом мостике. Верхний — и прогибается и сжимается: становится короче среднего. Нижний, наоборот, растягивается: становится длиннее среднего.

Связанные воедино, все элементы такого моста оказывают большое сопротивление прилагаемому усилию. Вот почему мостик и стал прочнее.

Долго продолжался наш разговор. Закончив его, собеседник протянул листок с аккуратно выписанными названиями книг.

— Если хотите подробнее ознакомиться с тонкими оболочками, почитайте!

...Передо мной три объемистые книги члена-корреспондента Академии наук СССР профессора Василия Захаровича Власова.

Малопонятные, специальные научные названия. Цифры, условные значки, длинные ряды формул и сложнейших уравнений — пестрый хоровод математических групп, и очень мало слов. Здесь полное царство высшей математики.

Не специалист не прочитает таких книг, но перед инженером, знающим теоретическую механику, эти работы открывают удивительные законы природы, поставленные советскими учеными на службу человеку.

Где тонко, там не рвется

Старая поговорка гласит: где тонко, там и рвется. Но, оказывается, в природе известно множество примеров, утверждающих, что не всегда бывает так.

Вот мыльный пузырь. Казалось бы, очень непрочное «создание». Говорят: «Лопнул, как мыльный пузырь». Но попробуйте назвать какой-либо другой подобный сосуд из жидкости, который мог бы удерживать в себе сравнительно большой объем воздуха! Ведь мыльный пузырь представляет собой всего-навсего оболочку из раствора, обтянутую как с внутренней, так и с внешней стороны тончайшей мыльной пленкой. Благодаря ей он и сохраняет так хорошо свою форму.

Знаменитый русский физик Н. А. Умов показывал студентам на лекциях такой опыт. Он брал лист писчей бумаги и клал его концами на подставки. Бумага не выдерживала собственной тяжести (трех граммов) и прогибалась. Тогда из этого же листа Умов склеивал трубку. Она не только не прогибалась, но и выдерживала еще дополнительный груз в 100 граммов.

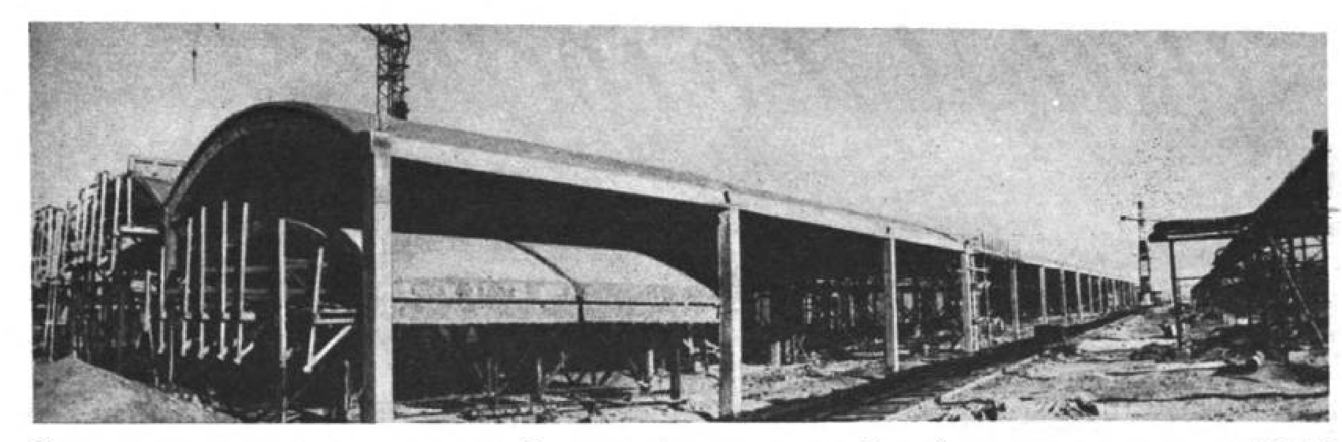
Если такую трубку разрезать вдоль, то каждая часть ее, называемая в технике тонкостенной пространственной оболочкой, также выдерживает нагрузку, бóльшую, чем распрямленные бумажные листки.

Замечательный пример использования трубы — тонкостенной пространственной оболочки — представляет собой стрела мощного шагающего экскаватора. Мало кто знает, сколько упорного труда затратили советские конструкторы на поиски наиболее удачной формы «гигантской руки», которая переносит на полтораста метров стальной ковш с грузом в полтора десятка тонн.

Такая стрела должна быть и прочной, и легкой, и гибкой, и маневренной, и простой. Ее сделали из тонкостенной трубы.

Тонкую цилиндрическую оболочку еще можно разогнуть, развернуть на плоскости. Но попробуйте то же сделать с тонкой оболочкой — полусферой. Возьмите, например, корку апельсина или часть резинового мяча. Их невозможно развернуть без того, чтобы не разорвать. Вот почему в строительной технике часто прибегают к самым различным формам оболочек.

На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке возвышается

Из таких тонких цилиндрических железобетонных оболочек всего за 58 дней создано покрытие для одного из фабричных корпусов. Площадь корпуса — 7,5 тысячи квадратных метров, почти такая, как футбольного поля московского стадиона «Динамо».

здание Павильона механизации и электрификации сельского хозяйства. При первом же взгляде на него поражает необычайная легкость колоссального сооружения. Оно состоит как бы из двух частей. Передняя — большой эллинг, и задняя — высокий купол. В этой постройке сочетаются две очень распространенные тонкие оболочки — цилиндрическая и сферическая.

Дома и мачты, элеваторы и доменные печи, трубопроводы и суда, мосты и самолеты — все они имеют тонкостенные оболочки, позволяющие создавать прочные и легкие сооружения.

Содружество элементов

В строительной механике под оболочками понимают не только выпуклые поверхности, как считают в обиходе. Природа и многолетний опыт людей создали разнообразные типы очень прочных оболочек.

Вот пчелиные соты — тонкие, ажурные, легкие и прочные, хотя затрачено на них минимальное количество материала.

Или старинный русский сундук. В чем загадка его прочности? Крышка хорошего, крепкого сундука сделана обязательно выпуклой. Поверхность ее имеет кривизну как по длине, так и по ширине. Боковые выступы остова прочно обхватываются крышкой; закрытый сундук такого типа вряд ли разобьется, даже если сбросить его с высоты.

Любой дом отдаленно как бы напоминает такой сундук или набор сундуков: в нем есть боковые стены, а крышка и днище — это перекрытия. Соединенные воедино, все они образуют оболочку.

Раньше всевозможные оболочки для простоты условно принимали как сочетание плоских элементов, и каждый из них рассчитывали самостоятельно. Думали, например, что фундамент здания, стены и перекрытия несут нагрузку сами по себе, независимо друг от друга. Такие проектировщики сооружений действовали, подобно плохому шахматисту, который пытается защитить коня, ферзя и ладью — каждую фигуру в отдельности, не учитывая возможности их взаимодействия.

В действительности расчеты и опыты показали, что все элементы сооружения взаимодействуют друг с другом. Профессор В. З. Власов, обратившись к работам великого русского математика Н. И. Лобачевского, впервые применил ряд его положений к строительной механике и теоретически обосновал принцип связи между отдельными звеньями в сооружениях. Подводя под это положение солидную математическую базу, он создал «Общую теорию оболочек» и «Строительную механику тонкостенных пространственных систем».

Оболочка многоэтажного здания

У высоких зданий колонны каркаса, междуэтажные перекрытия и стены вместе образуют коробчатые оболочки. Многие инженеры — строители небоскребов не учитывали раньше совместную работу всех этих элементов. Они их расчленяли, считая, например, что каркас — часть, выдерживающая нагрузку, а стены — только балласт, сама нагрузка.

Работы В. З. Власова позволяют строителям советских многоэтажных зданий рассчитывать не только сопротивление каркаса различным нагрузкам, но и стен, перекрытий и других частей дома.

Насколько это важно, указывает такой пример.

Многоэтажный дом должен воспринимать громадную вертикальную нагрузку (собственный вес, вес оборудования и людей) и противостоять значительному воздействию ветра. Поэтому такие здания снизу доверху связываются тонкостенной пространственной оболочкой, состоящей из намертво соединенных колонн каркаса и междуэтажных перекрытий. Такая оболочка и придает ту самую прочность и стойкость, которые столь необходимы зданию.

Дворец культуры и науки в Варшаве имеет оболочку высотой в 115 метров. Для того, чтобы всесторонне испытать ее, была построена модель оболочки в одну двенадцатую натуральной величины (высота ее достигла 10 метров). Модель нагрузили почти 32 тоннами, и она с честью выдержала испытания, показав, что расчеты, произведенные на основе работ В. З. Власова, правильны. Дворец будет прочным сооружением.

Фабрики, склады, парники

Дом за полчаса! Фантазия? Нет. Действительность недалеко ушла от этого. Каждый час с конвейеров завода сборного железобетона, что в Вязовке под Москвой, при работе его на полную мощность будут сходить шесть панелей перекрытия площадью в 140 квадратных метров, шесть «двухэтажных» колонн, четыре ригеля, два лестничных марша, две лестничные площадки и четыре стеновые панели. Из всего этого можно полностью собрать три двухкомнатные квартиры.

Подсчитано, что в последние годы в нашей стране строится в минуту 50 квадратных метров жилой площади. Можно себе представить, сколько квартир будет сдаваться ежеминутно, когда вступят в действие свыше четырехсот заводов сборного железобетона!

Из сборных железобетонных панелей можно легко и быстро собирать всевозможные оболочки зданий и сооружений. Ученые и инженеры на основе работ В. З. Власова сумели разработать оригинальные конструкции таких построек. Большая заслуга здесь принадлежит коллективам Центрального научно-исследовательского института промышленных сооружений и Гипролегпрома.

Из тонких сводов-оболочек площадью почти в 100 квадратных метров каждая построена Тбилисская камвольно-суконная фабрика. Площадь ее производственного корпуса достигает 4 квадратных километров. В Минске из очень тонких сводов-оболочек двоякой кривизны возвели здание камвольного комбината. Оно занимает участок в 6 гектаров.

«Тонкость» покрытий подобных сооружений поразительна. Она не превышает 5 сантиметров — высоты 17 строк читаемого вами текста! При этом сокращается расход металла против обычных плоских металлических конструкций в два с половиной раза.

Интересен проект зданий сборных складов зерна. Длинное помещение, похожее на разрезанную вдоль громадную трубу, монтируют из отдельных плит. Их укладывают на сборный каркас, как черепицу. Со сказочной быстротой растет такое чешуйчатое покрытие склада.

Уже строятся из тонких железобетонных оболочек десятиметровые силосные ямы, сборные парники, гигантские дошники — емкости для закваски капусты.

«Завтра» строительной науки

Василия Захаровича Власова мы застали в его кабинете у счетной машины. На столе лежали листы бумаги, испещренные цифрами. Тут же стояли модели всевозможных оболочек.

Приветливо улыбаясь, он развернул перед нами небольшую рукопись.

— Чем точнее ученые будут учитывать работу всей конструкции, тем легче станут сооружения, тем лучше, экономичнее и быстрее их будут строить — вот основное направление для строительной механики,— говорит он.— Тонкие оболочки требуют и тонкого математического анализа, а у нас иногда недооценивают его, забывают, что не может быть математики как науки для науки. Математика служит для развития прикладных наук, и задача теоретиков строительного дела — заполучить все сокровища, скрытые в ее недрах.

Ученый с радостью говорит о том, что близится время сооружения новых больших перекрытий-оболочек. «Любые площади любой величины!» — таков лозунг проектировщиков. И крытые стадионы, и сады-павильоны, и оранжереи, и даже большие арктические теплицы при минимальной затрате материалов — теперь это не беспочвенная мечта.

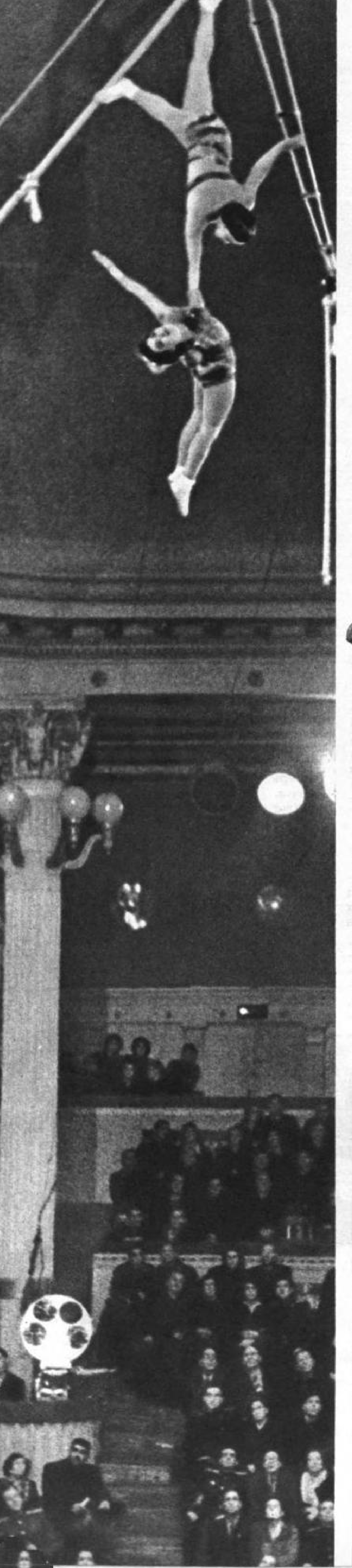
Уже сейчас практически решаются проблемы индустриального сборного строительства плотин, электростанций. В будущем многие реки перекроются громадными пустотелыми плотинами — тоннелями, собранными из гигантских ребристых блоков-коробок. Это, как показывают исследования, позволяет сэкономить до трети бетона и металла на этих сооружениях. В плотинах установят гидроагрегаты, а рядом сквозь тело плотины, как в метро, пройдут электропоезда.

Член-корреспондент Академии наук СССР профессор В. З. Власов.
Фото С. Фридлянда.

Цирк молодых

Более пятисот артистов приняли участие в 1954 году в смотре новых номеров и аттракционов цирка. Выступления происходили на аренах двадцати цирков страны. Это было своеобразное творческое соревнование гимнастов, акробатов, дрессировщиков, клоунов, жонглеров, эквилибристов, наездников. В заключение проведенного смотра были отобраны лучшие исполнители для выступлений в Москве.

Воздушные гимнасты на бамбуке А. Беркис и Е. Чивела.

Утром за кулисами Московского цирка можно увидеть много интересного. Шестеро медвежат — «Малыш», «Чалик», «Кокошка», «Дэзи», «Кнопка», «Мирочка» — долго засиживаются за утренним завтраком: лакомки съедают 10 килограммов моркови, ягод и фруктов. Вечером медвежата получают хлеб с рыбьим жиром, кашу с сахаром. Идет кормежка четырех львов Тамары Буслаевой — «Амура», «Салюта», «Цезаря», «Байкала».

Львы, медведи, лошади, верблюды, пони, ослы, зебры, обезьяны, куницы, собаки, козы, зайцы, голуби... Все они представлены в новой программе Московского цирка. На арене встретились укротители львов Тамара и Александр Буслаевы, Эльвина Подчерникова (Эльворти), работающая с шестеркой медвежат, дрессировщик лошадей А. Калганов, Тереза и Анатолий Дуровы, показывающие группу животных.

Клоунада.
К. Берман на манеже.

Александр Буслаев — в прошлом отличный спортсмен. Еще в 1927 году он в составе советской футбольной команды горняков выезжал за границу на спортивные состязания. В Германии он посетил цирки Берлина и Гамбурга, и это решило судьбу молодого человека. Он твердо решил стать артистом цирка, создать новые аттракционы, которые превзошли бы заграничные. Александр Буслаев добился этого. И сегодня на манеже Московского цирка мы видим оригинальный и сложный аттракцион, который исполняет А. Буслаев — «Лев на мотоцикле».

Виртуозно и изящно работают воздушные гимнасты Анна и Александр Ржецкие, создавшие новый номер под куполом цирка на вращающемся шаре, воздушные гимнастки А. Беркис и Е. Чивела, показывающие высокое искусство воздушной акробатики на бамбуке.

Достойное место в этом цирковом представлении нашла и клоунада. Талантливый артист Константин Берман на этот раз выступает в содружестве с клоунской группой в составе А. Аронова, В. Байдина, Л. Михайлова и В. Успенского. Исполняемые артистами веселые сатирические номера—«Музыкальная клоунада», сценки «Гарнитур», «Мыльный пузырь» — остро бичуют бюрократов и бракоделов, высмеивают чрезмерное увлечение западными танцами.

В смотре новых номеров и аттракционов в советском цирке заметно отличается молодежь. Для нас, артистов старшего поколения, особенно отрадны ее успехи. На столичной арене впервые выступают партерные акробаты В. Воробьева и Е. Иванов, И. Васильев, С. Османова и Р. Федюнькина, танцовщица на проволоке Н. Логачева — воспитанники Государственного училища циркового искусства.

Комсомолка Тамара Буслаева так же, как и Э. Подчерникова, впервые выступает в Московском цирке. Четыре года она с помощью Александра Буслаева овладевала трудным искусством дрессировки львов, сразу начав работать со взрослыми зверями. Молодая артистка держится на манеже смело и уверенно, ее львы легко и свободно исполняют различные упражнения.

Казалось бы, что нового можно изобрести в таком популярном и старинном цирковом жанре, как жонглирование? Однако молодой жонглер и одновременно танцовщица Нази Ширай вызывает восхищение и зрителей и товарищей по искусству. Непринужденно и легко жонглирует она четырьмя платками, семью шариками, восемью кольцами, шестью бубнами.

Успеху интересной программы «Новое в цирке» способствовали ее режиссеры — А. Арнольд и М. Местечкин и художник А. Судакевич, с большим вкусом поставившие и оформившие представление.

Э. КИО,
заслуженный артист РСФСР.

Фото Л. БАБУШКИНА.

Жонглер Нази Ширай.

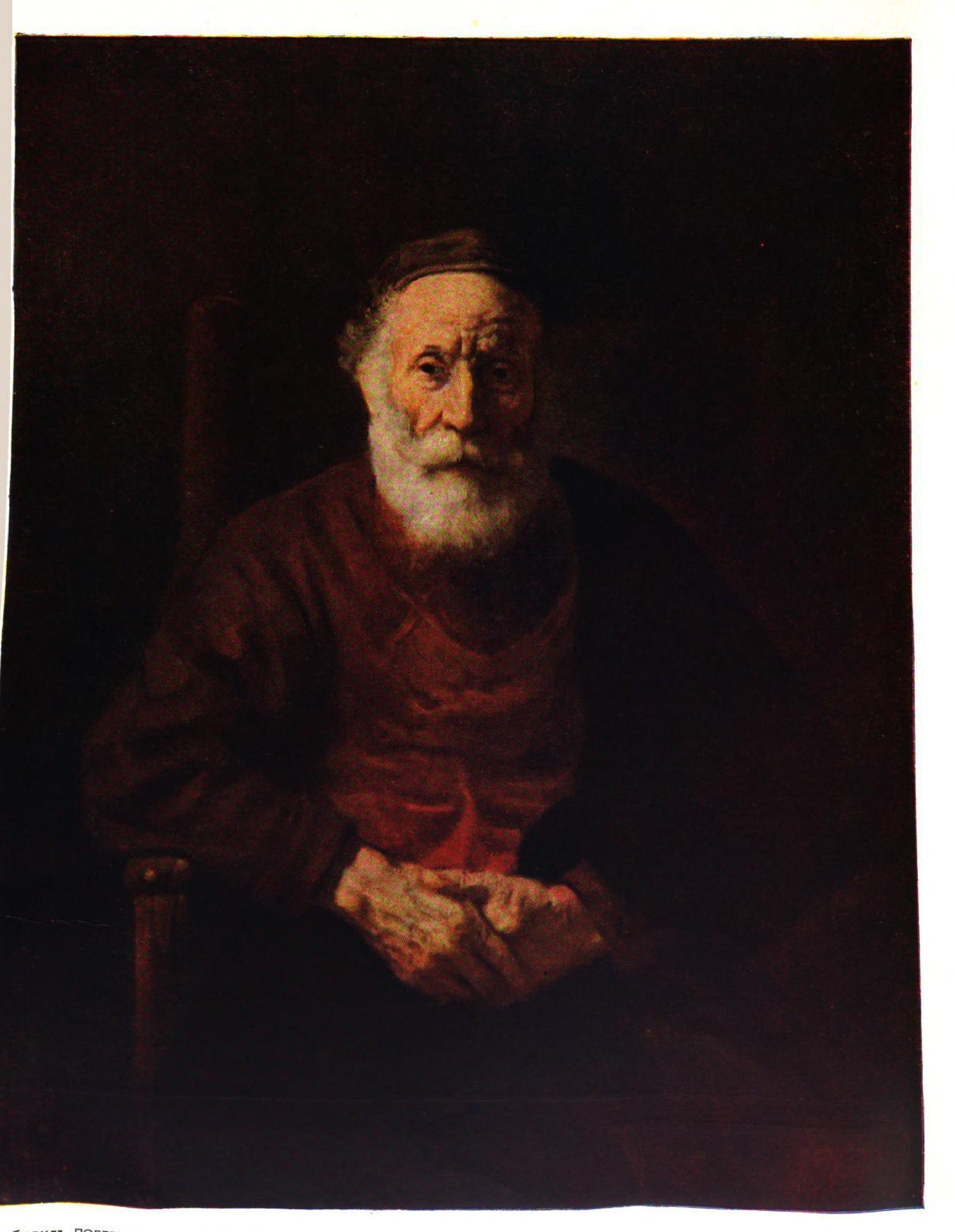

Тамара Буслаева с одним из львов.

Рембрандт. ПОРТРЕТ ЖЕНЫ БРАТА. 1654 год.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина

мбрандт. ПОРТРЕТ СТАРИКА В КРАСНОМ. 1654 год. Государственный Эрмитаж.

ПЕСНЯ ВЕЛИКИХ РЕК

На заседании Всемирного конгресса профсоюзов в Вене.

В. ОСЕНИН

Этот необычный документальный фильм выпущен по инициативе Всемирной федерации профсоюзов. Его место действия — все пять частей света, его герой — все трудовое человечество.

«Песня великих рек» — вдохновенная поэма о людях, чьими руками — белыми, желтыми, черными — вызваны к жизни все богатства земли, это песня человеку труда, создавшему цивилизацию на берегах Миссисипи, Амазонки, Нила, Ганга, Янцзы и Волги.

Всюду, куда бы ни привел нас фильм, не умолкает над просторами величайших рек мира трудовая песня народа.

Но почему она привольна и радостна на одних реках и так гневна и печальна на других? Режиссер Йорис Ивенс, построив кинокартину на стремительных контрастах, создал кинодокумент огромной силы, выразительности и эмоциональности — документ, воспевающий новый мир раскрепощенного труда и обличающий хищный мир современного капитализма.

Порой трудно поверить, что, перенесясь с Волги на Амазонку, с Янцзы на Миссисипи и Нил, мы совершаем путешествие только в пространстве, а не во времени. И кажется, что ты совершаешь путешествие вглубь веков, когда видишь на экране людей, которые... ведут пещерный образ жизни и добывают огонь точно так же, как это делали их предки тысячи лет назад.

Мы видим белого надсмотрщика, безнаказанно избивающего рабочих на плантациях Черной Африки, ребят, лишенных детства, истощенных непосильным трудом. А вот на экране старуха. Сияли ли когда-нибудь счастьем ее глубоко ввалившиеся глаза? Эту женщину состарили горе и труд, а ведь ей не больше тридцати лет...

Кинообъектив приводит нас в жилище, куда не проникает солнечный свет, где люди спят вповалку рядом со скотом.

Но люди двадцатого века не хотят мириться с положением рабов и не мирятся. На всех континентах все выше поднимается волна национально-освободительного движения, ширится борьба рабочего класса за единство действий, за свои права.

Стержневой осью фильма «Песня великих рек» является третий Всемирный конгресс профсоюзов, который состоялся в Вене в октябре прошлого года. На этом конгрессе, ставшем исторической вехой в развитии международного рабочего движения, были представлены 88 миллионов трудящихся 79 стран.

В зале конгресса и в его кулуарах мы видим англичанина Джека Лайдена, представителя французских докеров Одье, профсоюзного работника Крария с парижского завода Рено, Кади — рудокопа из Северной Африки, польского каменщика Круля, немецкого забойщика Цаха.

С ними и многими другими делегатами конгресса зритель познакомился задолго до его открытия, на их родине — в Ливерпуле, Гавре, Варшаве, Гамбурге, в городах и поселках Алжира, Индии, Австралии, Италии, Германской Демократической Республики — всюду, где побывали кинооператоры этого замечательного фильма. Они запечатлели на пленке рабочие массы, горячо откликнувшиеся на призыв Всемирной федерации профсоюзов о созыве конгресса.

Съемки фильма производились одновременно в тридцати странах. Во многих местах они осуществлялись тайком, под угрозой жестокой полицейской расправы. В Берлин, в киностудию Германской Демократической Республики ДЕФА, где шла работа над фильмом, с разных концов мира поступали от операторов репортажи о жизни трудящихся и их борьбе за хлеб, за счастье и мир. Почти сто километров пленки было заснято в сложнейших условиях. Наряду со специальной съемкой в фильме использованы уникальные кадры, хранящиеся в кинолетописях многих стран.

В результате этой огромной коллективной работы прогрессивных кинoработников мира был создан фильм, показывающий гигантский размах международного рабочего движения.

Кинооператоры последовали за делегатами Всемирного конгресса профсоюзов и после того, как он закончил свою работу. Они проследили их дальнейший путь и вместе с ними путь миллионов тружеников, пославших на конгресс своих представителей.

На экране меняются пейзажи, и мир предстает во всем своем многообразии, красоте и величии.

Несут свои воды великие реки. Ничто не остановит их. И на берегах этих рек, словно бурное половодье, разлилось могучее, непреоборимое движение современности.

Хозяин этих рек, подлинный властелин земли — народ расправляет свои богатырские плечи. Он все больше и больше сознает, что сила его в сплоченности, в единстве, в борьбе.

Быстро сменяются кадры. Но многие из них надолго останутся в памяти.

Вот полицейские, до крови избивающие демонстрантов за то, что они требуют мира. Но не остановить этим молодчикам с резиновыми дубинками железную поступь людей, познавших правду жизни!

Разве вот этим куклуксклановцам, укрывшим свой звериный лик под белыми капюшонами средневековых инквизиторов, уйти от гнева и возмездия? Нет!

Зловещий гигантский гриб возникает на месте взрыва атомной бомбы. Но и она не испугает поборников мира!

Мы видим: новые миллионы людей встают в ряды борцов против поджигателей войны.

Впервые в истории кино засняты кадры, рассказывающие о деятельности профсоюзных организаций во Французской Экваториальной Африке.

* * *

Имя голландского кинорежиссера-документалиста и оператора Йориса Ивенса знакомо миллионам зрителей в разных частях света. За двадцать пять лет своей деятельности неутомимый кинохроникер много путешествовал. Его можно было увидеть и на стройках Варшавы, и у докеров Франции, и в толпе безработных Бельгии — везде, в самой гуще жизни.

Так родились незабываемые репортажи о бельгийских шахтерах, о строительстве дамбы в заливе Зейдер-Зе («Новая земля»), о солидарности трудящихся тихоокеанских портов с молодой Индонезийской республикой («Индонезия зовет!»).

В 1937 году Ивенс запечатлел на пленке суровые, полные муже-

Кадр из фильма — заседание профсоюзного бюро в одной из стран Экваториальной Африки.

ства и героизма эпизоды борьбы испанского народа против фашизма. Спустя два года он создает фильм «Четыреста миллионов», обличающий японских империалистов, вторгшихся в Китай. «Наш русский фронт» — так называется следующий фильм, смонтированный в 1941 году Ивенсом из материалов советской кинохроники.

С героями этого фильма — советскими людьми — Ивенс познакомился уже давно, еще в годы первой пятилетки, когда он в содружестве с нашими советскими кинооператорами снимал фильм-повесть о строителях Магнитогорска («Песнь о героях»).

— Впервые, — вспоминает Ивенс, — мне довелось тогда рассказывать не о горе и муках простых людей, а о радости созидания, о счастье раскрепощенного труда.

С годами оттачивается и совершенствуется талант художника. Все сильнее звучит голос прогрессивного общественного деятеля. С большой публицистической страстностью зовет он сейчас в своих картинах к борьбе против угрозы третьей мировой войны.

«Мы за мир» — эта цветная кинокартина о третьем Всемирном фестивале молодежи была создана Йорисом Ивенсом вместе с советским кинорежиссером И. Пырьевым.

Теперь мы познакомились с новой работой Йориса Ивенса. Впервые показанный на международном кинофестивале 1954 года в Карловых Варах фильм «Песня великих рек» получил «Премию борьбы за лучший мир».

Взволнованности повествования фильма в большой степени способствует музыка Дмитрия Шостаковича, написавшего также музыку песни о шести реках на слова немецкого поэта Бертольда Брехта и кантату на слова Семена Кирсанова.

Музыка Шостаковича, органически сливаясь с кинопоэмой Ивенса, создает цельное и яркое произведение искусства.

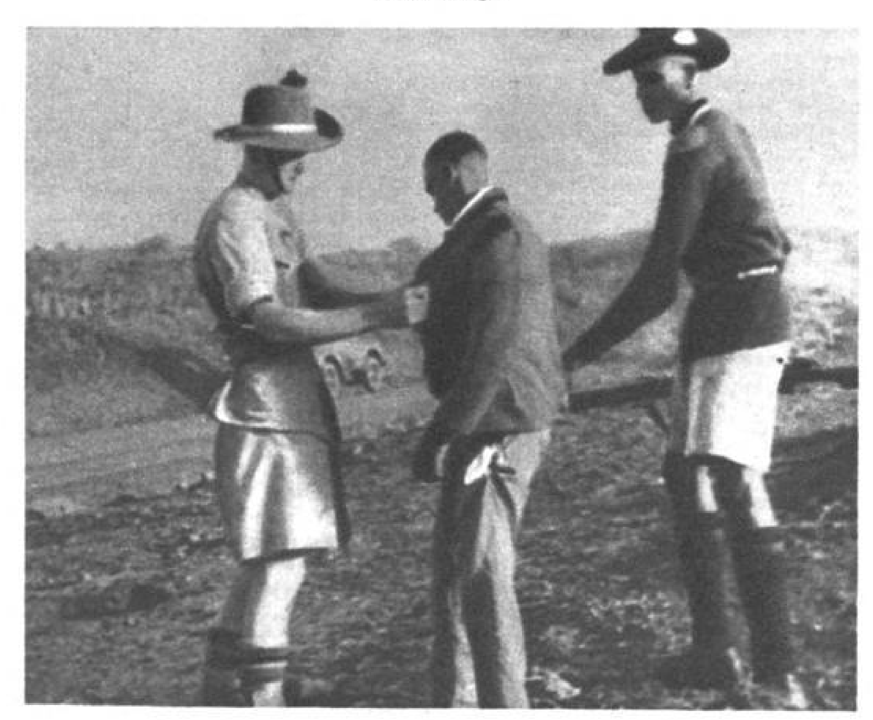
Русский вариант фильма осуществлен под руководством Йориса Ивенса в Москве, в Центральной студии документальных фильмов. Этот вариант режиссером несколько сокращен за счет кадров, показывающих условия жизни и труда советских рабочих и деятельности советских профсоюзов, хорошо известных нашему зрителю.

Дикторский текст русского варианта написан Борисом Полевым и Юрием Каравкиным.

Новый фильм выпускается на немецком, французском, английском, испанском, чешском, китайском и арабском языках и, кроме того, будет выпущен с сопроводительными надписями на двадцати других языках.

Товарищ Одье, один из активных профсоюзных деятелей Франции, пришел в порт.

На берегах Нила. Английские солдаты обыскивают египтянина.

НА ПО

Анатолий **БОГДАНОВ**,
заслуженный мастер спорта

Фото автора.

После заправки на одном из островов Зеленого Мыса, у африканского побережья, самолет авиакомпании «Летучий голландец» делает гигантский прыжок через океан и опускает нас в далекой латиноамериканской стране Венесуэле. Мы прибыли сюда для участия в розыгрыше мирового первенства по стрелковому спорту.

Стоит непривычная для начала ноября жара градусов под тридцать; по венесуэльским понятиям, это еще довольно прохладная погода. Лишь недавно закончился период дождей, в какой-то степени заменяющий тут зиму.

Нас встречают представители комитета по проведению соревнований, репортеры и... полиция. Отчаянно гудя сиренами, моторизированный полицейский отряд сопровождает автобусы с советской командой в Каракас — столицу Венесуэлы.

Мы остановились в гостинице, где уже разместилась делегация Кубы. В чемпионате будут участвовать спортсмены 32 стран. Соревнования проводятся на полигоне «Конехо бланко», что означает в переводе «Белый кролик».

Тут уже идут тренировки, но наше оружие задержано таможней. Возвращение винтовок и пистолетов откладывается под всевозможными предлогами. Пока идут переговоры с таможней, мы знакомимся с Каракасом. По широкому и нарядному проспекту Боливара текут потоки смуглолицых пешеходов.

7 ноября, когда в Москве порхали первые снежинки, мы купались в теплом, прозрачном и необычайно соленом Караибском море. Далеко заплывать нам не советовали: за ближайшей песчаной косой купальщиков подстерегают акулы.

Наконец нам вернули оружие, и советские спортсмены смогли начать тренировки на полигоне «Конехо бланко». Находится он за городом, в живописной лощине, и лишь недавно переоборудован одной иностранной фирмой.

Флаг мирового чемпионата был поднят 14 ноября. Торжественный церемониал закончился первым выстрелом, сделанным президентом Венесуэлы полковником Хименесом. Но этот выстрел можно назвать первым только условно. Классификационные соревнования начались еще накануне.

Классификационные стрельбы в Каракасе не являлись отборочными. Цель их совсем иная, чисто

Чемпион мира В. Борисов.

коммерческая. Право на выступление покупается за деньги. Только тот, кто вносил определенную сумму, допускался на линию огня.

Спортсмену достаточно выполнить довольно низкие классификационные нормы для того, чтобы получить золотые, серебряные или бронзовые медали, вернее, жетоны с надписью «Мастер». Это своего рода «утешительная» награда для стрелков, не рассчитывающих занять призовые места в основных соревнованиях. Мы же рассматривали свое участие в классификационных стрельбах как дополнительные тренировки.

ЛИГОНЕ „БЕЛЫЙ КРОЛИК“

Участники соревнований выстроились перед главным павильоном полигона.

Первенство мира началось с «английского матча».

В этом стрелковом упражнении у советских спортсменов еще мало опыта. Но ничего, будем стрелять!

Мишени ставятся на расстоянии 50, а затем 100 метров. На каждой дистанции надо выпустить из малокалиберных винтовок любой системы по 30 пуль лежа.

Защелкали выстрелы... В лощине гуляет порывистый ветер, мешая точно прицеливаться. Первые попадания не особенно удачны.

Судьбу первенства в «английском матче» решили только последние выстрелы. Победила команда США. Отстав лишь на очко, шведы заняли второе место. Команда СССР в составе Б. Переберина, М. Иткиса, В. Борисова и А. Богданова оказалась на третьем месте.

Старт был не очень удачным, но мы не унывали. Свое мастерство советские стрелки готовились показать в одном из главных упражнений мирового чемпионата — в стрельбе из малокалиберной винтовки, из трех положений: стоя, с колена и лежа.

Начинаем огонь лежа. Попрежнему мешает ветерок... Стрелок еще может прикрыться от ветра переносным щитом, но как прикроешь пулю? Целясь, все время приходится вносить поправки на ветер. Наши основные противники — шведы, финны, норвежцы, представители США. Когда все команды сделали по 40 выстрелов, оказалось, что впереди команда Швеции. Стрелки Норвегии и СССР заняли второе и третье места, отстав всего на два очка.

Еще более плотными были результаты у претендентов на личное первенство, которое разыгрывается одновременно с командным. По предварительным данным, американец Вестергардт выбил 400 очков из 400 возможных, повторив мировой рекорд советского стрелка Б. Андреева, установленный два года назад. На очко меньше имели четыре спортсмена — Борисов (СССР), Аас (Норвегия), Квиссберг (Швеция), Илонен (Финляндия).

Представителя США уже поздравляли с победой, но, как выяснилось, это было преждевременно. Дело в том, что три лучших результата подвергаются тщательному повторному контролю, причем мишени зашифровываются: фамилии стрелков, обозначенные на них, заклеиваются плотной бумажной полоской. Тут-то, при повторной проверке, счетная комиссия и установила, что одним из своих выстрелов Вестергардт выбил не десять, а девять очков. Таким образом, по 399 очков оказалось сразу у пяти стрелков. Как же распределить между ними места?

Для этого судьи выясняют, у кого больше «контрольных десяток». Как известно, попадание в центр мишени оценивается десятью очками. Однако цифра «10» обведена в «яблочке» еще и пунктирным кружком. Этот кружок и есть «контрольная десятка». Чаще других попадал прямо в цифру «10» В. Борисов. Он и завоевал первым из советских спортсменов золотую медаль чемпиона мира. На втором месте оказался швед, на третьем норвежец. Предполагаемый же чемпион мира, американец, занял только пятое место.

Но все это мы узнали только на другой день, а пока нужно приступать к стрельбе с колена, добиться первенства, перегнать по общей сумме очков в двух оставшихся упражнениях шведов и норвежцев!

Команда СССР в составе Б. Переберина, М. Иткиса, В. Борисова, А. Богданова и Г. Купко стала чемпионом мира в стрельбе с колена, установив при этом новый мировой рекорд. Личное первенство в этом упражнении удалось завоевать мне, второе место занял В. Борисов.

По общей сумме результатов стрельбы из двух положений наша команда опередила шведов на 13 очков. Однако впереди решающее упражнение — стрельба стоя. Нас еще могут перегнать. И задача перед командой одна: удержать лидерство, несмотря на усталость, зной, духоту.

Советские спортсмены снова на линии огня. Спокойно, методично выпускают они пулю за пулей. Последние десять выстрелов. Ноет плечо, слезятся глаза... Только до этого ли сейчас?

На одной из площадей Каракаса высится монумент «Индия». Миниатюрная его копия является призом Венесуэлы за стрельбу из револьвера. Этот приз завоевала советская команда.

Команда СССР выиграла звание чемпиона мира и в стрельбе стоя. Личное первенство завоевал я.

Еще радостней общий итог стрельбы из малокалиберной винтовки. По сумме очков, выбитых в трех упражнениях, советские стрелки на первом месте. Они значительно превысили мировой рекорд, установленный швейцарцами в 1952 году. Я побил личный мировой рекорд немца Штейгельмана, державшийся 15 лет.

На полигоне «Белый кролик» продолжают греметь выстрелы... И все чаще в голубое небо под-

Победители в стрельбе по мишени «Бегущий олень» советские спортсмены В. Романенко, Д. Бобрун и В. Севрюгин на пьедестале почета.

Стрельбы начались... Навесы и зонтики прикрывают спортсменов от яркого тропического солнца.

нимается алый флаг, возвещая о победах спортсменов Советского Союза.

В соревнования вступили мастера пистолетного выстрела. Идет скоростная стрельба по силуэтным мишеням. В этом упражнении

На куртке стрелка с острова Кубы значки соревнований, в которых он выступал. Многие участники мирового чемпионата имеют большой опыт международных встреч.

обычно побеждали спортсмены США, которым и принадлежали мировые рекорды. Теперь же, в Каракасе, американцы потерпели сокрушительное поражение. Чемпионом мира и обладателем нового мирового рекорда стала советская команда в составе Николая Калиниченко, Олега Жгутова, Виктора Насонова и Евгения Черкасова. Личное первенство завоевал Н. Калиниченко. Он побил мировой рекорд американца Бэннера.

Тут следует остановиться на любопытном эпизоде. Как выяснилось, американские стрелки не привезли с собой переходящий Лионский кубок, полученный ими на соревнованиях 1952 года, полагая, видимо, что снова займут первое место. Но одной лишь уверенности для победы оказалось недостаточно. Американцам придется передать почетный приз его новым владельцам — стрелкам СССР.

...Начинаются стрельбы по мишеням «Бегущий олень». Вступают в состязания наши «оленебойцы», как мы их шутливо называем.

В 100 метрах от линии огня передвигается с помощью специального механизма силуэт оленя с нарисованной на нем мишенью. Он «пробегает» 24 метра за 4 секунды. Цель надо поражать сериями одиночных, а затем двойных выстрелов.

В этих соревнованиях обычно побеждали представители скандинавских стран. У нас стрельба по «Бегущему оленю» стала культивироваться всего два года назад. И все же в Каракасе победили советские спортсмены и в командных и в личных зачетах.

А через день новая сенсация! Команда США потерпела еще одно поражение. В стрельбе из револьвера команда СССР в составе Л. Вайнштейна, К. Мартазова, А. Ясинского и М. Умарова установила новый мировой рекорд.

Всеобщее внимание привлекли стрельбы из крупнокалиберной винтовки произвольного образца по мишени, находящейся в 300 метрах. Это — тоже одно из самых трудных состязаний чемпионата, так называемый «боевой стандарт». Огонь ведется из трех положений. Командное первенство присуждается за лучшую сумму. Не легко здесь добиться победы. Каждому стрелку надо сделать по 120 выстрелов, а винтовка вместе с приспособлениями весит больше 8 килограммов. Шесть с половиной часов продолжается трудная борьба.

...Звучит сирена, призывая стрелков к началу состязаний. Винтовка у стрелков может быть любого образца. Советская команда в составе В. Борисова, М. Иткиса, В. Крышневского, П. Авилова и А. Богданова на линии огня. В руках у нас прославленное тульское оружие.

Первое упражнение — стрельба лежа. На каждый выстрел можно тратить в среднем три минуты, но я стараюсь стрелять быстрей: это экономит силы да и меньше утомляется зрение. Но быстрота, разумеется, не должна мешать точности. Тщательно произвожу прицел, мягко жму на спусковой крючок. Пока все обстоит хорошо! Выбиваю только десятки.

На правом фланге ведет огонь Василий Борисов, замечательный спортсмен, мой хороший товарищ. Но в спорте мы с ним яростные соперники. Вот и здесь, в Каракасе, стреляя из малокалиберной винтовки лежа, Борисов обогнал меня на одно очко. Теперь же, стреляя из боевой винтовки, в положении лежа я обгоняю на два очка Василия. Победа за мной.

Переходим к стрельбе с колена. Опять мешают ветер, жара, но пули советских спортсменов ложатся в центре мишеней. Мы еще больше отрываемся от швейцарцев. Я снова выигрываю звание чемпиона мира.

Последнее упражнение, стрельба стоя, приносит нам сразу три новые крупные победы. Боевой стандарт наш! Команда СССР выиграла общее первенство, опередив в стрельбе из трех положений ближайших соперников — швейцарцев — на сто с лишним очков. Василий Борисов завоевал личное первенство в стрельбе стоя, превысив официальный мировой рекорд. Я добился личного первенства по сумме трех результатов, побив мировой рекорд 17-летней давности.

Советские спортсмены, впервые участвуя в мировом чемпионате, завоевали гораздо больше личных и командных званий чемпионов мира, чем стрелки всех других стран, вместе взятые. Мы установили в ходе соревнований 18 новых мировых рекордов и получили 52 золотые медали. Шесть из семи специальных призов за командные победы в наиболее важных состязаниях — приз Аргентины, приз Швейцарии, Лионский кубок, приз Венесуэлы, приз Хельсинки, приз Кругера — были присуждены команде СССР.

С каждым днем мы чувствовали, как растут симпатии к нам — представителям Советской страны.

Как-то в гостиницу зашел со своей женой венесуэльский спортсмен.

— Синьоры! — сказал он. — Примите от меня в знак уважения и дружбы этот подарок... Я не имею более дорогой вещи...

И он протянул свой призовой кубок, добытый в больших и трудных международных соревнованиях.

— Только, синьоры, — продолжал спортсмен, — очень прошу нигде не называть моей фамилии... Видите ли... словом, у меня могут быть большие неприятности... Вы понимаете?

Мы отлично поняли нашего товарища по спорту.

На одной из улиц Каракаса ко мне подошел украдкой рабочий, крепко пожал руку и сунул на память пластинку с записью венесуэльской народной мелодии. Трогателен такой скромный подарок! Многое говорит он человеческому сердцу!

Однажды, вернувшись со стрельбища, я нашел у себя в номере большой букет роз. На листке бумаги, приколотой к корзине, было написано: «Синьору А. Богданову с пожеланием успехов». Кто был этот неизвестный друг, мне так и не удалось узнать...

В последних числах ноября мы покинули Венесуэлу. Под крылом самолета опять расстилался океан, наша команда возвращалась домой.

С волнением и гордостью думали мы о нашей могучей Родине, об успехах советского спорта.

Из револьвера стреляет чемпион мира Н. Калиниченко.

Никита Фаворский

Н. В. Фаворский.

Летом 1941 года вместе с другими москвичами-добровольцами уходил на фронт талантливый молодой художник, выпускник Московского института изобразительных искусств, Никита Фаворский.

Сын художника В. А. Фаворского, внук скульптора Шервуда — автора памятника Пирогову, внучатый племянник художника В. А. Серова, он вырос в семье, где все жило и дышало искусством.

Его дарования обнаружились в раннем детстве. Совсем мальчиком он уже лепит, режет из дерева, рисует и гравирует. Постепенно крепнет и развивается его сильный и самобытный талант. Учась в институте, горячо влюбленный в искусство, Никита жил широкими общественными интересами.

Дипломной работой Никиты Фаворского были «Иллюстрации к «Капитанской дочке» Пушкина, по поводу которых академик И. Э. Грабарь сказал, что «перед нами особое явление в искусстве». Уже в этой работе художник обнаруживает и глубокое проникновение в существо гениальной повести Пушкина, и мужественное мастерство, и настоящее знание русской природы и русского быта.

Он изучал жизнь не только по книгам или памятникам искусства. Вместе с геологами-разведчиками Фаворский побывал на Дальнем Востоке, рисовал в цехах московского завода «Серп и молот», уезжал в Армению собирать материал для иллюстраций к народному армянскому эпосу.

Его пытливость, как и зрительная память, была поразительна, он любил жизнь во всех ее проявлениях.

Не ограничивая себя ни сюжетами, ни материалами, он гравировал, рисовал, писал фрески, резал из дерева. За свою короткую жизнь Н. Фаворский создал серию скульптур на темы сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина, расписал с группой художников раздвижной портал Центрального театра Советской Армии, написал в одном из санаториев Кисловодска фрески на тему «Времена года», создал иллюстрации к стихам Н. Асеева, к роману Л. Толстого «Анна Каренина», награвировал пейзажи Загорска для путеводителя по его музеям.

Все его композиции подкреплялись кропотливой, повседневной работой с натуры: он рисовал и писал портреты, пейзажи, натюрморты.

Художника волновали сюжеты, связанные с эпическими событиями в истории нашей Родины: Н. Фаворский создает иллюстрации к «Тарасу Бульбе» Гоголя, «Разгрому» Фадеева и к героическому армянскому эпосу «Давид Сасунский».

Художник погиб, когда ему было двадцать шесть лет. Солдатом на фронте он оставался таким же мужественным и правдивым, каким был в искусстве. Вот строки из его последних писем домой: «...страшно не то, что могут убить (хотя и это имеет значение для меня), а то, как сумеешь вести себя в трудных обстоятельствах...» И он вел себя как советский гражданин: он берег честь смолоду, как учила его народная мудрость.

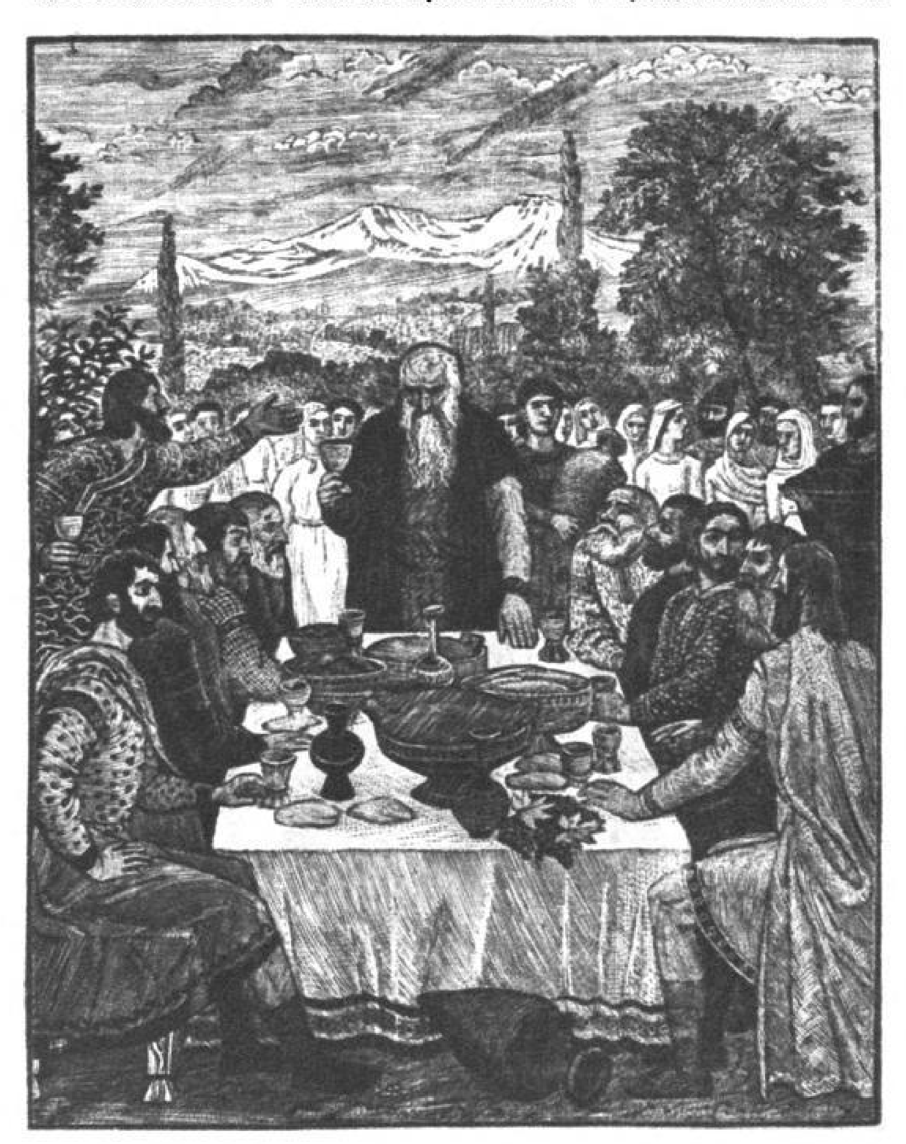
Не так давно в Московском союзе советских художников была развернута выставка работ Никиты Фаворского, еще раз подтвердившая силу его таланта. Произведения, созданные 10—15 лет тому назад совсем юным художником, не потеряли своего обаяния и своей убедительности. Они живут как большое искусство.

А. ГОНЧАРОВ, А. ЛИВАНОВ

ПЕЙЗАЖ. ВЕСНА.

Иллюстрации к повести Пушкина «Капитанская дочка». ↑ →

← Иллюстрация к армянскому народному эпосу.

Зима, зима...

Стихи С. МИХАЛКОВА
и Ю. ЯКОВЛЕВА
Фото В. Кругликова.

Мороз!
Зима пришла на смену
Поре осенней дождевой.
Сугробы соснам по колено,
А елкам — чуть не с головой.

Весь лес в сверкающем
уборе
При свете солнечного дня,
И в поле, будто в белом
море,
Вдали теряется лыжня́.

←
Коль жить не можешь
без катка —
К нему дорога коротка!

Чтоб на коньках кататься
ловко,
Необходима тренировка.
Едва лишь начат путь
спортсмена,
↓ Но сразу видно: это смена!

У этих полярников руки умелые,
Горячий задор и фантазия смелая.
Над снежной палаткою флаг развевается,
«Дрейфующей льдиной» игра называется.

Какие тонкие узоры
Зима выводит поутру!

Два друга, фоторепортеры,
Затвором щелкают в бору.

Когда удачная рыбалка,
И дня воскресного не жалко!

Когда как следует клюет,
Мороз горячий не берет!

Тот может крепко закалиться,
Кто не боится простудиться

И поддержать зимою рад
Московский Хладокомбинат.

Тэд ТИНСЛИ

Рисунки Е. Ведерникова.

— Эльза,— обратился однажды к жене Генрих Фарч, когда они сидели в своей жалкой лачуге в Бонне — столице Западной Германии.— Я только что прочел статью Джека Реймонда, опубликованную в «Нью-Йорк таймс». Она целиком посвящена Западной Германии.

— Что же в ней пишет герр Реймонд? — заинтересовалась Эльза.

— О! Он отмечает, что у нас активный внешнеторговый баланс и устойчивая валюта.

— Ну, а лично у тебя, Генрих, активный внешнеторговый баланс?

— Не знаю,— неуверенно протянул Генрих.—А что это такое, между прочим?

— А много ли у тебя устойчивой валюты?

— Ты же ведь знаешь, что у меня ее вообще нет,— ответил Генрих. —А моего пособия по безработице едва хватило, чтобы уплатить за квартиру.

— Не беда! — радостно воскликнула Эльза. — Зато валюта, которой у тебя нет, действительно устойчива.

— А что говорит герр Реймонд о безработице?

— Он признает, что в Западной Германии имеется один миллион двести пятьдесят тысяч безработных.

— Включая и нас?

— Включая и нас. Кроме того, он пишет, что одна треть безработных существует лишь на пособие.

— Включая и нас?

— Включая и нас. Но это все чепуха! — воскликнул Генрих, вскакивая на ноги в порыве восторженного энтузиазма. — Ведь мы производим пятнадцать миллионов тонн стали в год и более чем четыреста тридцать тысяч тонн угля в день!

— Генрих, — грустно промолвила Эльза,— если ты не достанешь сегодня хоть немного угля, нам придется топить плиту нашим кухонным стулом.

— Западногерманская марка устойчива! — вскричал Генрих, размахивая в воздухе номером «Нью-Йорк таймс», как победным знаменем.

— Генрих, — пробормотала Эльза,— не забудь, что тебе завтра нужно отмечаться в кассе по выдаче пособия.

— Мы получаем кредиты в европейском финансовом сообществе! — продолжал Генрих.

— Если мы во-время не сделаем очередной взнос за электроприборы, герр Дженерал электрик заберет их у нас назад,— сказала Эльза.

— Мы находимся на небывалом подъеме! — самозабвенно продолжал Генрих. — Наши экспортно - импортные операции достигают трехсот миллионов долларов в месяц!

— Генрих, — попыталась остановить его Эльза, — сегодня утром заходил Вернер. Он сказал, что, к сожалению, он не сможет одолжить нам обещанные три марки.

Но Генрих, казалось, забыл обо всем на свете.

— А там,— воскликнул он, решительно протянув руку в направлении Восточной Германии,— активный ли у них внешнеторговый баланс? Устойчива ли валюта? Получают ли они кредиты у европейского финансового сообщества?

И затем, несколько успокоившись, спросил:

— Что сегодня на обед?

— А что говорит о наших обедах герр Реймонд? — полюбопытствовала Эльза.

— Герр Реймонд говорит, что на обед мы едим овсянку, чтобы тем самым сократить потребление хлеба и масла.

— Что же, герр Реймонд прав,— вздохнула Эльза, ставя на стол тарелки и кастрюльку с овсянкой.

В течение некоторого времени супруги молча ели. Затем Эльза подняла свою ложку и, указывая ею на Восток, сказала:

— Между прочим, в Восточной Германии наш обед не годился бы даже на завтрак.

Перевел с английского
Олег БЕНЮХ.

Из американской газеты «Дейли уоркер».

ПАМЯТНИК АДМИРАЛУ М. П. ЛАЗАРЕВУ

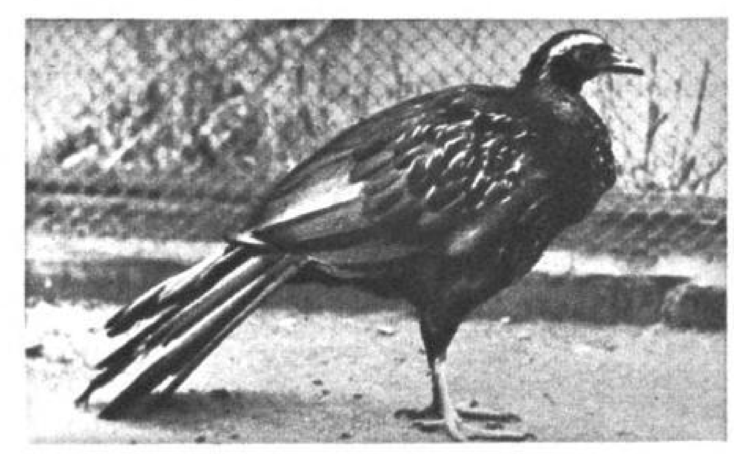
Лазаревское — живописный курорт на берегу Черного моря.

Здесь в прошлом веке, во время борьбы с Шамилем, с кораблей Черноморского флота под руководством адмирала М. П. Лазарева был высажен десант русских войск. Взаимодействуя с кораблями, войска разгромили крупные силы противника и очистили побережье и устье реки Псезуапсе. На берегу затем построили форт, названный именем Лазарева.

Советский народ с любовью хранит память о выдающемся флотоводце, ученом—исследователе Антарктики, адмирале Михаиле Петровиче Лазареве.

В Лазаревском прославленному адмиралу установлен памятник.

Г. КАРАКОЗОВ

Взрослая пенелопа.

Пенелопы

В 1952 году в Московский зоопарк впервые поступили интересные в биологическом отношении птицы из отряда куриных — пенелопы. Они обитают в лесах Центральной и Южной Америки, питаются плодами, ягодами, листьями деревьев. В неволе не размножаются. Взрослые пенелопы несколько меньше наших кур и весят всего около полутора килограммов.

В этом году пара пенелоп в зоопарке отложила три яйца, каждое весом примерно по 100 граммов. Наблюдая за поведением пенелоп, сотрудники секции орнитологии заметили, что птицы, видимо, не собираются высиживать птенцов. Тогда решили яйца пенелоп подложить под паву. После тридцатидневного высиживания она вывела двух маленьких пенелоп. Пава оказалась не только хорошей наседкой, но и заботливой мамашей. Пенелопы быстро росли и развивались. В 10-дневном возрасте птенцы весили по 80—85 граммов. Рацион их такой: куриное яйцо, белый хлеб, салат, свежие фрукты.

Любопытно, что птенцы почти никогда не греются около наседки, а обычно сидят на ее спине.

А. НЕМЧИНОВА,

заведующая секцией орнитологии Московского зоопарка.

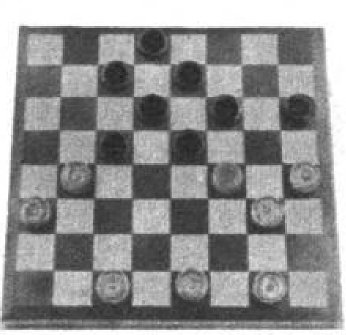
Пава и птенцы пенелопы.

ШАШКИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

Комбинация Алексея Семенова

В партии К. Шахсуваров—А. Семенов, игранной в московских соревнованиях, после напряженной борьбы создалась позиция, показанная на доске.

Ход черных

1. . . . c5—d4

Единственный и в то же время энергичный ход.

2. e1—d2 . . .

Можно было и 2. h4—a5 f6—g5 3. h4 : f6 e7 : e3 4. e1—d2 с равной игрой, так как на 4. . . . d4—c3 следовало 5. d2 : f4 c3—b2 6. a3—b4 b2—a3 7. b4—c5 и т. д., а на 4. . . d8—e7 5. d2 : f4 e7—f6 6. g3—h4 и т. д.

2. . . . d4—c3!

Плохо было бы 2. . . . d4—e3 из-за 3. b4—c5 e3 : g5 4. a3—b4, и, несмотря на лишнюю шашку, черные должны проиграть.

3. b4—c5 c3 : e1
4. c1—b2 d6 : b4
5. f4 : h8? . . .

До этого хода белые превосходно вели игру и после 5. f4 : f8 легко достигали ничьей. Теперь наступает развязка — в распоряжении черных оказывается скрытая эффектная комбинация.

5. . . . f6—e5!!
6. a3 : c5 e7—f6!
7. h8 : f4 f6—g5
8. h4 : f6 e1 : g5

и выиграли.

Между прочим

Радиопремудрость

Известный советский ученый и изобретатель в области радио М. А. Бонч-Бруевич перед первой мировой войной учился в Офицерской электротехнической школе. Однажды, когда слушатели школы были на маневрах, к ним подъехал один из приближенных Николая II, комендант Царскосельского дворца Воейков, и, разглядывая радиостанцию, спросил:

— Что это такое?

Радиосвязь в войсках только еще внедрялась, и придворный генерал, далекий от армии, если и слышал о ней, то лишь краем уха. Ему ответили, что перед ним полевая корпусная радиостанция мощностью в два киловатта.

— Кило, вата...— стараясь догадаться, что это такое, повторил Воейков.

— Так точно, кило ваты! — подтвердил Бонч-Бруевич.

Воейков многозначительно помолчал, кивнул на мачту и, желая показать, что ему тоже кое-что известно, сказал:

— А это что? Анатэма?

Антенну он спутал с «Анатэмой» — пьесой известного в то время писателя, но смеяться над невежеством придворного было нельзя. Слушатели не знали, как отвечать, но Бонч-Бруевич, увидев, что Воейков ровно ничего не понимает, вновь бойко подтвердил:

— Она самая, анатэма!

— Э... скажите,— продолжал Воейков,— а этот... радий... он что же, наверху?

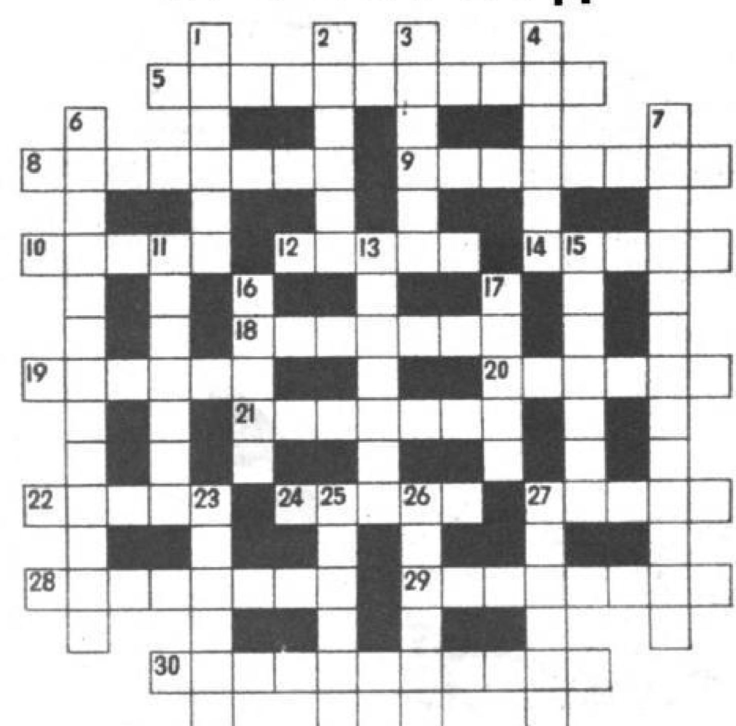
— Точно так, наверху анатэмы, в маленькой коробочке! — бодро отрапортовал Бонч-Бруевич, и царедворец был доволен, что опять угадал и не ударил лицом в грязь перед армейцами.

ТОЧНЫЙ РАСЧЕТ

Изошутка Ю. Черепанова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Польский писатель. 8. Отличительное свойство. 9. Русский ученый-естествоиспытатель, основоположник научного почвоведения. 10. Самая яркая из малых планет. 12. Порыв ветра. 14. Дальневосточная сардина. 18. Вечнозеленый кустарник. 19. Птица жарких стран. 20. Часть речи. 21. Ручная пила. 22. Передвижение, переход. 24. Металл. 27. Школьная принадлежность. 28. Прибор, преобразующий звуковые колебания в электрические. 29. Метеоролог. 30. Специалист по улучшению сорта растений или породы животных.

По вертикали:

1. Овощ. 2. Персонаж пьесы Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69». 3. Документ с объединенными сведениями. 4. Возвышенности на волжском берегу. 6. Наука. 7. Теория и практика составления словарей. 11. Порт в Италии. 13. Героиня произведения М. Горького «Мать». 15. Рукоделие. 16. Хвойное дерево. 17. Музыкальный инструмент. 23. Здание. 25. Одежда у древних римлян. 26. Бумажная ткань. 27. Спортсмен.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали:

1. Инкубатор. 6. Битум. 9. Экспериментатор. 12. Маховик. 16. Скрябин. 17. Куропатка. 18. Лампа. 19. Остов. 20. Потенциал. 21. «Дойна». 22. Автол. 23. Костяника. 25. Кипарис. 26. Ананьев. 30. Консервирование. 31. Дамка. 32. «Вольность».

По вертикали:

1. Истопник. 2. Кобура. 3. Ватуми. 4. «Тамань». 5. Распашка. 7. Аккомпаниатор. 8. Хозяйственник. 10. Санаторий. 11. Миноносец. 13. Купорос. 14. Почесть. 15. Вакцина. 16. Складка. 23. Кирсанов. 24 Ансамбль. 27. Предел. 28. Мичман. 29. Романс.

В этом номере на вкладках четыре страницы репродукций картин Рембрандта и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 06292 Подп. к печ. 15/ XII 1954 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 1016. Заказ 3520. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Чемпион и рекордсмен мира по стрельбе Анатолий Богданов.

Фото В. Токарева.

Цена номера 3 руб.